

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ОКТАВРЬ.

1879.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССѸ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. ВАЛАШЕВА.

Катерин. каналъ, между Возде. и Маринскимъ мостами, д. № 90—1.

1879.

СОДЕРЖАНІЕ.

Извлечение изъ всеподданнѣйшаго отчета Г. МИНИСТРА НАРОД-
НАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ за 1877 годъ.

Правительственныя распоряженія.

Оскія надписи. И. В. Помяловскаго.

Очерки изъ исторіи литературнаго дви-
женія на сѣверѣ Россіи во второй поло-
винѣ XVI вѣка. П. В. Владимірова.

Матеріалы для источниковѣдѣнія исто-
ріи Петра Великаго А. Г. Брикнера.

Критическія и библіографическія замѣтки.

Изъ древней исторіи Болгаръ. Сочиненіе Матвія
Соколова. К. Я. Грота.

Ө. И. Леонтовичъ. Къ исторіи русскихъ иврод-
цевъ. Древній Монголо-Калмыцкій или Овратскій
уставъ взысканій (Цааджинъ-Бичикъ). Н. А. Попова.

Къ вопросу объ организаціи учебной
части въ городскихъ училищахъ А. Баранова.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи на-
шихъ учебныхъ заведеній а) низшія учи-
лища.

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обертки).

ОСКІЯ НАДПИСИ.

И. Цвѣтаевъ. Сборникъ осскихъ надписей съ очеркомъ фонетики, морфологии и глоссаріемъ. Кіевъ, 1877 г.

Sylloge inscriptionum oscarum ad archetyporum et librorum fidem edidit Iohannes Zvetseff. Pars prior textum interpretationem glossarium continens. Petropoli, MDCCLXXVIII. Pars posterior tabulas continens. Lipsiae. MDCCLXXXVIII.

Оба сочиненія, заглавія которыхъ выставлены выше, представляютъ результатъ заграничной поѣздки автора, состоящаго нынѣ профессоромъ римской словесности въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ. Предметъ, изслѣдованію котораго они посвящены, составляетъ существенную сторону занятій ученаго, посвящающаго свои силы изученію формальной стороны латинской рѣчи, особенно въ ея историческомъ развитіи. Дѣйствительно, работы въ области древнѣйшаго періода латинскаго языка немыслимы безъ изученія италійскихъ діалектовъ, и преимущественно оскаго и умбрскаго, въ которыхъ мы находимъ весьма много явленій, близко сходныхъ съ явленіями архаической латыни, объясняемыхъ этими послѣдними и въ свою очередь ихъ объясняющихъ. Неразрывность изученія италійскихъ діалектовъ съ изученіемъ древнѣйшаго латинскаго языка подтверждается, кромѣ теоріи, и практикой: ученые, сдѣлавшіе въ послѣднее время значительнѣйшіе успѣхи въ методической разработкѣ италійской діалектологии — Корссенъ и Бухелеръ — оказали, особенно первый въ своемъ гигантскомъ трудѣ: „Ueber die Aussprache, Vokalismus und Betonung der lateinischen Sprache“, большія услуги изученію древнѣйшаго періода латинской рѣчи. И г. Цвѣтаевъ приступилъ къ

часть ссв, отд. 2.

своимъ скимъ студіямъ послѣ предварительнаго занятія формами древнѣйшаго латинскаго языка, результатомъ котораго была его почтенная статья: Къ вопросу постепенности развитія надежныхъ формъ въ латинскомъ языкѣ, помѣщенная въ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1875 года. Статья эта, составленная на основаніи новыхъ трудовъ по исторіи латинскаго языка, преимущественно же на основаніи извѣстнаго изслѣдованія проф. Бюхелера: „Grundriss der lateinischen Declination“, показываетъ въ авторѣ ученаго, близко знакомаго съ предметомъ, осторожнаго и выработавшаго извѣстный, опредѣленный методъ изслѣдованія.

Встрѣтившись во время своего путешествія по Италіи лицомъ къ лицу съ остатками древне-италійскаго міра, г. Цвѣтаевъ обратилъ вниманіе на тѣ изъ нихъ, которые болѣе другихъ были ему знакомы по предварительнымъ занятіямъ, на надписи, рассматривая ихъ сколько по содержанію, столько же и по языку. Въ послѣднемъ отношеніи для него особенно любопытны были древнѣйшіе эпиграфическіе памятники латинской рѣчи и надписи италійскихъ діалектовъ. Еще и прежде, какъ заявляетъ г. Цвѣтаевъ въ предисловіи къ русскому сочиненію, стр. III,—изъ теоретическаго знакомства съ ученою литературою оскскаго языка онъ вынесъ убѣжденіе въ томъ, что необходима точная провѣрка по оригиналамъ тѣхъ снимковъ съ оскскихъ надписей, надъ которыми трудялись многочисленныя филологи, по преимуществу пѣмедкіе. Исполнить эту провѣрку удалось автору во время путешествія по Италіи и Сициліи въ 1875 году. Тамъ онъ ознакомился, по возможности, со всѣми памятниками оскскаго діалекта, сдѣлавъ съ нихъ тщательныя исполненныя снимки, которые показали, что нѣкоторые памятники въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ издавались не вполне точно, а, слѣдовательно, и дѣлавшіеся изъ нихъ выводы не были безусловно вѣрными. Частные результаты своихъ занятій оскскими памятниками сообщалъ г. Цвѣтаевъ въ различныхъ италіанскихъ ученыхъ изданіяхъ: „Giornale degli scavi di Pompei, Bulletino dell' Instituto di corrispondenza archeologica и др. По окончаніи собранія и провѣрки оскскихъ памятниковъ, находившихся въ Италіи, сводя свои работы въ одно, г. Цвѣтаевъ пришелъ къ слѣдующему выводу: „Разпочтенія въ надписяхъ, добытыя личнымъ изслѣдованіемъ оригиналовъ, равно какъ и открытіе нѣсколькихъ новыхъ, не значительныхъ или не сплошь читаемыхъ другими, подали поводъ къ мысли приготовить полное изданіе оскскихъ надписей“. Такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ увезены изъ Италіи и находятся въ музеяхъ Ан-

глин, Франціи, Германіи, Россіи, то г. Цвѣтаевъ обратился къ компетентнымъ ученымъ съ просьбою сообщить ему самыя точныя снимки съ хранящихся въ ино-италианскихъ музеяхъ оскихъ памятниковъ. Благодаря участию этихъ ученыхъ, онъ могъ сдѣлать свое собраніе по возможности полнымъ.

Чтобъ оцѣнить значеніе трудовъ г. Цвѣтаева въ изученіи оскаго нарѣчія и его памятниковъ, мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ изученіи на западѣ, преимущественно въ Италіи и Германіи.

I.

До половины прошлаго столѣтія оскихъ надписей было извѣстно весьма немного, и потому онѣ не возбуждали особеннаго вниманія ученыхъ, которыя, хотя ихъ и издавали, но рѣдко пытались угадать и объяснить ихъ смыслъ и значеніе. Такъ, De Vit, издавшій въ 1754 г. древніе памятники Веневета (*Thesaurus Antiquitatum Venetianarum, Romae*) и помѣстившій въ I т. на стр. LXI Append. надпись, найденную въ Масchie, не могъ даже отгадать настоящаго положенія буквъ (онъ помѣстилъ надпись верхъ ногами) и указать, къ какому діалекту долженъ быть отнесенъ изданный имъ памятникъ; онъ говорилъ лишь вообще: *aliquid certe haec tabula Samnitici spirat redivivasque maiorum nostrorum litteras ostentat*. Если же нѣкоторые и пытались читать и объяснять оскіе памятники, то дѣлали это совершенно не методически и, естественно, приходили къ страннымъ результатамъ. Такъ, извѣстный и пользующійся уваженіемъ и доселѣ А. S. Mazocchi въ своей диссертаци: *Sopra l'origine de' Tirreni (Saggi di dissertazioni accademiche pubblicamente lette nella nobile accademia Etrusca dell' antichissima citta di Cortona. T. III, 1741)*; полной драгоцѣнныхъ данныхъ для археолога, толковалъ на стр. 41 слѣдующимъ образомъ надпись, изданную у г. Цвѣтаева подъ № 41 (лат. и 38 русск.) *die tertia Merkedonii Caruae sasga*, считая ее за отрывокъ календаря. Если же время отъ времени ученые и наталкивались на вѣрное объясненіе, то оно являлось у нихъ результатомъ случайности, а никакъ не методическаго розысканія—такимъ путемъ можно объяснить, что первый издатель извѣстнаго *cippus Abellanus, Remondini* угадалъ значеніе діакритическаго знака въ *u* и *i* (*o* и *ei*). Но современникъ и пріятель того же *Remondini Passeri*, извѣстный своими изслѣдованіями въ области этрусскаго языка, издавая эту надпись съ комментариемъ, не затруднялся толковать ее какъ документъ тѣжбы

о границахъ между жителями Ноли и Абеллы; по интерпретациі Пассери, на спорную мѣстность былъ отправленъ нѣкто Тапципъ, Ноланскій сенаторъ, военный трибунъ 1-го легіона, который, при содѣйствіи землемѣра и по справкѣ въ документахъ, рѣшилъ споръ, каковое рѣшеніе было во всеуслышаніе объявлено прекономъ.

Первую методическую попытку толкованія памятниковъ оскаго нарѣчія сдѣлалъ Абатъ Лунджи Ланци († 1810), единогласно признаваемый учеными, положившимъ первое начало наукообразному изученію италійскихъ діалектовъ. (См. его біографію, написанную G. B. Zanponi и помѣщенную въ Saggi, ed. Flor., 1824. Т. I). Капитальный трудъ Ланци подъ заглавіемъ: *Saggi di lingua Etrusca e di altre antiche d'Italia per servire alla storia de' popoli delle lingue e delle belle arti* (вышелъ впервые въ 1789 г. Мы пользуемся его перепечаткой во Флоренціи 1824 г. 3 voll. 8°), хотя и имѣетъ непосредственное отношеніе къ этрусскому языку, включаетъ, однако, не мало данныхъ и относительно другихъ италійскихъ нарѣчій. Эрудиція, съ которой приступилъ въ своему труду Ланци, по истинѣ изумительна: не говоря о начитанности въ древнихъ текстахъ, свидѣнія Ланци въ памятникахъ вещественныхъ можно назвать безусловно полными: не было ни одного исписаннаго камня, ни одного предмета искусства, ни одной сколько-нибудь замѣчательной монеты, которая не выдалъ бы и которыми не воспользовался бы Ланци; съ памятниковъ же ему недоступныхъ онъ имѣлъ копіи, доставленныя ему Гори, Пассери и другими знаменитостями того времени. Рядомъ съ эрудиціей въ трудѣ Ланци замѣчается рѣдкое остроуміе, соединенное съ осторожностью, даръ острой комбинаціи вмѣстѣ съ трезвостью мысли, которая не позволяетъ себѣ увлекаться тамъ, гдѣ нѣтъ твердой почвы, воздерживается отъ обманчивыхъ, хотя и увлекательныхъ сопоставленій и рѣзко отдѣляетъ возможное и вѣроятное отъ истиннаго и положительно доказаннаго. Однимъ изъ самыхъ важныхъ выводовъ Ланци было распредѣленіе италійскихъ нарѣчій на отдѣльныя группы. До него, кромѣ латинскаго, отличались группы этрусская и пеласгическая—подъ которую подводились, безъ всякаго разграниченія, и памятники умбрскіе и оскіе и даже древне-латинскіе. Ланци первый отмѣтилъ классы, а слѣдовательно, и діалекты надписей: умбрскіихъ, оскихъ, вольскихъ, марсійскимъ, мессапскихъ, евганейскихъ, пиценскихъ и др. Правда, онъ не совсѣмъ точно опредѣлилъ взаимное отношеніе этихъ діалектовъ, и въ особенности ихъ отношеніе къ языку этрусскому, но тутъ вина не Ланци, а его времени, не знав-

шаго еще о методѣ сравнительнаго языковѣдѣнія. Другою важною заслугою Ланци было выдѣленіе памятниковъ древнѣйшей латинской рѣчи и указаніе той роли, которую они должны играть при объясненіи неизвѣстныхъ италійскихъ діалектовъ. Этимъ Ланци далъ твердую почву для ихъ дальнѣйшаго методическаго изученія, почву, которая и доселѣ признается единственно прочною. Затѣмъ Ланци первый сдѣлалъ попытку палеографическаго изслѣдованія италійскихъ писемъ въ сравненіи съ древнѣйшими греческими, намѣтилъ немало вопросовъ фонетики и морфологіи, угадалъ истинное значеніе многихъ италійскихъ словъ и выраженій. Изученіе его труда не лишено извѣстнаго интереса и въ настоящее время. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что на ряду съ отмѣченными достоинствами, въ трудѣ Ланци немало и недостатковъ. Иные изъ нихъ происходятъ отъ невѣрнаго чтенія текстовъ, иные отъ неудачныхъ сопоставленій и невѣрныхъ аналогій, иные отъ недостатка матеріала. Самымъ существеннымъ недостаткомъ является отсутствіе методическаго изслѣдованія языка, основаннаго на сравнительномъ языкоученіи. Какъ видно съ перваго взгляда, этотъ недостатокъ присущъ болѣе времени, въ которое работалъ Ланци, чѣмъ ему самому.

Трудъ Ланци и метода, имъ указанная, оказали огромное вліяніе на послѣдующее поколѣніе италіанскихъ археологовъ; нѣкоторые вѣрили въ Ланци безусловно даже въ очепь недавнее время. Такое отношеніе объясняется отчасти незнакомствомъ съ трудами нѣмецкихъ ученыхъ, поставившихъ изученіе оскаго діалекта на строго научную почву, отчасти тѣмъ, что названные археологи, не посвящая своихъ силъ исключительному занятію италійскими діалектами, въ большинствѣ случаевъ являлись издателями вновь находимыхъ оскихъ памятниковъ, считавшими своею обязанностью и объяснить издаваемое. Между упомянутыми археологами слѣдуетъ отмѣтить: Гварини (Raimundo Guarini), Авеллино и Минервини. Нѣсколько словъ о ихъ дѣятельности будутъ не лишними. Первый, начавшій свои ученныя работы въ начальныхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, отличался необычайною производительностью; въ указателѣ, предпосланномъ Моммзеномъ его изданію надписей Неаполитанскаго королевства, исчислено до 55 сочиненій Гварини, археологическаго и преимущественно эпиграфическаго содержанія, изъ коихъ нѣкоторыя, какъ, напримѣръ, *Ricerche sullo antica città di Eclano*, довольно значительнаго объема. Ученныя заслуги Гварини Моммзенъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: „Онъ принесъ пользу двумя вещами: полнымъ собраніемъ

надписей своей родины Aesclapum, и тѣмъ, что издавалъ тотчасъ же тѣ памятники, которые открывались въ различныхъ мѣстахъ Неаполитанскаго королевства и о которыхъ ему сообщали его многочисленные знакомые. Но издавалъ онъ чрезвычайно неумѣло и небрежно, при чемъ эти недостатки увеличивались у него съ годами, и обуславливались совершеннымъ отсутствіемъ критики и сужденія". Издавая надписи, Гварини сопровождалъ ихъ болѣе или менѣе обширными и болшею частью никуда негодными объясненіями. Заимствуя свою доктрину не изъ первоисточниковъ, а изъ вторыхъ рукъ, онъ нерѣдко къ ошибкамъ своихъ предшественниковъ присоединялъ свои собственные, происходившія часто изъ ихъ непониманія. Естественно, что въ изданіи и объясненіи оскихъ памятниковъ Гварини не могъ претендовать на самостоятельное и научное ихъ изслѣдованіе; но съ этимъ еще можно было бы примириться, еслибы сообщаемые Гварини тексты были издаваемы съ надлежащею точностью и умѣньемъ. Къ сожалѣнію, и этого нельзя сказать про него, такъ какъ онъ, получая хорошіе снимки, не умѣлъ ихъ издать надлежащимъ образомъ; надпись № 28: km. b(a)bbiis km., сообщенная Гварини, его пріятелемъ Cassitto въ этомъ же видѣ, передана первымъ (*Commentatio XI in Osa epigrammata nonnulla. Neap. 1830, p. 38*) такъ: KAN. VN. VN. V. BIIZ. KAN. А вотъ и образчикъ переводовъ Гварини съ оскаго, дающій понятіе объ его свѣдѣніяхъ въ оскомъ языкѣ: надпись № 63 (русс. 59) переводитъ Гварини слѣдующимъ образомъ (*Comm. XI, p. 18*): C. Adiranius C. f. aedem quampram Cereri Pompeianae testamento fieri iussit inde extruxit C. Vinicius d. v. i. d. (=II vir iure dicundo) quaestor Pompeianus tert. denique decurionum decreto ipsammet dedit eidemque probavit. Тѣмъ не менѣе, благодаря отмѣченному выше обстоятельству, что въ трудахъ Гварини ученые впервые познакомились со многими важными памятниками, имя его долго приводилось и иногда приводится и теперь въ ученыхъ изслѣдованіяхъ; нѣкоторыя изъ его монографій выдержали даже нѣсколько изданій. Иное значеніе имѣетъ въ наукѣ ученый, имя котораго мы упомянули вслѣдъ за именемъ Гварини—Франческо Марія Авеллино († 1850). Многочисленные его монографіи (отчасти собранныя въ трехъ томахъ его *Opuscoli Napoli 1826—1836*) касаются археологіи въ обширномъ значеніи этого слова; въ нихъ Авеллино разсуждаетъ и о пумизматикѣ, и объ эпиграфикѣ, и о древнемъ искусствѣ, вездѣ опираясь на точное и близкое знакомство съ древними памятниками и литературою, руководясь тонкимъ чутьемъ и осторожно приходя

къ выводамъ. Работы его по древне-италійской нумизматикѣ долгое время считались единственными въ этой области, и только въ недавнее время Карелли нѣсколько отодвинулъ ихъ на второй планъ. Весьма важны и труды Авеллино по археологіи искусства. Обладая энциклопедическою ученостью, онъ въ 1842 году основалъ журналъ: *Bullettino archeologico Napoletano*, продолжавшійся до 1848. Этотъ ежегодникъ представляетъ драгоценный репертуаръ свѣдѣній относительно разнообразныхъ предметовъ древности, находящихся преимущественно въ Неаполѣ; главнымъ участникомъ въ журналѣ былъ самъ его издатель. Всѣ объясненія, которыми онъ сопровождаетъ издаваемые имъ памятники, заслуживаютъ и до сихъ поръ вниманія, по обилію матеріала, въ нихъ заключающагося, и по осторожности выводовъ. Хотя Авеллино и не занимался специально оскимъ діалектомъ, тѣмъ не менѣе труды его и въ этой области не мало важны. Ему принадлежитъ честь сравнительно весьма точнаго и тщательнаго изданія нѣсколькихъ оскихъ надписей, которыя сопровождаются всегда остроумнымъ и нерѣдко вѣрнымъ толкованіемъ. Хотя при этомъ Авеллино не шелъ путемъ строгой методики (онъ стоялъ на пути, проложенномъ Ланци), тѣмъ не менѣе, благодаря своему чутью, рѣдко впадалъ въ особенно рѣзкіе промахи; тамъ же, гдѣ дѣло касалось объясненія реального, какъ, на примѣръ, въ монографіи: *Conghetture sopra una iscrizione sannitica lette all' Accademia Ercolanese Napoli 1841. 4°*, онъ представлялъ соображенія и выводы, не лишённые значенія и доселѣ.

Дѣятельность третьяго изъ вышеназванныхъ ученыхъ, Минервини, относится, правда, уже къ тому періоду, когда, послѣ появленія труда Моммзена: *Oskische Studien*, изученію оскаго языка было дано чисто научное направленіе. Мы присоединили Минервини къ разсмотрѣнной группѣ потому, что его ученая дѣятельность во многомъ напоминаетъ дѣятельность Авеллино. Подобно этому послѣднему, Минервини также занимался археологіей въ обширномъ значеніи этого слова и посвятилъ нѣсколько специальныхъ трудовъ нумизматикѣ, эпиграфикѣ, археологіи искусства. Онъ же въ 1852 г. сталъ продолжать остановившійся въ 1848 г. *Bullettino archeologico Napoletano*; „новая серія“ этого журнала, продолжавшаяся восемь лѣтъ, включаетъ въ себѣ массу матеріала, въ высшей степени цѣннаго для археолога-классика. Въ сравненіи съ изданіемъ Авеллино, *Bullettino* Минервини оказывается уступающимъ по отношенію къ точности сообщеній и передачѣ издаваемыхъ памятниковъ, не говоря уже о томъ, что изслѣдованія Ми-

нервни не отличаются тою глубиною доктрины и тѣмъ остроуміемъ, которыя присущи всѣмъ работамъ его предшественника. Въ приложеніи къ оскому діалекту, дѣятельность Минервини ограничилась издавіемъ вновь находимыхъ надписей, сопровождаемыхъ посильными объясненіями, изъ которыхъ, помимо немногихъ удачныхъ догадокъ, особенно важны тѣ, которые имѣютъ отношеніе къ описанію памятника и обстановки, въ коей онъ былъ найденъ. Кромѣ того, дѣятельность Минервини важна еще и въ томъ отношеніи, что черезъ нее единственно, въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ, знакомялась съ многими оскими памятниками нѣмецкая наука.

Въ 1845 г., отдѣльнымъ оттискомъ изъ XIII тома основаннаго знаменитымъ Савиньи журнала *Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft*, появилась книга Моммзена: *Oskische Studien*, положившая начало методическому изслѣдованію оскаго діалекта. Свои работы по италійской діалектологіи Моммзенъ продолжалъ и впослѣдствіи, большею частью въ различныхъ журналахъ и повременныхъ изданіяхъ (*Annali* и *Bullettino del Instituto di corrispondenza archeologica* въ Римѣ, *Mittheilungen der antiquarischen Gesellschaft in Zurich* и др.), и въ 1850 г. собралъ ихъ въ монументальное сочиненіе: *die unteritalische Dialekte*, служащее и теперь краеугольнымъ камнемъ въ изученіи италійскихъ діалектовъ. Не намъ вдаваться въ оцѣнку этого труда, для которой надобно обладать и доктриной и остроуміемъ Моммзена: мы укажемъ здѣсь только на нѣкоторыя его особенности, оказавшія огромныя услуги дальнѣйшимъ изслѣдователямъ, которые всѣ до единого въ своихъ студіяхъ выходили и выходятъ изъ книги великаго учителя. То, что Моммзенъ нашелъ въ работахъ своихъ италіанскихъ предшественниковъ, было указано выше; нѣсколько болѣе сдѣлали до него нѣмецкіе ученые, и ровно ничего—французскіе. Изъ нѣмецкихъ предшественниковъ Моммзена слѣдуетъ отмѣтить: Кленце, К. О. Миллера, Гротефенда, Лепсіуса.—Ученныя заслуги Кленце, какъ романиста, общезвѣстны: его *fragmenta legis Serviliae repetundarum* (Berlin. 1825) представляютъ блестящій памятникъ его учености и дарованій, поучительный и нинѣ, не смотря на то, что изслѣдованія позднѣйшихъ ученыхъ во многомъ исправили и опровергли взгляды и выводы автора. Точно также навидательно и его, къ сожалѣнію, не оконченное изслѣдованіе: *das oskische Gesetz auf der Bantinschen Tafel*. (C. A. C. Klenze: *Philologische Abhandlungen* herausgeg. v. K. Lachmann. Berlin. 1839 p. 25—55). Въ немъ Кленце гениальнымъ чутьемъ, которымъ руководило вѣрное

сопоставленіе латинскихъ юридическихъ формулъ съ неизвѣстными осскими, угадалъ значеніе этихъ послѣднихъ, указалъ на нѣкоторыя грамматическія формы и смыслъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ словъ (такъ онъ фразу: *pr. suae praefucus pod post exae bansae fust* вѣрно перевелъ: *praetor sive praefectus posthac Bontiae fuerit* (см. Bücheler: *Oskische Bleitafel*. 1878, p. 55); въ пониманіи *pon censur bansae tovtam cenžaset, pis cevs bantins fust — quum censor Bantiae hanc censuerit qui civis Bantinus fuerit*, весьма немного удалился отъ истины). Еще болѣе значительны заслуги Кленце въ реальномъ объясненіи текста, при которомъ онъ выходилъ изъ основаній, положенныхъ Нибуромъ, и хотя послѣдующія изслѣдованія, въ особенности Кирхгофа и Ланге, во многомъ видоизмѣнили толкованія Кленце и даже привели къ иному взгляду на основное значеніе закона, изложеннаго на памятникѣ, тѣмъ не менѣе объясненіе Кленце должно считать положительнымъ основаніе какъ правильному пониманію бантинской надписи въ частности, такъ и различныхъ сторонъ политическаго и бытоваго устройства Бантинцевъ вообще.—Одновременно съ Кленце на оскій языкъ обратилъ вниманіе К. О. Миллеръ, въ своей извѣстной книгѣ: *Die Etrusker* (1-е изд. Breslau, 1828; 2-е, совершенно переработанное изданіе, подъ редакціей W. Deeske: Stuttgart 1877—1878, 2 voll. 8°). Основываясь отчасти на мнѣніи Нибура, Миллеръ полагаетъ, что Оски и Латине были нѣкогда однимъ народомъ, и что латинскій языкъ въ нѣкоторомъ смыслѣ можетъ быть названъ діалектомъ оскаго. Выводы изъ этого положенія дальнѣйшія слѣдствія, Миллеръ опиравшись на разсмотрѣніи алфавита Осковъ (при чемъ онъ невѣрно опредѣлялъ знаки для *d* и для *r*), ихъ фонетики, грамматическихъ формъ и значеніе нѣкоторыхъ словъ и фразъ (такъ, строку 17 sqq. бантинской надписи: *svae pis contrud exeic fefacust ionc svae pis herest meddis moltaum licitud ampert mistreis aeteis eitnas licitud* онъ переводитъ: *si quis contra... fecerit hunc si quis volet (?) Meddik multare liceto*)... Перевода же или объясненія какого нибудь цѣльнаго оскаго памятника представить Миллеръ не пытался.—Названный трудъ Миллера вызвалъ къ записку италійскими діалектами знаменитаго изслѣдователя клипообразныхъ письменъ Г. Ф. Гротефенда. Въ своихъ: *Rudimenta linguae umbricae. Hannov. 1835* онъ подвергъ изслѣдованію остатки умбрскаго, а въ *rudimenta linguae oscae ex inscriptionibus antiquis enodata 1839—1840*, остатки оскаго говора. Останавливаясь на послѣдней книгѣ, слѣдуетъ отмѣтить, что въ ней мы имѣемъ замѣчательное явленіе не столько по исполненію, сколько по

начинанію. Приемы лингвистическихъ изслѣдованій Гротефенда ошибочны въ корнѣ—хотя и тутъ, благодаря своей гениальности, Гротефендъ угадалъ не мало истиннаго—вслѣдствіе чего онъ приходитъ къ страннымъ толкованіямъ (такъ, над. № 160, русск. № 153, онъ переводитъ: *stenius calinius statii (filius) hic marae romam dicavit simul sivit qua medik ufens sanxit totum mamertinum (nomen) agere hic chogum*), совершенно не методически опредѣляетъ значеніе грамматическихъ формъ и т. п. Но рядомъ съ этимъ Гротефендъ оказалъ своей книгой услугу наукѣ въ томъ отношеніи, что онъ первый пришелъ къ мысли собрать всѣ извѣстные оскіе памятники въ отдѣльный сборникъ, подвергнуть каждый изъ нихъ въ цѣлости особому изслѣдованію и толкованію и уяснить темныя ихъ стороны чрезъ сопоставленіе. Особенное вниманіе обратилъ Гротефендъ на оскій алфавитъ, въ которомъ вѣрно угадалъ значеніе нѣкоторыхъ знаковъ. Въ 1841 году появляется замѣчательный трудъ К. Р. Лепсіуса: *Inscriptiones umbricae et oscae quotquot adhuc repertae sunt omnes. Lipsiae, 8°*, съ атласомъ in fol., по идее совершенно схожій съ трудомъ Гротефенда, но имѣвшій гораздо болѣе значенія въ наукѣ. Лепсіусъ выходилъ изъ совершенно вѣрной мысли (вызванной между прочимъ и книгою г. Цвѣтаева) о томъ, что научное изслѣдованіе памятниковъ италійскихъ нарѣчій можетъ быть ведено съ успѣхомъ только тогда, когда самые памятники будутъ изданы безукоризненно точно. Многие, между прочимъ и Гротефендъ, избѣгли бы значительнаго числа ошибокъ, еслибъ имѣли подъ руками вѣрные снимки (до чего иногда доходила ихъ неточность, прекрасно указано на примѣрахъ самимъ Лепсіусомъ: *praef.*, р. VIII, IX). Лепсіусъ воспользовался своимъ двухлѣтнимъ пребываніемъ въ Италіи для того, чтобы лично ознакомиться съ италійскими памятниками и снять съ нихъ по возможности вѣрные снимки; тѣ же памятники, которые ему не удалось видѣть, воспроизведены Лепсіусомъ на основаніи печатныхъ изданій. При каждомъ памятникѣ есть указаніе, гдѣ и когда онъ найденъ, и отмѣчена его литература. Такимъ образомъ изданы Лепсіусомъ, не считая монетъ, 47 осскихъ надписей, изъ коихъ нѣкоторыя, напримѣръ: (*deve deklune statom etc.*) впоследствии отнесены къ другимъ говорамъ. Моммзенъ, положившій тексты Лепсіуса въ основу своихъ *Oskische Studien*, хвалитъ точность его передачи, говоря, что, напримѣръ, въ *cippus Abellanus* новымъ издателемъ устрепено до 250 ошибокъ. Однако, лично ознакомившійся съ памятниками, онъ нѣсколько перемѣнилъ свое мнѣніе, ибо убѣдился, что снимки Лепсіуса не вездѣ безукоризненны и часто могутъ подать

поводъ къ ложнымъ выводамъ и заключеніямъ (Nachträge, p. 362); особенно это надобно сказать про *tabula Bantina*, между тѣмъ какъ *cirrus Abellanus* передавъ, за исключеніемъ мелкихъ подробностей, весьма тщательно. Во всякомъ случаѣ, Лепсіусу принадлежитъ честь перваго научнаго изданія оскихъ памятниковъ. Къ текстамъ издатель отнесся не пассивно, но подвергъ ихъ строгой, и впоследствии не оправдавшейся, критикѣ; онъ заподозрилъ подлинность пяти памятниковъ (монетъ, къ которымъ издатель отнесся съ особенною строгостью, мы не считаемъ), между прочимъ онъ заподозрилъ камень изъ *Altilia* (Цвѣт. № 25, русск. 26), мессинскую надпись (Цвѣт. 160, русск. 153) и др. Въ большинствѣ случаевъ Лепсіусъ шелъ слишкомъ далеко въ своихъ подозрѣніяхъ (какъ курьезъ можно указать на то, что мессинскую надпись, изданную впервые въ 1624 г., Лепсіусъ считаетъ поддѣлкой XVIII в.), но все же въ нихъ нельзя не видѣть его остроумія, проницательности и доктрины. Кромѣ текстовъ, къ которымъ примыкаетъ весьма обстоятельное изслѣдованіе о монетахъ, въ книгѣ Лепсіуса помѣщены: розысканія объ умбрскомъ и оскомъ алфавитахъ, въ которыхъ впервые опредѣлено истинное значеніе знаковъ D и R, V = O, и др. и подробные указатели, какъ словъ, встрѣчающихся въ памятникахъ, такъ и приводимыхъ древними писателями, какъ слова италійскихъ нарѣчій. Любопытенъ взглядъ Лепсіуса на методику и возможные результаты изученія италійскихъ діалектовъ: онъ убѣжденъ, что абсолютно полной интерпретаціи ихъ текстовъ мы, при нашихъ средствахъ, достигнуть не можемъ, такъ какъ невозможно надѣяться на то, чтобы послѣдующія открытія ознакомили насъ со всѣмъ составомъ этихъ діалектовъ. Иное дѣло грамматика: извѣстныя, сами по себѣ не многочисленныя формы, законы, аналогіи могутъ быть наблюдаемы въ значительномъ количествѣ и на небольшомъ числѣ памятниковъ. Посему слѣдуетъ стараться ознакомиться съ грамматическими началами названныхъ діалектовъ, проявляющимися въ звукахъ, ихъ видоизмѣненіяхъ и главныхъ формахъ. Впрочемъ, Лепсіусъ не отказывается совершенно отъ интерпретаціи словъ; онъ полагаетъ только, что въ ней не слѣдуетъ сводить все къ толкованію отдѣльныхъ словъ, но пользоваться ею для болѣе высшихъ и важныхъ цѣлей. Путь подобной интерпретаціи указанъ Нибуромъ и продолженъ К. О. Миллеромъ и Кленце (praef., p. IX, X). Остроуміе и чутье Лепсіуса намѣтили въ общихъ чертахъ то, что недавно весьма ясно и категорически высказано Бухелеромъ.

Не останавливаясь на работахъ другихъ ученыхъ предшественни-

ковъ Моммзена (отмѣтимъ только статьи Петера въ *Haller Allgemeine Litteratur Zeitung* 1842 г., касающія объясненія *cippus Abellanus* и *tabula Bantina*, и краткаго, но основательнаго изложенія основъ грамматики, программу Шемана о словахъ *meddix tuticus* въ *Opuscula III*, p. 411—28, рецензію Корссена въ *Berliner Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik* 1846 г., май, и статьи Курціуса въ *Zeitschrift f. d. Alterthumswissenschaft V*), мы перейдемъ къ его труду: *Die Unteritalischen Dialekte*, вышедшему въ Лейпцигѣ въ 1850 г., и вмѣстѣ съ другимъ, появившимся почти одновременно, сочиненіемъ: *Die Umbrischen Sprachdenkmäler. Ein Versuch zur Deutung derselben* von S. Th. Aufrecht und A. Kirchhoff. Berlin, 1849—1851. 2 vol. 4°, легшему въ основу методическаго изученія италійскихъ діалектовъ, представителями котораго являются Корссенъ, Бюхелеръ, Вугге, Фабретти и др. Поводами къ появленію труда Моммзена были, по его собственнымъ словамъ, многочисленныя и важныя открытія италійскихъ памятниковъ и сознанныя необходимостью исправить ошибки и недостатки предшественниковъ. Его сочиненіе распадается на слѣдующія главы: италійскіе алфавиты, мессапскій діалектъ, оскій языкъ, вольскій діалектъ, сабельскій діалектъ. Къ книгѣ приложено 17 таблицъ снимковъ и три карты. И въ этомъ сочиненіи, какъ и во всѣхъ другихъ трудахъ Моммзена, блистательнымъ образомъ проявились особенности его дарованій: широта взгляда, обнимающаго извѣстный вопросъ въ цѣлости, усматривающаго его мѣсто въ ряду другихъ вопросовъ, гениальная дивинація, приводящая къ блестящимъ выводамъ, остроуміе, проявляющееся особенно въ удачныхъ комбинаціяхъ, и рядомъ съ ними изученіе предмета во всѣхъ, даже мельчайшихъ, деталяхъ, трезвое критическое сужденіе, осторожность, вездѣ сознающая степень твердости почвы, на которой стоитъ изслѣдователь. Въ области изученія италійскихъ діалектовъ Моммзенъ не имѣетъ себѣ равнаго. Это сознается большинствомъ современныхъ лингвистовъ, и между прочимъ лицомъ, которое признается теперь однимъ изъ авторитѣйшихъ въ области италійской діалектологіи — профессоромъ Бюхелеромъ. Позднѣйшія изслѣдованія хотя и подвинули италійскую діалектологию, однако всѣ точки исхода брали и берутъ изслѣдованія великаго учителя, хотя и исправили и дополнили его трудъ въ частностяхъ, но общій взглядъ и методу изслѣдованія оставили неприкосновенными. Вслѣдствіе этого мы считаемъ не излишнимъ ознакомить читателей съ взглядомъ Моммзена на методъ изученія оскаго діалекта, преимущественно съ его формальной стороны. „Для разгадки

оскихъ надписей^а, говоритъ Моммзенъ (р. 205),— „мы не имѣемъ никакихъ прямыхъ пособій; немногія глоссы Феста, передающія, правда, оскія слова въ неиспорченномъ видѣ и отчасти съ неизмѣнными окончаніями... даютъ мало помощи. Поэтому пришлось бы совершенно отказаться отъ пониманія надписей, еслибы не существовало между извѣстными намъ языками одного, достаточно близкаго къ оскому; исходя изъ него-то, мы можемъ надѣяться изслѣдовать часть оскихъ надписей—часть, потому, что желаніе разгадать на основаніи цѣлаго состава индогерманскихъ языковъ не только окончанія, но и корни въ отдѣльномъ неизвѣстномъ діалектѣ, было бы предпріятіемъ безумнымъ, и во всякомъ случаѣ тщетнымъ. Къ какому языку мы должны здѣсь обратиться, объ этомъ говорятъ намъ уже древніе писатели: Поливій, называющій Мамертинцевъ чуждыми Грекамъ и родственными Римлянамъ, Стравонъ, полагающій, что Самниты по большей части говорили латинскимъ діалектомъ. Это чутье Грековъ, по которому они, противоположая себѣ Италиковъ, признавали ихъ за одну народность, подтверждаютъ и остатки оскаго языка, въ существующихъ пунктахъ совпадающіе съ латинскимъ. Такъ мы увидимъ, что гласные, дифтонги, согласные Осковъ въ точности соотвѣтствуютъ латинскимъ; двойные согласные *of od ot*, система придыханія Грековъ, законъ, по которому соединяются лишь однородныя нѣмныя или по которому ни одно слово не кончается иначе, чѣмъ на гласный или на *rs*—совершенно чужды всѣмъ италійскимъ нарѣчіямъ, за исключеніемъ развѣ мессапскаго; соединенія *ku* и *su* части у Италиковъ и невозможны для Грека; латинскіе *Supinum* и *Passivum* встрѣчаются и у Самнитовъ, и неизвѣстны Грекамъ. Съ другой стороны, Самниты, также какъ и Римляне, не знаютъ греческаго двойственнаго, желательнаго, формъ средняго залога, числа. Наконецъ, въ корняхъ мы находимъ съ перваго взгляда цѣлыя ряды общіе какъ Римлянамъ, такъ и Самнитамъ. Если подобныя наблюденія позволяютъ намъ попробовать разобрать оскій языкъ, то въ то же время они и требуютъ придерживаться вездѣ по возможности близко латинскаго и привлекать другіе индоевропейскіе языки лишь въ той мѣрѣ и степени, въ какой они разъясняютъ и дѣлаютъ болѣе понятными явленія латинскаго. Рѣдки случаи, въ которыхъ нельзя отклонить аналогію между оскимъ и греческимъ; такъ, кажется въ оскихъ словахъ встрѣчается *χάρη*, *βλος* въ *sollo*, *πόχα* въ *rokkarid*; встрѣчается въ оскомъ и парогическое *v* и образованіе *futuri* имѣетъ болѣе сходства съ греческимъ, чѣмъ съ латинскимъ. Естественно, что иногда и менѣе сред-

ные языки сходятся тамъ, гдѣ расходятся болѣе близкіе; вообще же, исключительнымъ мѣриломъ является аналогія съ латинскимъ. Основываясь на ней и на сохранившихся въ несравненной чистотѣ первоначальныхъ формахъ, также какъ и на изумительно прекрасномъ и послѣдовательномъ проведеніи законовъ языка, мы попытаемся восстановить по возможности разумнѣе оскаго нарѣчія. Еслибы удалось узнать языкъ умбрскій, который, судя по племенному родству и по памятникамъ, еще ближе къ оскому, чѣмъ латинскій, то выяснилось бы еще многое, что теперь остается не разрѣшимымъ⁴.

Послѣ подробнаго разсмотрѣнія италійскихъ алфавитовъ (изложеннаго въ отдѣльной главѣ), которое, благодаря весьма важнымъ открытіямъ, могло быть сдѣлано съ большою подробностью и большимъ успѣхомъ, чѣмъ прежде, Моммзенъ переходитъ къ вопросу о мѣстномъ и временномъ распространеніи оскаго нарѣчія. Этотъ вопросъ тѣмъ болѣе любопытенъ, что, за отсутствіемъ литературныхъ свидѣтельствъ, рѣшается почти исключительно на основаніи монументальныхъ памятниковъ, указывающихъ развитость языка на значительность почти всецѣло погибшей самнитской письменности. По изслѣдованіямъ Моммзена, область оскаго языка вмѣщала въ себѣ гнѣзда Самнитовъ, Френтановъ, сѣверныхъ Апулійцевъ, Гиринновъ, Кампанцевъ, Лукановъ, Вруттіевъ и Мамертинцевъ—слѣдовательно, всѣхъ Самнитскихъ народностей; что касается до временнаго распространенія оскаго языка, то оно тоже можетъ быть опредѣлено съ достаточною точностью: начинаясь съ половины IV в. (ок. 331 г.), оскій языкъ не встрѣчается на памятникахъ послѣ 666 г., исчезаетъ же совсѣмъ нѣсколько позже, можетъ быть, во время Августа. Въ этомъ пространствѣ Моммзенъ различаетъ два періода: первый, продолжающійся до начала V в. и показывающій значительное вліяніе греческаго языка на письмо и составъ языка, и второй, характеризующій свободнымъ и самостоятельнымъ развитіемъ языка, приводящимъ къ заключенію о высокой степени культуры говорившаго имъ народа. Страницы, на которыхъ Моммзенъ излагаетъ результаты, извлекаемые изъ оскихъ памятниковъ, касательно исторіи языка, хронологіи документовъ, отношенія оскаго языка къ латинскому и т. п., представляютъ мастерское изложеніе, не превзойденное и доселѣ.

Вслѣдъ за этимъ общимъ введеніемъ идетъ собраніе оскихъ памятниковъ. Оно, не смотря на позднѣйшія дополнительныя работы, не смотря на появленіе книги г. Цвѣтаева, неизбѣжно должно быть подъ руками всякаго, занимающагося оскимъ діалектомъ. Количество

изданных Моммзеномъ памятниковъ (не считая монетъ) восходить до 62, слѣдовательно, болѣе противъ изданныхъ Лепсіусомъ на 15. Въ числѣ вновь открытыхъ первое мѣсто принадлежитъ бронзовой доскочкѣ изъ Агнопе. Большинство памятниковъ издано по собственнымъ снимкамъ Моммзена и издано съ безукоризненною точностью. Внимательно сличивъ тексты Моммзена съ текстами г. Цвѣтаева, мы отмѣтили въ нихъ 112 вариантовъ, но изъ этого числа нѣкоторые касаются такихъ подробностей, какъ напримѣръ, точекъ или неясныхъ остатковъ буквъ, большинство же происходитъ отъ неясно начертанныхъ знаковъ въ оригиналахъ, которые съ одинаковымъ правомъ можно читать или такъ или иначе. Въ памятникахъ, сохранившихся такъ хорошо, какъ, напримѣръ, бронза изъ Агнопе, или надпись въ Помпеяхъ (Цвѣт. 63, русск. 59) мы или вовсе не имѣемъ вариантовъ (невѣрное начертаніе п и а въ *orsappam* падаетъ на литографа) или имѣемъ ничтожныя (въ родѣ отсутствія точки между *kerriin veskei*, отмѣченнаго г. Цвѣтаевымъ, и между *evkloi statif*, имъ не отмѣченнаго). Засимъ, большинство изъ памятниковъ снабжено переводомъ, который, въ общемъ, удерживается и въ настоящее время; достойно изумленія, какъ нерѣдко, руководясь единственно своимъ чутьемъ и общимъ взглядомъ на памятники, Моммзенъ угадывалъ истину тамъ, гдѣ послѣдующіе изслѣдователи, останавливаясь на разборѣ частныхъ и терли изъ-за нихъ цѣлое, удалились отъ вѣрнаго пониманія. Немногіе памятники, оставленные Моммзеномъ безъ перевода и толкованія, объяснены и переведены теперь; большинство же не разгаданныхъ имъ словъ и формъ остается загадкой и нынѣ. Таковы слова: *aapas*, *ahudjuni*, *altinom*, *arhinis*, *degvinum*, *iv*, *kafas*, *koru*, *κωάχηρητ*, *Kulirinis*, *ακλαβεας*, *οσοτιον* и нѣкоторыя другія; иныя же, оставленные Моммзеномъ безъ толкованія, толкуются теперь, хотя нерѣдко съ выраженіемъ сомнѣнія въ вѣрности объясненія; напримѣръ, *Maamieise* (Mamius?), *tio* (tu), и др. Вслѣдъ за текстомъ Моммзенъ сообщаетъ описаніе памятника, время и обстоятельства его находки и подробную литературу. Всѣ эти сообщенія, отличающіяся полнотою и обстоятельностью, не лишены значенія и послѣ книги г. Цвѣтаева, который, хотя и представляетъ тѣ же данныя, но въ болѣе краткомъ и сжатомъ видѣ. Наконецъ, выдающіеся по своему значенію и объему памятники снабжены подробнымъ комментариемъ, указывающимъ какъ ихъ общее значеніе, такъ и смыслъ встрѣчающихся въ нихъ частныхъ.

Вслѣдъ за текстами идетъ грамматика, изложенная Моммзеномъ на основаніи приведенныхъ выше принциповъ. Грамматика эта, со-

ставленная рукою мастера и отличающаяся полнотою и ясностью, виѣщаетъ въ себѣ отдѣлы, рассматривающіе: а) гласные, ихъ измѣненія и переходы, приращенія и усѣченія, б) согласные, в) склоненія и г) спряженія. Въ этомъ изложеніи, въ высшей степени важномъ и для исторіи латинскаго языка, оская грамматика впервые была поставлена на научную почву, и если позднѣйшія изслѣдованія нѣсколько видоизмѣнили и дополнили ея отдѣльныя частности, то все же, въ общемъ, приемы изслѣдованія и общее его направленіе остаются тѣ же.

Послѣ небольшого отдѣла, посвященнаго разсмотрѣнію собственныхъ именъ, идетъ глоссарій, въ которомъ блистательнѣе всего проявились эрудиція и остроуміе Моммзена. Изученіе этой части его труда можно въ особенности рекомендовать, какъ образецъ работъ подобнаго рода. Въ глоссаріи Моммзена вошли не только слова, встрѣчающіяся на памятникахъ, и притомъ во всѣхъ ихъ разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ, но и рѣченія, сохраненныя намъ древними писателями, такъ что въ немъ мы имѣемъ полный алфавитный сборникъ всѣхъ извѣстныхъ въ то время данныхъ, составлявшихъ составъ оскаго языка. При каждомъ словѣ указанъ памятникъ, въ которомъ оно попадаетъ, и по возможности опредѣлена его грамматическая форма, а затѣмъ и соответствующее ему по значенію латинское слово. Гдѣ необходимо, авторъ обращаетъ вниманіе на связь, въ которой находится на памятникѣ оское рѣченіе, указываетъ его корень, суффиксъ — никогда не теряя изъ виду сравненія съ латинскимъ языкомъ и лишь изрѣдка обращаясь къ греческому. Эти сравненія въ высшей степени поучительны по огромной, проявляющейся въ нихъ эрудиціи, и по рѣдкому остроумію, которое сказывается на каждомъ шагу даже и тамъ, гдѣ авторъ увлекается за предѣлы возможности. Впрочемъ, это бываетъ рѣдко: въ большинствѣ случаевъ Моммзенъ на столько откровененъ, что не боится выставить, гдѣ это нужно, свои сомнѣнія и недоумѣнія, и нерѣдко сознаваться въ невозможности узнать значеніе того или другаго слова. Но никогда не дѣлаетъ онъ этого признанія, не испробовавъ предварительно всѣхъ доступныхъ ему способовъ рѣшенія, а ихъ у него подъ рукою цѣлая масса. Оттого и происходитъ отмѣченное выше явленіе, что почти вездѣ, гдѣ недоумѣвалъ Моммзенъ, недоумѣваютъ и современные италійскіе діалектологи.

Послѣднее, которое мы считаемъ нужнымъ отмѣтить, достоинство труда Моммзена состоитъ въ томъ, что, вѣрнымъ чутьемъ угадавъ неразрывную связь оскаго діалекта съ вольскимъ и сабельскимъ,

онъ представилъ и памятники послѣднихъ, изученіе которыхъ во многомъ бросаетъ яркій свѣтъ на данныя перваго. Поэтому не можемъ не пожалѣть, что г. Цвѣтаевъ не отвелъ и памятникамъ названныхъ діалектовъ мѣста въ своей книгѣ: число ихъ не особенно велико, а пересмотръ ихъ текста такъ же необходимъ, какъ и пересмотръ текста оскихъ памятниковъ.

Трудъ Моммзена не могъ не обратить вниманія филологовъ, не могъ не вызвать ихъ къ дальнѣйшимъ работамъ въ указанномъ имъ направленіи. И дѣйствительно, съ 50-хъ годовъ начинается значительное научное движеніе въ области италійской діалектологии, во главѣ котораго стоятъ главнымъ образомъ пѣмецкіе ученые. Итальянцы тоже принимаютъ въ немъ участіе, но больше какъ издатели памятниковъ, Французы же до послѣдняго времени оскимъ языкомъ не занимались. Лишь очень недавно Бреаль и Аве (Nave) стали посвящать свои силы италійскимъ діалектамъ и заявили себя, какъ ученые даровитые и основательные. Трудъ перваго ученаго, извѣстнаго превосходнымъ переводомъ грамматики Вонпа: *Les tables Eugubines*. Paris, 1875, посвященный умбрскому діалекту и заключающій текстъ, переводъ и комментарий знаменитыхъ губбійскихъ досокъ, при всѣхъ увлеченіяхъ и ошибкахъ автора, представляетъ явленіе замѣчательное, дѣлающее честь современной филологической наукѣ во Франціи. Особеннаго вниманія заслуживаетъ ясность изложенія и логичность выводовъ, которыя, въ соединеніи съ оригинальною самостоятельностью взглядовъ (не всегда, впрочемъ, вѣрною), дѣлаютъ изъ книги Бреаля трудъ весьма почтенный. Его достоинство увеличивается превосходно исполненнымъ атласомъ, представляющимъ въ facsimile названнаго доски. Не менѣе почтенное явленіе представляетъ трудъ Аве: *Précis de la déclinaison latine par Fr. Bücheler*. Paris, 1875. Книга эта есть переводъ, или точнѣе сказать, переработка извѣстной брошюры Вюхелера: *Grundriss der lateinischen Declination*, Leipzig 1866, переработка, дѣлающая французскую книгу трудомъ какъ бы совершенно новымъ. Этому способствовалъ, съ одной стороны, самъ авторъ, доставившій Аве много дополненій и исправленій, а съ другой—и переводчикъ, обнаружившій въ обширномъ введеніи и многочисленныхъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ большую эрудицію, какъ въ латинскомъ, такъ и италійскихъ языкахъ, вѣрный методъ и значительное остроуміе. Кромѣ того, Аве, вмѣстѣ съ Бреалемъ, принимаетъ дѣятельное участіе въ превосходномъ періодическомъ изданіи: *Mémoires de la société de linguistique de Paris*.—Сочиненій М. Ring: *Histoire des peuples*

opiques de leur législation, de leur culte, de leurs moeurs, de leur langue, Paris—Strasbourg, 1859, и F. Rabaté: De la langue osque, Paris—Rennes, 1865, мы характеризовать не будемъ за ихъ научную непригодность.

Изъ итальянскихъ ученыхъ послѣдняго 25-тилѣтія, кромѣ упомянутого выше Минервини, слѣдуетъ отмѣтить: Фиорелли, де-Петра, Гаруччи и Фабретти. Дѣятельность первыхъ трехъ сосредоточивается главнымъ образомъ на изданіи и объясненіи вновь найденныхъ памятниковъ оскаго языка, въ специальныхъ археологическихъ журналахъ: Scavi di Pompei, Notizie degli scavi di antichità и отчасти въ римскомъ *Bullettino di corrispondenza archeologica*. Фиорелли, кромѣ того, извѣстенъ и другими трудами, въ которыхъ также помѣщались оскія надписи то въ превосходныхъ факсимиле, то въ простой транскрипціи; таковы: *Monumenta epigraphica Pompeiana ad fidem archetyporum expressa. Inscriptionum Oskarum apographa. Pars I. Neapoli, 1854; Monumenti antichi posseduti dal conte di Siracusa 1853. Napoli; Catalogo del museo nazionale di Napoli. Raccolta epigrafica. 1. Iscrizioni Greche ed italiane. Napoli, 1867, Descrizione di Pompei. Napoli, 1875* и др. Изданія Фиорелли въ общемъ отличаются обстоятельностью и точностью и сообщаемые имъ тексты въ большинствѣ случаевъ передаются тщательно. Что составляетъ особенную заслугу этого ученаго, такъ это его практическая дѣятельность, какъ начальника національнаго Неаполитанскаго музея и теперь директора раскопокъ въ Италіи. Характеристика ея не входитъ въ нашу задачу. Теперешній директоръ названнаго музея, Дж. де-Петра, издавшій нѣсколько вновь найденныхъ оскихъ памятниковъ, заявилъ себя какъ издатель опытный и умный и какъ объяснитель свѣдущій и знакомый съ результатами современной науки. Его любезности и готовности сообщать свѣдѣнія о памятникахъ ему доступныхъ многимъ обязаны ученые, въ томъ числѣ и г. Цвѣтаевъ, выразившій ему свою признательность посвященіемъ де Петръ своего изданія. Дѣятельность третьяго изъ названныхъ ученыхъ, іезуита Раф. Гаруччи, достойна изумленія по своей плодovitости и разнообразію: археологія, эпиграфика, нумизматика, исторія, филологія классическая и восточная, христіанскія древности, богословіе составляютъ предметъ занятій неустоимаго іезуита, труды котораго считаются десятками и нѣкоторые, въ родѣ „Исторіи христіанскаго искусства“, состоятъ изъ нѣсколькихъ объемистыхъ томовъ. Гаруччи отличается особенною дарovitостью, дѣлающею каждое изъ его сочиненій интереснымъ и

иногда важнымъ; кромѣ того, видѣвъ много и обладая обширнымъ знакомствомъ, онъ имѣетъ возможность первый дѣлать извѣстными ученому міру новыя открытія, которыми такъ богата почва Италіи; ему принадлежитъ честь изданія многочисленныхъ и многообразныхъ памятниковъ, между прочимъ и оскихъ надписей. Но этимъ и ограничиваются сильныя стороны трудовъ о. Гаруччи: если обратить вниманіе на точность передачи издаваемыхъ имъ памятниковъ, то тутъ сразу можно увидѣть, что издатель относится къ своему дѣлу крайне легкомысленно и небрежно и ни на одинъ изъ публикуемыхъ имъ текстовъ положиться нельзя; блистательнымъ доказательствомъ этому служитъ надѣлавшая большаго шума исторія съ изданіемъ такъ называемой *tabula alimentaria Ligurum Baebianorum*. Часто бываетъ такъ, что Гаруччи нѣсколько разъ издаетъ одинъ и тотъ же памятникъ, и всякій разъ невѣрно (срви. Цвѣтаевъ, русск. т., стр. 68 пр. 2). Точно также нельзя положиться и на его объясненія и выводы: сознавая свою даровитость, онъ считаетъ возможнымъ замѣнить ея эрудицію и основательность. Мѣстами, правда, онъ чувствуетъ истину, но часто способенъ дѣлать самыя непростительныя промахи, которые тѣмъ болѣе неизвинительны, что почтенный падре смотритъ на всѣхъ остальныхъ ученыхъ, какъ на *infima plebs* и щедро расточаетъ имъ самыя неслестныя эпипететы. Оскіе памятники издавались Гаруччи какъ въ журналахъ (преимущественно въ *Bullettino archeologico Napoletano*), такъ и отдѣльно; въ послѣднихъ публикаціяхъ принадлежитъ его: *Graffiti de Pompei. Inscriptions et gravures tracées au stylet. Paris, 1856, 2-me éd.* Считаемо не излишнимъ привести отзывъ объ этомъ трудѣ, сдѣланный Цангемейстеромъ (*Corpus Inscr. Lat. IV, p. IX*) и могущій быть приложеннымъ ко всѣмъ, безъ исключенія, изданіямъ Гаруччи: *Ut paucis dicam quod sentio, Garuccius hoc libro non minus quam aliis bene meritus est, quatenus antiquorum monumentorum quae collegit memoriam servare voluit; idem tamen rem ita gessit, ut pleraque omnia tuismet oculis examinare cupias; omninoque eorum quae Eckelius de Huberti Gottzii nummis dixit, haec quae secundo tertioque loco posuit „numos omnes, ab uno hoc viro promulgatos aut putandos esse... vafre ac subdole descriptos aut, si qui fraude carere videantur, saltem suspectos tamdiu donec aliorum testium accedat auctoritas“ apprime conveniunt in has inscriptiones a Garuccio editas.*

Ариоданте Фабретти, имя котораго мы упомянули послѣднимъ въ ряду италіанскихъ ученыхъ, занимающихся оскимъ языкомъ, въ своей ученой дѣятельности существенно разнится отъ Фиорелли, де-Петра

и Гаруччи. Тогда какъ послѣдніе занимаются италійскою эпитафійною линіею нинкодомъ, при случаѣ, Фабретти посвятилъ ей всю свою ученую дѣятельность и результатомъ его занятій, кромѣ многочисленныхъ мемуаровъ, помѣщенныхъ преимущественно въ Занискахъ Туринской академіи наукъ, явился монументальный трудъ: *Corpus inscriptionum italicarum antiquioris aevi ordine geographico digestum et glossarium Italicum in quo omnia vocabula continentur ex Umbricis, Sabinis, Oscis, Volscis, Etruscis aliisque monumentis quae supersunt*. Aug. Tassinorum 1867. Къ нему имѣются три supplementi, изъ коихъ третье появилось очень недавно. Главное по числу мѣсто въ трудѣ Фабретти принадлежитъ памятникамъ этрусскимъ, которыми издатель занимается съ особою внимательностью и любовію; въ сравненіи съ этрусскими, оскія надписи занимаютъ весьма незначительное мѣсто, и тогда какъ первыя издаются Фабретти, въ большинствѣ случаевъ, по собственнымъ спискамъ и снимкамъ, послѣдніе передаются по изданіямъ и сообщеніямъ Моммзена, Минервини, Гаруччи и др. Естественно, что, завися отъ названныхъ авторитетовъ, Фабретти передаетъ памятники такъ, какъ они были переданы ими, и въ случаѣ неточности или ошибочности передачи, повторяетъ и самыя ошибки; достаточное число примѣровъ этому можно найти въ *annotatio critica* г. Цвѣтаева. Надписи расположены въ географическомъ порядкѣ, по мѣсту ихъ нахождения, гдѣ возможно, переданы въ *fac similes* и снабжены латинскими переводами; кромѣ того, при каждомъ изъ нихъ въ подробности отиѣчена его литература. Фабретти очень близко знакомъ съ трудами по италійскимъ діалектамъ какъ италіанскихъ, такъ и нѣмецкихъ ученыхъ, и потому его библиографическія указанія отличаются особенною полнотою. Что касается до приложенныхъ къ его изданію таблицъ, то онѣ не отличаются ни безусловною вѣрностью, ни изяществомъ исполненія; кромѣ того, ни при одномъ изъ передаваемыхъ литографіей памятниковъ не указанъ масштабъ передачи, такъ что на снимкахъ одинаковую величину имѣютъ и монеты и большія туфовыя плиты. Въ отличіе отъ Моммзена, издавашаго и описавшаго оскія монеты въ общихъ чертахъ, Фабретти отводитъ имъ и ихъ разнообразіямъ особенно видное мѣсто. Большую половину огромнаго квартанта Фабретти занимаетъ *glossarium Italicum*, представляющій алфавитный сводъ всѣхъ словъ, встрѣчающихся на изданныхъ въ первой части памятникахъ. Кромѣ того, въ него внесены и слова, упоминаясь какъ италійскія у писателей, и даже такія, которыя самъ издатель считаетъ таковыми. Прежде всего глоссарій поражаетъ чи-

тателя громадностью (болѣе 2,000 страницъ мелкой печати, in 4°) и массою заключающихся въ немъ цитатъ. Опѣ сыплются издателемъ щедрою рукою и иногда совершенно подавляютъ собою читателя. Этому способствуетъ объективность составителя, который съ одинаковою добросовѣстностью сопоставляетъ мнѣнія и объясненія Ауфрехта и Кирхгофа, Гротефенда, Ланци, Гушке, Вермильоля, Корссена и т. п. Запутавшись въ самыхъ разнообразныхъ и разнорѣчивыхъ мнѣніяхъ, читатель не видитъ руководящей нити, которая помогла бы ему vybrаться изъ этого лабиринта, и перѣдко не выноситъ никакого опредѣленнаго сужденія. Съ особенною подробностью объяснены собственныя имена и глоссарій г. Цвѣтаева многими обязанъ Фабретти въ этомъ отдѣлѣ словъ. При своихъ объясненіяхъ и сопоставленіяхъ Фабретти приводитъ множество факсимиле съ памятниковъ (преимущественно монетъ), не нашедшихъ по разнымъ причинамъ мѣста въ таблицахъ. Изъ всего сказаннаго видно, что глоссарій Фабретти представляетъ драгоцѣнный, хотя и не всегда практически составленный, реперторій италійскихъ діалектовъ. Важенъ онъ и для изучающихъ латинскую рѣчь въ историческомъ ея развитіи, ибо сообщаетъ массу фактовъ, объясняющихъ то или другое ея явленіе. Безъ пользованія названнымъ сборникомъ невозможны работы въ области италійской діалектологіи и историческаго изученія латинскаго языка.

Многочисленны, почти необозримы, труды нѣмецкихъ ученыхъ въ интересующей насъ сферѣ; многіе изъ нихъ, правда, незначительны по объему и неважны по содержанію, но не мало и такихъ, которые повели изслѣдованія Моммзена далѣе, которые оказали капитальныя услуги дальнѣйшему наукообразному изученію оскаго языка. Появлялись эти работы то въ видѣ отдѣльныхъ самостоятельныхъ сочиненій, то въ періодическихъ журналахъ и сборникахъ. Изъ послѣднихъ особенно важны: *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*, издающійся съ 1852 г. извѣстнымъ А. Куномъ, *Rheinisches Museum für Philologie*, *Neue Jahrbücher für Philologie und Paedagogik*, *Ephemeris epigraphica* и издававшіеся Г. Курціусомъ *Studien zur griechischen und lateinischen Grammatik*. Во всѣхъ этихъ изданіяхъ помѣщены какъ тексты и толкованія оскихъ памятниковъ, такъ и монографіи объ отдѣльныхъ вопросахъ, относящихся къ грамматикѣ оскаго діалекта. Число этихъ послѣднихъ особенно увеличилось въ недавнее время, когда, подъ вліяніемъ импудеса, даннаго Ричлемъ, вниманіе филологовъ обратилось по преимуществу на историческое изученіе латинскаго языка и родственныхъ съ нимъ

діалектовъ. Самъ Ричль не посвятилъ ни одного спеціальнаго изслѣдованія оскимъ памятникамъ, но онъ не пренебрегалъ ими для своихъ изслѣдованій, о чемъ свидѣтельствуютъ какъ его *Opuscula*, такъ и лекціи. За то изъ его школы вышли Корссенъ и Бюхелеръ, первые знатоки италійскихъ діалектовъ между германскими учеными. Характеристикой ихъ мы закончимъ настоящій отдѣлъ нашего реферата, теперь же перейдемъ къ исчисленію отдѣльныхъ трудовъ, посвященныхъ въ Германіи оскому діалекту и появившихся послѣ книги Моммзена. Изъ нихъ первымъ по времени, не считая брошюры Кирхгофа о Вантинской таблицѣ (о ней, равно какъ и о брошюрѣ Ланге, мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ), является трудъ Гушке: Ph. E. Huschke: Die oskischen und sabellischen Sprachdenkmäler. Elberfeld, 1856. Позже, въ 1872 г., явилось въ V-ter Supplementband der Jahrbücher für classische Philologie продолженіе этого труда, подъ заглавіемъ: Zu den altitalischen Dialekten. Гушке обладаетъ несомнѣнною даровитостью, рѣдко сказывающеюся во всѣхъ его трудахъ; но будучи по профессіи юристомъ, онъ не имѣетъ точнаго понятія о филологической и лингвистической методикѣ, вслѣдствіе чего его труды, относящіеся къ италійскимъ діалектамъ (срв. еще Die Iguvischen Tafeln. Leipzig, 1859), представляютъ въ лингвистическомъ отношеніи мало важнаго и даже вѣрнаго: игнорируя результаты сравнительнаго языкованія, не зная о журналѣ Куна, Гушке стоитъ на давно оставленномъ пути производства всего латинскаго и оскаго отъ греческаго, и представляетъ такіа этимологія и объясненія, которыя лишены всякой почвы и рѣжутъ глазъ своей неправдоподобностью. Но даровитость и ученость автора проявляются въ немъ свѣтѣ тамъ, гдѣ дѣло касается объясненій реальныхъ, соображеній и выводовъ характера историко-антикварнаго. Въ этой области онъ хозяинъ и представляетъ немало заслуживающаго полнаго вниманія. Что касается вышеназванной его книги въ частности, то матеріалъ оскій въ ней, сравнительно съ матеріаломъ, находящимся у Моммзена, почти не увеличился; прибавились только неточности и ошибки передачи; за то интерпретація и объясненія въ корнѣ разнятся отъ интерпретація и объясненій Моммзена и при этомъ носятъ указанный выше характеръ ненаучности и произвола. Дальнѣйшее движеніе оскихъ штудій въ Германіи шло въ вышеназванныхъ журналахъ, отдѣльные же труды появились всего лишь въ очень недавнее время. Изъ нихъ мы упомянемъ трудъ Вруппахера: Versuch einer Lautlehre der oskischen Sprache. Zurich. 1869 г., и трудъ Еадериса: Versuch einer

Formenlehre der oskischen Sprache. Zurich, 1871. Оба эти сочинения, взаимно пополняющіяся, заслуживаютъ полнаго одобренія по своей идеѣ: свести во едино и систематически расположить данныя изъ оской фонетики и морфологіи было и желателно и необходимо, такъ какъ послѣ работы Моммзена не было сдѣлано ни одной работы, которая обнимала бы эти области въ возможной полнотѣ. И тотъ, и другой авторы приступили къ своей работѣ съ основательною подготовкой, съ хорошимъ знаніемъ результатовъ сравнительнаго языкознанія, послѣ внимательнаго изученія италійскихъ діалектовъ. Оба не лишены даровитости и усвоили до извѣстной степени вѣрнѣйшій методъ изслѣдованія. Правда, ихъ труды, особенно работа Вруппахера, не лишены и нѣкоторыхъ, довольно важныхъ и даже существенныхъ недостатковъ, изъ которыхъ главнымъ оказывается недостатокъ тщательности въ обхожденіи съ матеріаломъ оскаго языка (Цвѣт., русск. стр. 81, пр. 1.), затѣмъ неполное знаніе литературы предмета, немало черезчуръ смѣлыхъ и даже неосновательныхъ соображеній и т. п. Все это, однако, не дозволяетъ намъ согласиться съ приговоромъ г. Цвѣтаева, который (I. I.) говоритъ, что недостатокъ тщательности погубилъ труды Вруппахера и Ендериса. Не забудемъ, что, кромѣ недостатковъ, въ ихъ книжкахъ есть много достоинствъ: широта взгляда, остроуміе, методъ—все это искупаетъ до нѣкоторой степени промахи и дѣлаетъ названныя сочиненія достойными чтенія и изученія.

Почти одновременно съ появленіемъ упомянутого выше труда Гупке, въ Куновомъ журналѣ стали появляться работы по оскому языку Корссена. Еще раньше онъ заявилъ о своихъ занятіяхъ въ этой области рецензіей на Oskische Studien Моммзена (Berliner Jahrb. f. wissenschaft. Kritik, 1846). Затѣмъ онъ сталъ заниматься италійскими діалектами параллельно съ латинскимъ языкомъ и не прерывалъ этихъ работъ до послѣднихъ дней своей жизни. Плодомъ этихъ занятій, кромѣ ряда статей въ журналѣ Куна, въ Philologus и Epigraphis epigraphica, были отдѣльныя книги: De volscorum lingua 1858, Ueber die Sprache der Etrusker 1874—76 2 voll., и Beiträge zur italischen Sprachkunde. 1876 (издано по смерти автора). Мнѣнія критики объ италійскихъ студіяхъ Корссена различны: одни, безусловно ему поклоняющіеся, видятъ во всѣхъ его трудахъ первостепенныя достоинства, другіе смотрятъ на нихъ трезвѣе, третьи, наконецъ, относятся къ нимъ совершенно недоброжелательно. Никто не станетъ отрицать того великаго значенія, которое имѣютъ труды Корссена для изученія латинскаго языка; его сочиненіе: Ueber die Aussprache, Voca-

lismus und Betonung der lateinischen Sprache (1-е изд. въ 1858—59. 2-е въ 1868—71) составляетъ необходимое пособіе для всякаго, желающаго ознакомиться съ судьбами латинской рѣчи, преимущественно въ ея древнѣйшій періодъ; знакомство Корссена съ лингвистическимъ матеріаломъ изумительно—онъ болѣе или менѣе основательно изучилъ не только писателей, но и памятники эпиграфическіе, знакомъ опять таки болѣе или менѣе близко какъ съ древними грамматиками, такъ и съ новыми лингвистами. Богатство матеріала въ его трудѣ врядъ ли можетъ подлежать какому либо сомнѣнію. Точно также, кажется, несомнѣнно и то, что, обладая широтою взгляда, Корссенъ сумѣлъ обнять весь этотъ матеріалъ, объединить его, подвести подъ извѣстныя рубрики. Въ его трудѣ латинская фонетика явилась впервые, какъ нѣчто цѣльное, органически-стройное. Методъ изложенія ея отдѣльных частей, выводы, заканчивающіе каждую группу явленій, представляются также изложенными мастерски. Наконецъ, у Корссена было неоспоримое чутье языка, помогавшее ему во многомъ избѣгать ошибокъ и прямо и смѣло идти къ надлежащему выводу. Все это, взятое вмѣстѣ, свидѣтельствуетъ о его рѣдкой даровитости. Но она, составляя сильную сторону его труда, породила въ немъ и немаловажные недостатки: она препятствовала Корссену останавливаться на мелочномъ, точномъ изученіи деталей, вела его нерѣдко къ предвзятымъ мыслямъ, ради которыхъ онъ былъ готовъ даже пасировать факты и иногда завѣдомо утверждать невѣрное, она же не дозволяла ему безпристрастно относиться къ ученымъ, не раздѣлявшимъ его взглядовъ, порождала раздраженную полемику, переходившую иногда въ чистое пустословіе. Возвращаясь къ оснѣмъ штудіямъ Корссена, слѣдуетъ замѣтить, что въ нихъ сказались какъ достоинства, такъ и недостатки его только что упомянутой работы, съ тою только разницею, что послѣднихъ оказалось гораздо больше, чѣмъ первыхъ. Оно и естественно: языкъ столь мало извѣстный, какъ языкъ оскій, требуетъ прежде всего самаго скрупулезно-точного изученія своего матеріала, сохранившагося почти исключительно на надписяхъ; безъ этого изученія невозможно вести дальнѣйшія изслѣдованія, а тѣмъ болѣе приходитъ къ общимъ выводамъ. Затѣмъ, ничтожный, по количеству, матеріалъ не дозволяетъ прилагать къ нему общихъ, широкихъ взглядовъ, опять таки безъ предварительныхъ мелочныхъ изслѣдованій; наконецъ, множество пробѣловъ, которые необходимы при такомъ свойствѣ матеріала, принуждаетъ изслѣдователя чаще, чѣмъ гдѣ-либо, останавливаться на полдорогѣ и

благоразумно предпочитать сознаться въ незнаніи и невозможности знанія, чѣмъ приходится, хоть по видимому и къ вѣроятнымъ, и пожалуй, убѣдительнымъ выводамъ, но которые могутъ вдругъ рухнуть при находкѣ новаго, доселѣ неизвѣстнаго памятника. Чтѣ же дѣлаетъ Корссенъ? Не провѣривъ съ надлежащею точностью текстовъ, онъ издаетъ надписи иногда какъ попало, руководясь чужими, нерѣдко совершенно неудовлетворительными снимками. Одинъ примѣръ изъ многихъ: въ Куновомъ *Zeitschrift*, XXII (1874), p. 298, онъ издаетъ слѣдующую помпейскую надпись:

.i ?
 . . p . ka . ia
 Mr S [adiri] is L.
 puf faamat V. S [c] vasi M. Baii [s v?]

На самомъ же памятникѣ эта надпись читается:

eksuk. amv [f] anud.
 estuns. an [t. tr] libu
 ma. kastrikifeis. inf.
 mr. spurneis l
 puf. faamat

v. sehs imbrtr? v (см. Цвѣт. № 82). Подобные примѣры, хотя и не столь рѣзкіе, попадаются у Корссена нерѣдко. А между тѣмъ на подобныхъ текстахъ онъ основываетъ свои выводы и соображенія, ихъ онъ переводитъ, дополняетъ, снабжаетъ пространными и широковыщательными объясненіями. Мало того, даже и эти тексты онъ не имѣлъ терпѣнія изучить съ должнымъ вниманіемъ и во всѣхъ подробностяхъ, вслѣдствіе чего дѣлаетъ иногда недозволительные лингвисту промахи, въ родѣ указаннаго Вухелеромъ (*Jenaer Literaturztg*, 1874. п. 39. p. 609) перевода *medikeis Pūmprianeis* черезъ *medices Pompeiani* (вм. *medix Pompeianus*). Между тѣмъ, твердо вѣруя въ свою непогрѣшимость, Корссенъ упорно отстаиваетъ свои мнѣнія, даже и тогда, когда ихъ несостоятельность указывается ему весьма ясно—доказательствомъ чему можетъ служить его полемика съ Вухелеромъ по поводу значенія: *salaF; Fale* (φ) (Цвѣт. 144.) и съ Бугге по поводу первичныхъ и вторичныхъ окончаній лицъ въ оскихъ и умбрскихъ глаголахъ. Затѣмъ, не стѣсняясь незначительнымъ количествомъ оскихъ памятниковъ, полною неразработанностью ихъ палеографіи, Корссенъ смѣло рѣшаетъ вопросъ о времени ихъ написанія, и разумѣется,

рѣшаетъ болѣе гадательно, чѣмъ вѣрно. Такимъ образомъ оказывается, что свойство матеріала, надъ которымъ работалъ Корссенъ, повело къ тому, что въ его оскихъ штудіяхъ оказывается болѣе слабыхъ, чѣмъ сильныхъ сторонъ. Справедливость требуетъ однако отмѣтить и эти послѣднія. Во многомъ Корссенъ вѣрнымъ чутьемъ угадалъ истину, особенно тамъ, гдѣ дѣло касалось не частнѣйшаго разсмотрѣнія подробностей, но общаго взгляда на памятникъ или явленіе языка; вездѣ онъ старался уяснить сущность дѣла, и иногда достигалъ этого не безъ умѣнья и успѣха. Сверхъ того, своимъ, помѣщеннымъ во II томѣ *Ephemeris epigraphica*, сводомъ оскихъ памятниковъ, открытыхъ послѣ появленія труда Моммзена, онъ оказалъ большую услугу наукѣ, такъ какъ далъ возможность ученымъ болѣе или менѣе полно объяснять весь оскій матеріалъ.

Другимъ современнымъ дѣятелемъ въ разсматриваемой нами области является ученикъ Ричля, профессоръ Боннскаго университета Бухелеръ. За смертью Корссена, онъ остался единственнымъ ученымъ въ Германіи, посвящающимъ свои силы преимущественно занятію италійскими діалектами—оскимъ и умбрскимъ. Результаты своихъ работъ онъ помѣщаетъ частію въ повременныхъ журналахъ, преимущественно въ редактируемомъ имъ *Rheinisches Museum für Philologie*, частію въ отдѣльныхъ монографіяхъ—большею частью программахъ Боннскаго университета. Ученость Бухелера обширна и разнообразна—доказательствомъ сему служатъ его многочисленныя работы, относящіяся какъ къ греческой, такъ и къ римской древности; она видна и на каждой страницѣ его монографій; особенно тщательно изучилъ этотъ ученый латинскій языкъ въ его историческомъ развитіи. Его работы, относящіяся къ этой области (изданіе Фронтіно, Петронія, Квинта Цицерона, *Pervigilium Veneris*, монографія о латинскомъ склоненіи), имѣютъ большое значеніе и отличаются многими достоинствами. Первымъ между ними слѣдуетъ отмѣтить ученую *ἀκριβεία*, отличающую всѣ, безъ исключенія, труды Бухелера—всѣ его изслѣдованія суть результатъ долгой работы и солиднаго знанія. Заслуживаетъ, надобно отдать должную справедливость его осторожности, качеству, довольно рѣдкому въ настоящее время и котораго особенно не хватало покойному Корссену. То, что говоритъ Бухелеръ, имъ взвѣшено, изучено въ подробностяхъ и опѣнено по отношенію къ своей вѣроятности. Но не должно думать, однако, что эта осторожность переходитъ у него въ мелочной педантизмъ—напротивъ, гдѣ можно и нужно, Бухелеръ выставляетъ смѣлыя соображенія и комбинаціи, не

лишениа остроуміа и тѣмъ сильнѣе подкупающія въ свою пользу читателя, что онъ убѣжденъ въ осторожности и основательности автора. Не всегда, конечно, можно съ ними согласиться, но признать ихъ остроуміе слѣдуетъ почти во всѣхъ случаяхъ. Подобно тому, какъ свойство матеріала повело къ тому, что работы Корссена по италійской діалектологіи оказались въ большей своей половинѣ неудовлетворительными, то же самое свойство сдѣлало работы Бухелера въ этой области образцовыми, и ему безспорно принадлежитъ теперь первое мѣсто между учеными, занимающимися италійскими діалектами. Посему представляется не безынтереснымъ сообщить взглядъ этого ученаго на приемы изслѣдованія въ этой области и на ту степень вѣроятности, которой можно достигъ этимъ изслѣдованіемъ (см. *Interpretatio tabulae Iguvinae* II Bonn, 1878, p. 4). „Въ настоящее время“, говоритъ Бухелеръ,—нѣтъ почти ни одной грамматической формы въ оскихъ и умбрскихъ памятникахъ, соотвѣтствіе которой съ латинскою не могъ бы объяснить даже и не специалистъ, ибо онѣ изслѣдованы учеными и знаменитыми языковѣдами, преимущественно тѣми, которые изучили употребленіе и сходство различныхъ языковъ. Но смыслъ и значеніе словъ во многихъ случаяхъ еще покрыты мракомъ, и тщетно старались разсѣять его многіе изслѣдователи, въ особенности потому, что большинство не обладало надлежащимъ знаніемъ древности, нѣкоторые же, оставивъ прямой и единственно вѣрный путь, шли по окольной и темной дорогѣ. Мнѣ въ этомъ вопросѣ представляется самымъ важнымъ и вѣрнымъ сравненіе умбрскихъ и оскихъ словъ съ латинскими: такъ, напримѣръ, развѣ кто будетъ сомнѣваться въ томъ, что *faq* у всѣхъ трехъ народовъ имѣетъ одно и то же значеніе? Хотя въ латинскомъ и не существуетъ слова *расег*, но, зная значеніе сл. *расет*, мы можемъ догадываться и о смыслѣ перваго. Часто италійскія слова имѣютъ иную форму въ сравненіи съ латинскими, имѣя флексіи и иное производство, но, если только въ нихъ сохранились какіе нибудь слѣды латинскаго слова, значеніе угадать не трудно. И такъ, повторяю, должно преобладать сравненіе съ латинскими словами; греческія помогаютъ гораздо рѣже, и весьма рѣдко—слова, взятая изъ отдаленныхъ языковъ сѣвера или востока; такъ во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ обращались за объясненіемъ словъ къ санскриту, были дѣлаемы ошибки. Другое правило состоитъ въ томъ, чтобъ обращать строгое вниманіе на связь и порядокъ словъ и предложеній, тщательно ихъ изслѣдовать съ цѣлію выяснитъ и открыть то, что скрывается въ тайникахъ рѣчи... И чѣмъ большее число

памятниковъ будетъ открываться въ Италиі, тѣмъ вѣроятнѣе окажется то, что при первомъ предположеніи казалось нетвердымъ и обманчивымъ. Напримѣръ, въ надписи: *Adrianus estiuam quam Pompeianis testamento dedit, ea estiuam quaestor Pompeianus domum faciendam curavit*, что другое можетъ значить *estiuam*, какъ не деньги? И въ этомъ уже никто не сомнѣвается, то же слово находится на Вантинской доскѣ и въ другихъ памятникахъ смыслъ оказывается подходящимъ. Значеніе словъ: *hondra* и *huntruis* выведено изъ противоположенія ихъ *subra* и *surguis*. Такъ какъ за благоденствіе союзныхъ народовъ приносится въ жертву свинья и козель, то пиршество, даваемое этимъ народамъ *reipener sogser* и *sabgiener* не можетъ не состоять изъ варенаго свинаго и козлиного мяса (*pulmentum suillum et carpinum*). На третьемъ мѣстѣ я ставлю сравненіе съ формулами и выраженіями, употреблявшимися у сосѣднихъ народовъ, преимущественно у народа римскаго, ближайшаго по природѣ и мѣстности... Нельзя, напримѣръ, спорить о томъ, что выраженіе *maimas carpeis senateis tanginud* соотвѣтствуетъ: *maioris partis senati sententia*, хотя слова отчасти различествуютъ и прилагательныя у Осковъ стоятъ въ другой степени, чѣмъ у Латинянъ. Слово *tadait* въ выраженіи *rod valaemom tovticom tadait ezum* ни одинъ этимологъ не въ состояніи объяснить такъ, чтобы его производство было ясно и очевидно... между тѣмъ можно навѣрно доказать, что оно значить *senseat*, на томъ, основаніи, что въ римскихъ законахъ та же самая формула встрѣчается также въ выраженіи: *quod ex re publica senseat esse*. Ко всѣмъ вышеупомянутымъ приемамъ должно наконецъ присоединиться тщательное наблюденіе надъ древностью; духъ изслѣдователя долженъ углубляться въ живыя нравы и обычаи древнихъ народовъ, надписи должны быть сопоставлены съ зданіями и мѣстностями, къ которымъ онѣ принадлежали, съ сходными памятниками, какъ римскими, такъ и греческими... съ лѣтописями и сочиненіями, излагающими и описывающими подобное же содержаніе. Все это слѣдуетъ принимать во вниманіе для того, чтобы можно было съ увѣренностью вывести, что могли предположительно упомянуть, изложить, предписать лица, ставшія памятники; напримѣръ, Вантинскій гражданинъ, уклонившійся отъ ценза, зовется *lapatig*: когда былъ изданъ этотъ законъ, Вантинцы давно уже находились подъ властью Римскаго народа, который и далъ имъ его, о чемъ свидѣлствуютъ, кромѣ алфавита, и титулы чиповниковъ: въ Римѣ же, по закону, гражданинъ, уклонившійся отъ ценза, продавался въ качествѣ раба, и естественно, что съ союзни-

ками было поступаемо нисколько не легче. Я предложилъ такое объясненіе, но его приняли лишь весьма немногіе. Между тѣмъ въ Капуѣ былъ найдена свинцовая табличка, въ которой *lamatir* Цереры и подземнымъ богамъ дѣлается челобѣкъ, не отдающій покищеннаго. Этотъ оборотъ близко согласуется съ формулою греческаго наговора: *ἄν μὴ ἀποδῶ ἀναβαίῃ πεκρημένος παρὰ Διμήτρα*, съ римскимъ закономъ, опредѣляющимъ продавать у храма Цереры семейство того, кто считается *sacer*. Теперь я жду, чтобы мое объясненіе было принято, или чтобы мнѣ было указано, что иное могли имѣть въ виду законодатель и составитель наговора. Далѣе, было бы совершенно неразумно пытаться толковать Помпейскія надписи, относящіяся къ сооруженнымъ на общественный счетъ храмамъ и дорогамъ, не взглянувъ и не ознакомившись съ самими предметами, окончательно не уничтоженными огнемъ и временемъ. Напримѣръ, значеніе оскаго слова *trifon* уясняется видомъ зданія, которое называлось этимъ словомъ; затѣмъ, зная, что деньги, на которыя выстроено это зданіе, завѣщаны Помпейскою *vegeia*, слѣдуетъ, для точнаго опредѣленія этого послѣдняго слова, узнать отъ археологовъ, для какой цѣли могло служить это зданіе. Они говорятъ, что это есть палестра, слѣдовательно, *vegeia* есть такая часть общества, для которой была необходима или, по крайней мѣрѣ, пригодна палестра, были мужчины или молодые люди, способные къ военной службѣ. Этимъ путемъ и методомъ слѣдуетъ, по моему мнѣнію, идти при толкованіи остатковъ италійскихъ діалектовъ, но къ такимъ грамматическимъ наблюденіямъ слѣдуетъ присоединить филологическую завяску—этимъ способомъ, кажется, я устранилъ многія ошибки прежнихъ толкователей и самъ нашелъ кое что небезполезное для послѣдующихъ «ислѣдователей».

Руководясь такими принципами, Бюхелеръ дѣйствительно представилъ въ своихъ монографіяхъ объ оскихъ и умбрскихъ памятникахъ (особенно замѣчательныя: монографія о словѣ *essuf* въ *Rh. Mus.* 1875., *Oskische Bleitafel* *ibid.*, 1878, *coniectanea* въ *Neue Jahrb. f. Philol.* 1875, *Populi Iguvini lustratio* Bonn, 1877, *Interpretatio tabulae Iguvinae II.* Bonn 1878) массу тонкихъ наблюдений, остроумныхъ розысканій и убѣдительныхъ толкованій. Въ послѣдней области онъ счастливо соединяетъ большую осторожность съ отважной дивинаціей, что дѣлаетъ почти всѣ его соображенія по меньшей мѣрѣ вѣроятными. Особенно поучительнымъ въ этомъ отношеніи является послѣдній его трудъ, *Oskische Bleitafel*, представляющій образецъ ме-

тодическаго толкованія древнихъ памятниковъ. Приступая къ объясненію новаго оскгаго наговора, Бюхелеръ началъ съ изученія текста въ его мельчайшихъ подробностяхъ; это изученіе, само по себѣ, составляетъ уже огромный трудъ, доступный не всякому; его Бюхелеръ исполнилъ съ такою *ἀκρίβεια*, которая не оставляетъ желать ничего большаго. Затѣмъ онъ, выходя изъ формъ уже извѣстныхъ, старался разбить этотъ памятникъ на отдѣльныя части, объясняя ихъ сопоставленіемъ сходныхъ мѣстъ и выраженій и сравненіемъ съ сохранившимися подобными же памятниками у Грековъ и Римлянъ. Освѣщается это сравненіе общими соображеніями, всегда обдуманными, взвѣшенными и остроумными. Естественно при этомъ, что въ такомъ темномъ памятникѣ оказалось достаточно мѣстъ или совершенно непонятыхъ или объясненныхъ лишь соспительно, но такіа мѣста оставлены издателемъ лишь послѣ того, какъ онъ безуспѣшно приложилъ къ нимъ всѣ бывшія ему доступными попытки толкованія. Посему представляется неосновательнымъ приговоръ, который произноситъ книгѣ Бюхелера Вреаль въ *Revue critique* (1878, № 6, p. 90), говоря, что издатель не пролилъ никакого свѣта на доставшійся ему памятникъ, что, прочитавъ посвященный ему 76 страницъ, нельзя убѣдиться, чтобъ авторъ въ точности угадалъ его содержаніе. Можно не согласиться съ Бюхелеромъ въ частностяхъ, можно иначе читать и дополнять памятникъ, но въ общемъ съ нимъ слѣдуетъ согласиться. Даже тамъ, гдѣ его объясненія представляются мало вѣроятными, доказательства не вполне убѣдительными, слѣдуетъ признать, что имъ угаданъ и указанъ вѣрный путь, по которому должны идти другіе изслѣдователи.

Заканчивая настоящій отдѣлъ нашей статьи, не можемъ не упомянуть еще о трудахъ одного шведскаго ученаго, обратившагося недавно въ обработкѣ италійскихъ діалектовъ: мы говоримъ о Sophus Bugge, профессорѣ университета въ Христіаніи. Имя его пользуется въ наукѣ почетною извѣстностью, которую онъ стяжалъ многочисленными и замѣчательными работами по критикѣ и экзегезѣ Плавта (Изд. *Mostellaria Christ.* 1873., *Textkritiske Bemærkninger til Plautus's komedier* въ *Opuscula ad Madviginn* Kopenh. 1876., *Philologus XXXI*, *Neue Jahrbücher f. Philologie CVII* и др.). И въ области италійской діалектологіи его труды обращаютъ на себя вниманіе (многочисленныя статьи въ журналѣ *Купа* и брошюра: *Altitalische Studien.* Christiania, 1878), какъ по остроумію автора, такъ и по его доктринѣ и методу. Въ отличіе отъ Бюхелера, Бугге расширяетъ область

сравненія въ лингвистическомъ матеріалѣ, обращаясь очень нерѣдко не только къ санскриту и ведѣ, но и къ языкамъ сѣвера; кромѣ того, въ своихъ предположеніяхъ и комбинаціяхъ онъ смѣлѣе, чѣмъ Воннскій профессоръ, и отваживается работать тамъ, гдѣ тотъ не видитъ достаточно твердой почвы.

II.

Изъ представленнаго въ предыдущей главѣ очерка оскихъ штурдій въ западной Европѣ можно усмотрѣть, что, благодаря разработкѣ италійской діалектологіи въ послѣднее двадцатипятилѣтіе, наше знакомство съ оскимъ языкомъ подвинулось на столько, что мы можемъ отмѣтить какъ общій характеръ этого языка, такъ и главнѣйшіе факты его фонетики и морфологіи; значительные пробѣлы оказываются въ изученіи его лексикологіи и особенно въ синтаксисѣ, но и они пополняются каждымъ изъ вновь находимыхъ памятниковъ. Казалось бы, что при такомъ положеніи дѣла изданіе сборника оскихъ надписей можно бы было счесть если не излишнимъ, то по меньшей мѣрѣ не необходимымъ. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи, дѣло оказывается иначе, и филологъ, который желалъ бы работать въ области оскаго діалекта, прежде всего задается вопросомъ о степени точности, съ которой переданы оскіе памятники въ доступныхъ ему сочиненіяхъ. При его рѣшеніи онъ наталкивается на такіе факты, которые весьма ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что почти всѣ изданія, вышедшія послѣ сборника Моммзена, страдаютъ въ большей или меньшей степени неточностью. Разъ же убѣдившись въ этомъ, нельзя освободиться отъ мысли—достаточно ли тверды выводы, сдѣланные изъ такого неточно переданнаго матеріала, не представляютъ ли кажущіяся и иногда необъяснимыя уклоненія отъ общихъ законовъ, ошибокъ въ передачѣ оскихъ текстовъ. Чѣмъ чаще возникаютъ подобныя сомнѣнія, тѣмъ естественнѣе дѣлается желаніе провѣрить эту передачу по подлинникамъ, тѣмъ настойчивѣе требуется такой сборникъ оскихъ памятниковъ, на который можно было бы положиться съ увѣренностью, что его составителемъ употреблены всѣ старанія къ тому, чтобы на передаваемые ими тексты можно было смотрѣть, какъ на возможно точныя копии съ подлинниковъ. Указанный путь прошелъ и г. Цвѣтаевъ, и воспользовавшись своимъ пребываніемъ въ Италіи, взялся сдѣлать упомянутый сборникъ самъ, результатомъ чего явилось сперва русское изданіе оскихъ надписей, а затѣмъ и латинское.

Тому, кто не знакомъ съ условіями, требующимися для хорошаго исполненія такого труда, съ затрудненіями при этомъ встрѣчающимися, задача, взятая и блистательно рѣшенная г. Цвѣтаевымъ, можетъ показаться сравнительно легкою. Можно разсуждать, что число памятниковъ не велико, самые памятники не объемисты, изученіе и изданіе ихъ началось лишь недавно, вслѣдствіе чего не требуется мелочнаго, утомительнаго и труднаго изученія рукописныхъ *schedae*, не тратится много времени на просмотръ литературы и т. п. Но такія разсужденія будутъ не вполне справедливы. Прежде всего надобно замѣтить, что, не смотря на свою малочисленность (въ сборникѣ г. Цвѣтаева, не считая монетъ, приведено 162 номера надписей), оскіе памятники разбросаны почти по всей Европѣ, и требуется много труда и усилій для того, чтобы, во первыхъ, узнать ихъ настоящее мѣсто находенія, во вторыхъ, достать съ нихъ вѣрные снимки. Въ послѣднемъ случаѣ у издателя должно быть обширное знакомство, и притомъ съ такими лицами, которые и по своему положенію могли бы достать эти снимки, и по своей ученой авторитетности могли бы гарантировать ихъ точность. Послѣднее можетъ показаться страннымъ: можно думать, что при современномъ приложеніи къ эпитафій фотографіи эти слова суть правдая фраза. Но къ сожалѣнію, мы должны замѣтить, что бывають фотографіи, на которыя филологъ, въ особенности филологъ-палеографъ, положиться не можетъ, ибо онѣ представляютъ не памятникъ, который ему слѣдуетъ прочесть и разобрать, а памятникъ уже прочтенный фотографомъ или издателемъ, и иногда прочтенный невѣрно, чаще же ретушированный безъ достаточнаго умѣнья. Авторитетъ лицъ, отъ которыхъ г. Цвѣтаевъ получилъ снимки съ бывшихъ ему недоступными надписей, вполне ручается за вѣрность этихъ копій. Эти лица были: профессоръ Московскаго университета Зубковъ, профессоръ Петербургскаго университета Пуховъ, директоръ Неаполитанскаго музея Ж. де-Петра, руководящій помпейскими раскопками археологъ А. Сольяно, директоръ Туринскаго музея А. Фабретти, академикъ Г. Бруннъ, библиотекарь Мюнхенскаго книгохранилища В. Мейеръ, профессоръ Воннскаго университета Фр. Бухелеръ, кустосъ Британскаго музея Меррей. Снимки, доставленные г. Цвѣтаеву этими лицами, были: кальки, гипсовые слѣпки, фотографіи, по которымъ и воспроизведены соотвѣтствующіе памятники въ его изданіи. Другая часть памятниковъ, сравнительно очень небольшая, воспроизведена г. Цвѣтаевымъ по печатнымъ текстамъ — отчасти потому, что самые памятники утратились, отчасти

потому, что были найдены уже послѣ окончанія таблицъ, составляющихъ атласъ. Рисунки перваго рода заимствованы главнымъ образомъ изъ Моммзена и Фиорелли. Большинство же изъ помѣщенныхъ въ атласъ рисунковъ снято съ подлинниковъ, хранящихся въ разныхъ мѣстностяхъ Италіи. Для того, чтобы получить съ нихъ снимки, требуется не мало условій. Прежде всего, такъ какъ памятники оскскаго языка разсѣяны по разнымъ городамъ и городкамъ, необходимо путешествіе по нимъ, сопряженное даже и въ настоящее время съ затрудненіями, а иногда съ лишеніями. Г. Цвѣтаеву для его цѣли надобно было извѣдять цѣлую Италію отъ моря до моря и посѣтить города: Pietrabbondante (др. Bovianum vetus), Molise, Jsernia (др. Aesernia), Vasto (др. Basta) Benevento (др. Beneventum) Неаполь St. Maria di Capua (др. Capua) Nola, Pompei и сицилійскій Палермо (др. Panhormus). Далѣе, было необходимо получить возможность не только видѣть памятники, но и снять съ нихъ такія копіи, которыя годились бы для воспроизведенія этихъ памятниковъ въ атласъ. Путешествовавшему съ научною цѣлью по Италіи извѣстно, какихъ трудовъ стоитъ иногда добиться этой послѣдней возможности, хотя, къ чести италіанскихъ ученыхъ и любителей старины, должно заявить, что въ рѣдкой странѣ любознательный путешественникъ можетъ встрѣтить большую готовность помогать его научнымъ занятіямъ, чѣмъ въ Италіи. И г. Цвѣтаевъ неоднократно свидѣтельствуетъ объ услужливости, съ которою предоставляли ему италіанскіе археологи пользованіе памятниками и даже, по возможности, облегчали его. Кромѣ этихъ, такъ сказать, внѣшнихъ, независимыхъ отъ трудящагося надъ работою, подобною разсматриваемой, условій, требуются еще иныя, между которыми на первомъ мѣстѣ стоитъ владѣніе механическими приемами, нужными для снятія копіи съ памятника. Эти приемы, смотря по его внѣшности и обстановкѣ, бываютъ различны (см. E. Hübner. Mechanische Copieen von Inschriften в *Jahrbücher des Vereins von Alterthumsfreunden im Rheinlande*, Heft XLIX. Bonn. 1870, p. 57—72). Съ надписей, вырѣзанныхъ на камнѣ, дѣлаются обыкновенно бумажные снимки (calco, Abklatsch, estampage), приемъ, употреблявшійся эпиграфистами уже въ XVI в. (Р. Фабретти, авторъ замѣчательнаго сочиненія: *Inscriptionum antiquarum quae in aedibus paternis asservantur explicatio*. Romae 1699 и 1702) и повсемѣстно распространенный въ настоящее время. Когда надпись небольшого объема и буквы вырѣзаны слишкомъ не глубоко (какъ, напримѣръ, въ большинствѣ надписей, вырѣзанныхъ

на металлѣ), тогда съ нея снимается или гипсовый слѣпокъ, или отпечатокъ изъ желатина, или наконецъ, снимокъ на листъ тонкаго олова (Stanniolabdruck). Съ надписей, не вырѣзанныхъ рѣзцомъ, но или нацарапанныхъ гвоздемъ (graffiti) или же намазанныхъ кистью (dipinti), дѣлаются обыкновенно прописи (calque, lucido) на прозрачную бумагу. Наконецъ, гдѣ является возможность, для снимковъ употребляется и фотографія. Почти всѣ изъ указанныхъ способовъ предлагались г. Цвѣтаевымъ для воспроизведенія памятниковъ, лишь съ однимъ исключеніемъ: „Надписи на бронзѣ и свинцѣ“, говоритъ онъ (р. пред. III),—„копировались рукою нашего друга г. Honoré-Müller или подъ нашимъ личнымъ наблюденіемъ или по отношенію къ двумъ-тремъ надписямъ подъ руководствомъ гг. Giulio de-Petra, директора національнаго музея въ Неаполѣ, и Antonio Sogliano, завѣдывающаго раскопками въ Помпеяхъ“. Такимъ образомъ передана, напримѣръ, *tabula Vantina*, значительнѣйшій по объему памятникъ оскскаго языка. Воспроизведеніемъ памятниковъ посредствомъ того или другаго изъ вышеуказанныхъ способовъ дѣло не ограничивается; требуется еще чтеніе и воспроизведеніе памятника, обуславливаемыя кромѣ знанія и ученой подготовки — значительною опытностью и умѣньемъ. При памятникахъ, начертанныхъ ясно и сохранившихся хорошо, вопроса о правильности чтенія и воспроизведенія быть не можетъ; но его совершенно естественно можно поставить, когда имѣемъ дѣло съ надписью дурно написанною или плохо сохранившеюся. Лицо неопытное и не знающее легко можетъ прочесть такой памятникъ невѣрно, не увидать нѣкоторыхъ начертаній, или, наоборотъ, увидать ихъ больше, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ. Такъ, объясняя недавно найденный оскій наговоръ, начертанный на свинцовой табличкѣ, проф. Бюхелеръ неоднократно замѣчаетъ, что литографъ, дѣлавшій съ этого памятника точный *fac simile* (повторенный и г. Цвѣтаевымъ въ его *vylogge*, стр. 33), многое передалъ не точно, нѣкоторое невѣрно (*Was der Lithograph dargestellt hat, ist durchaus nicht sicher, einiges vielmehr entschieden unrichtig, wie ich bei der letzten Prüfung erkannte.. Osk. Bleitafel, p. 59. ср. p. 69 и др.*). Г. Цвѣтаевъ обладаетъ и знаніемъ, и опытностью, при помощи которыхъ въ мѣстахъ чтенія сомнительнаго сумѣлъ избѣгать ошибокъ.

Такимъ образомъ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, для одного только воспроизведенія оскскихъ памятниковъ требовалось соединеніе многихъ условій, дѣлавшихъ изъ этого труда задачу нелегкую и не всѣми разрѣшимую. Иныхъ условій и приемовъ требуетъ изданіе па-

памятниковъ въ транскрипціи; о нихъ мы скажемъ нѣсколько ниже, теперь же дадимъ отчетъ о рисункахъ г. Цвѣтаева.

Атласъ съ воспроизведеніями оскіихъ памятниковъ заключаетъ въ себѣ 19 таблицъ въ большое folio, коимъ предпосланы двѣ палеографическія таблицы: одна съ изображеніями формы буквъ, другая—лигатуръ. Къ сожалѣнію, италійская палеографія только въ очень недавнее время стала составлять предметъ спеціальныхъ занятій археологовъ (срвн. Ar. Fabretti: Palaeographische Studien, Leipzig, 1877), такъ что относительная древность того или другаго типа начертаній въ большинствѣ случаевъ опредѣлена быть не можетъ, почему г. Цвѣтаевъ воздержался отъ классификаціи этихъ начертаній, ограничившись ихъ простымъ сопоставленіемъ. Вглядываясь въ ихъ формы, мы встрѣчаемся и у Осковъ съ тѣми же палеографическими законами, которые отмѣчены Ричлемъ у Римлянъ (Zur Geschichte des lateinischen Alphabets въ Opuscula, IV, p. 691—727): и въ этихъ памятникахъ замѣтно: а) стремленіе изъ наклонныхъ линій дѣлать прямыя, и изъ острыхъ угловъ прямыя (срвн. начертаніе буквъ: a, e, v, k, l, n, p, t, i); б) стремленіе ломанныя линія перемѣнять на дугообразныя (срвн. начертанія буквъ b, g, d, k, r, f), и в) наконецъ, отдѣленіе этихъ послѣднихъ или другъ отъ друга, или отъ соединенныхъ съ ними прямыхъ (срвн. начертанія буквъ f, b, k). Въ отличіе отъ римскаго, оскій алфавитъ проводитъ эти законы не съ строгою послѣдовательностью, такъ что въ однихъ знакахъ допускаетъ нѣсколько измѣненій, въ другихъ же нѣтъ. Лигатуры, попадающіяся на оскіихъ памятникахъ, довольно многочисленны (у г. Цвѣтаева приведено ихъ до 41) и соблюдаютъ законъ вязи весьма строго (потому въ нихъ преобладаетъ присутствіе знаковъ a, i, m, n), чѣмъ рѣзко отличаются отъ неестественныхъ и причудливыхъ лигатуръ, которыми переполнены латинскія надписи Германіи и Британніи. Переходя затѣмъ къ самымъ таблицамъ, мы прежде всего должны замѣтить, что онѣ исполнены безукоризненно хорошо путемъ фотолитографіи. Какъ на особенно удачную можно, на примѣръ, указать на таблицу III, представляющую снимокъ съ т. н. tabula Agnonensis, или на таблицу XII, 2, изображающую помпеевскія солнечныя часы. Что касается снимковъ, то по тщательномъ разсмотрѣніи ихъ мы можемъ замѣтить слѣдующее: они распадаются на двѣ группы, изъ которыхъ одна передаетъ не только надпись на памятникѣ, но и самый памятникъ (на примѣръ, табл. I, 2а, II, III, 5, IV, 1, V, 3в, 7в, VI и др.); въ такомъ случаѣ издатель считаетъ нужнымъ приложить особо рису-

нокъ съ надписи, большею частью въ увеличенномъ видѣ. Этого приѣма нельзя не одобрить: такая передача существенно необходима не только при такихъ памятникахъ, какъ, напримѣръ, камень изъ Антиліи, исписанный кругомъ (табл. V, 3в), но и при такихъ, гдѣ надпись начертана на прямой плоскости, необходима потому, что, во первыхъ, облегчаетъ самое чтеніе (напримѣръ, табл. X, 4; XIII, 10 и др.), во вторыхъ, даетъ средство контролировать издателя. Просмотрѣвъ съ этой точки зрѣнія рисунки г. Цвѣтаева, мы нашли только одну неточность: на табл. X. стрк. 6, между словами *emnattens* и *perek* есть точка, отсутствующая на табл. X. а; затѣмъ на томъ же памятникѣ послѣдняя строка табл. X читается: *suaidilis. profattens*. (можетъ быть, послѣдняя точка и не интерпункція, а недостатокъ камня), на табл. же X а передана: *su. aidilis. profattens*, безъ точки на концѣ. Другую группу снимковъ составляютъ копіи съ кальковъ и прописей издателя, передающія уже не самый памятникъ, но только начертанную на немъ надпись. Такія копіи явились въ атласѣ, съ одной стороны, потому, что иногда издателю невозможно было снять фотографію съ самаго памятника, съ другой—потому, что самые памятники, какъ, напримѣръ, исписанныя граффитами и дипинтами стѣны не поддавались воспроизведенію ихъ въ цѣлости. При передачѣ надписей издатель, какъ кажется, не имѣлъ въ виду воспроизвести ихъ по одному, послѣдовательно выдержанному, масштабу. Къ сожалѣнію, этотъ вполне цѣлесообразный и даже важный приѣмъ прилагается лишь весьма рѣдко издателями древнихъ надписей; изъ многочисленныхъ ихъ сборниковъ намъ извѣстенъ лишь одинъ, въ которомъ онъ проведенъ съ scrupuleusemъ точностью: это — *Inscriptions antiques de Lyon reproduites d'après les monuments ou recueillies dans les auteurs par Alphe de Boissieu. Lyon, 1854*; въ этомъ сочиненіи всѣ переданныя съ неподражаемою точностью и извѣстностью памятники уменьшены, противъ оригиналовъ, въ десять разъ. Впрочемъ, несоблюденіе извѣстнаго масштаба мы не рѣшимся поставить въ вину г. Цвѣтаеву; главнымъ образомъ потому, что цѣлый рядъ надписей—граффиты и дипинты—не поддавался уменьшенію, котораго наоборотъ, требуютъ другія, въ родѣ *cirrus Abellanus*. Издатель, чувствуя этотъ недостатокъ, помогъ ему отчасти тѣмъ, что при транскрипціи надписей неопустительно указывалъ, какъ на высоту и ширину памятника, такъ и на величину буквъ надписи. Руководясь этими указаніями, читатель имѣетъ возможность узнать, въ какомъ пропорціональномъ отношеніи находится снимокъ къ оригиналу. Это могло бы быть еще

облегчено и тѣмъ, еслибъ издатель, гдѣ нужно, привелъ скалу уменьшенія.

Переходимъ къ разсмотрѣнiю текста. Сперва мы скажемъ о той его части, которая обща какъ русскому, такъ и латинскому изданiямъ, именно о текстахъ надписей и о глоссарiѣ. Не смотря на то, что обѣ книги составлены однимъ и тѣмъ же авторомъ, вышли одна въ 1877 г., другая въ 1878 г., слѣдовательно, въ сравнительно очень небольшой промежутокъ времени, — онѣ представляютъ нѣкоторыя уклоненiя, какъ въ передачѣ текстовъ, такъ и въ ихъ толкованiи, и наконецъ, въ глоссарiѣ. Имѣя въ виду то обстоятельство, что русский текстъ по своей дешевизнѣ и общедоступности будетъ находиться въ рукахъ бѣльшаго числа читателей, чѣмъ текстъ латинскiй, и замѣтивъ, что послѣднiй во многихъ мѣстахъ исправляетъ и дополняетъ русскiй, мы сочли не лишнимъ указать главнѣйшiя изъ этихъ исправленiй и дополненiй. Изъ нихъ, между прочимъ, ясно, какъ, съ одной стороны, даже при самой скрупулезной точности и осторожности, съ которыми отнесся къ своему труду г. Цвѣтаевъ, возможны недосмотры или пропуски, и какъ, съ другой, въ столь малоразработанной или, лучше сказать, малонизвѣстной области, каковою оказывается область италiйской диалектологiи, широко примѣняется правило: *dies diem docet*. Начиная съ текстовъ надписей, слѣдуетъ отмѣтить, что латинское изданiе г. Цвѣтаева отличается отъ русскаго, прежде всего, болѣе подробнымъ сообщенiемъ литературы памятниковъ и отчасти тѣхъ обстоятельствъ, которыя сопровождали его открытiе. Для образца приведемъ то, что относится къ первому изъ приводимыхъ памятниковъ. Въ русскомъ текстѣ мы читаемъ: „На мраморной плитѣ, случайно найденной въ 1858 г. и вскорѣ, по невѣжеству владѣльца, разбитой въ куски“. Изъ литературы надписи приведены: G. Colucci Bull. Arch. Nap. nv. sr. VII, 90. Fabretti C. I. It. n. 2732. bis; Corssen Ephem. epigr. II, 184 n. 73. Въ латинскомъ текстѣ сказано: *Una lapida marmorea inventa mense Ianuario anni 1859 in camera subterranea nella valle sottostante a Nesce, villaggio aggregato al comune di Pescorocchiano sul confine dell' Abruzzo Aquilano con la Pontificia Delegazione di Rieti. Colucci. Изъ литературы указано: ediderunt Colucci Bull. arch. nap. n. s. VII p. 90 cf. gli Equi o un periodo della storia antica degli Italiani vol. I. Florentiae editum a. 1866. p. 17, Leosini Bull. dell' Inst. 1859, p. 114., unde repetierunt Corssen Zeitschr. f. Vergl. Sprachf. XI. p. 401 sq. et Ephem. epigr. II p. 184. n. 73, Fabretti C. I. it. n. 2732, 2, quem*

qui secutus est Enderis F. d. Osk. Spk. p. 8. n. 4. non recte dixit hunc titulum in Campania esse inventum. Tractaverunt Minervini Bull. arch. par. I. c. p. 91, Gargucci ibid., p. 161 sq. Затѣмъ, въ латинскомъ текстѣ постоянно указывается на соответствующую таблицу атласа и на то, по чьему и какому снимку сдѣланъ въ послѣднемъ рисунокѣ памятника. Наконецъ, съ большою подробностью сообщаются варианты предыдущихъ издателей. Переходя къ частнымъ уклоненіямъ, мы будемъ отмѣчать ихъ въ порядкѣ номеровъ надписей, при чемъ цифры, поставленныя въ скобкахъ, будутъ указывать на латинскій текстъ, въ которомъ надписи размѣщены нѣсколько иначе:

2 (2) въ переводѣ нѣтъ знака вопроса послѣ *iuventutis*, а слово *palanod* оставлено безъ передачи.

4) (4) знаки вопроса въ переводѣ опущены.

7 (7) въ первой строкѣ читается лишь: N?...

9 (11) вмѣсто *perfecit* стоитъ: *fecit*.

10 (12) первыя четыре строки надписи читаются:

k?:

.iniejis:

. avieis. adil(is

i: peessl (om

и надпись переводится:—*nieius* | — *avieius aediles* | *templum* | *proba-*
verunt.

12 (14) въ 5-й строкѣ читается: *nir?*

13 (9) въ переводѣ прил. *segius* вездѣ замѣнено *cerealis*, также, какъ слово: *Sergi*—*Cereti*; *Vetusio* въ строк. 2 А и 3 В измѣнено на *Vetusco*, 6 и 23 А и 8 В *Ammae* на *Matri*, 8 А и 10 В сл. *liganakdikel* передано: *θεροποδότης*, и при *intera* опущенъ знакъ вопроса, 9 А и 12 В, сл. *anafriss* оставлено безъ перевода, 11 А и 14 В сл. *verehasiu* и *verehasiu* передано черезъ *inventuti*, 18 А и 23 В сл. *akenei* переведено: *agone*, 22 А сл. *pernai* передано: *Praestiti* и 23 В сл. *decumis* замѣнено сл. *decumanis*.

14 (10) предпоследняя буква прочтена, какъ п.

16 (16) первыя три точки поставлены въ скобкахъ.

17 (18) дополняемое въ началѣ слово пишется: *stalis*, и вмѣсто *ors* стоитъ *ups*.

18 (19) во второй строкѣ двѣ послѣднія буквы въ слѣдующемъ поставлены въ скобкахъ, и въ третьей между словами нѣтъ точки.

19 (20) b читается: [a]d и *orsannom*, при чемъ первое слово переводится: *aediles*.

- 20 (17) въ строкѣ 6-й первое слово читается: p]aam.
- 21 (21) послѣднее слово 2-й строки читается: seem...
- 22 (22) въ переводѣ къ сл. *Валпиус* поставлено еще *Валпас*, какъ другая возможная интерпретация знаковъ: *bn*.
- 25 (26) передъ *t* стоитъ *l* и въ переводѣ рядомъ съ *Laesius* приведена форма: (*Laius?*); при *f* знака вопроса нѣтъ.
- 26 (25) приводится переводъ Бюхелера: *Quis tu? | | cuia baetis? | Adij Aefini.*
- 29 (29) слова *mitl* и *fiml* оставлены безъ перевода.
- 32 (34) сл. *per* передается черезъ *nobilis*.
- 33 (32) текстъ оставленъ безъ перевода.
- 34 (36) дополненія къ тексту опущены. Къ ней г. Цвѣтаевъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: *inscriptio tam mutilata est, ut restituere eam difficile sit. Cluatius tamen et deam Ioviam agnoscimus.*
- 35 (37) надпись переводится: *Virriorum | Vesulli... | divin... |*
- 36 (38) надпись читается: *pl | fiisu... | vesu... и переводится: Numisius.*
- 39—43 (42—46) фрагменты: *kluv... и min. u... оставлены безъ перевода.*
- 46 (49) точки между словами: *steni klum* (1), *pl asis* (3), *deikum* пер. (8) опущены, равно какъ и знакъ вопроса послѣ *fl* (2). Въ переводѣ сл. *Helvius* замѣнено черезъ *Hellevius*, а *sibi capiat* (*capessat*) черезъ *sibi velit*.
- 53 (57) первое слово читается *ni]umsis*, а послѣднее во второй строкѣ: *perkdne]is* (вѣроятно—опечатка); сл. *degetasios* передано: *digitarii?*, также какъ и въ 54 (58) слово *degetasis* — *digitarius?* Тамъ же слово *multas* дополнено: *multas (ikod*
- 55 (59) слово *vesi* передано лишь черезъ *Ves—*
- 56 (60) слово *aukil* передано: *Aucilus.*
- 58 (62) первая строка читается: *m.? siuttiis [.] m. n. pontiis. m;* въ 8 строкѣ послѣднее слово: *dekkviam* (переведенное: *decurialem*), а въ 10 первое: *serevkid.*
- 59 (63) слово *tangiud* переведено: *scito. cf. 66 (70); но въ 67 (71) ta]ugin. передается: sententia.*
- 61 (64) слово *aamanaffed* переведено: *mandavit. cf. 62 (66), 67 (71), 64 (69); въ послѣднемъ памятникѣ послѣ *tov* нѣтъ точки.*
- 66 (70) знакъ... и переданъ черезъ:—*um.*
- 68 (74) *b.* читается: *dias[i]is*, переведенное: *besalis.*

69 (73) 3-я строка читается: *teremnat[ens]*, въ 4-й *vñu*, и сл. *pat...* тамъ же передано черезъ: *pat...*

70 (76) надпись передана: *mr. po[ri]diis. mr | rom[raii]a[ns]*

71 (72) первое слово дополнено черезъ: *ora...*

73 (75) надпись переводится:—*Namisius Ma... | — iam sa... | runt* (*terminaverunt vel probaverunt*).

Упомянутый въ прим. 1 на стр. 29 знакъ, относительно котораго—оскій ли онъ—сопѣвался г. Цвѣтаевъ, въ латинскомъ наданіи признанъ таковымъ и помѣщенъ на табл. XIV п. 6.

76 (80) слово *amvianud* переводится черезъ: *vico. cf. 77 (81), 78 (83), 79 (82)*.

78 (83) *ú* въ послѣдней строкѣ переводится: *Ofi f.*

79 (82) послѣдняя строка читается: *v. sehs ímbrtr? v* и переводится: *Vibius Seius imperator Italicus?*

81 (84) *vm. v.* во 2-й строкѣ читается *e?* и переводъ *herenni* черезъ *Herennius* сопровождается знакомъ вопроса.

84 (90) начальное *l* переводится: *Lucius?*

87 (91) *vaatunim* передается черезъ:—*tonium*.

90 (97) надпись читается: *a a silli* и оставляется безъ перевода.

93 (96) послѣдняя строка читается:... *kín*, а первая переводится: *Mamius? Meftaevs?*

94 (95) надпись читается:... *emens melifssaii.. n .. igipaaigtís? | ím?*

96 (110) слово *ru* оставлено безъ дополненія и вся надпись безъ перевода.

98 (109) надпись читается: *ga. silli*

99 (113) надпись переводится: *Decius Te...*

100 (103) точки на концѣ нѣтъ.

102 (104) при *Decius* знака вопроса нѣтъ.

103 (114) надпись оставлена безъ перевода.

105 (115) надпись передается: *o. nov.*

106 (116) надпись переводится: *Stephanus? Caesidius? (Caesellius)?*

108 (111) надпись дополняется лишь предположительно.

112 (119) надпись оставлена безъ перевода.

113 (120) начало надписи читается: *dd?*; про эти буквы г. Цвѣтаевъ замѣчаетъ: *sint ne RR litterae oscae nescimus*.

114 (121) *b* знакъ пропуска между *h* и *k* не отмѣченъ.

В прибавлены знаки: *a b g*

115 (122) надпись читается: *g. ivda íeosiixc? | giidiierom?*

123 (130) переводъ сопровождается знакомъ вопроса.

- 124 (131) къ греческому 'Αρχία присоединено латинское: Archia.
 128 (135) надпись переводится: Непенус... | fecit.
 131 (138) къ греческому Ξανθία прибавлено латинское: Xanthia.
 134 (141) во 2-я: строкѣ читается: verpa?

Въ транскрипціи tabula Bantina, приложенной къ страницѣ 45, мы отмѣтили слѣдующія уклоненія: строка 11. вм. ELC въ латинскомъ текстѣ стоитъ ELG, стр. 116 вм. PRVTER—PPVTER и вм. PON POSMOM—PONPOSMOM, строк. 28 вм. SVAEPIS—SVAFPIS

Въ переводѣ отмѣтимъ слѣдующія перемѣны: въ 1-й строкѣ ust? izio переведено:— erit is, въ 4-й сл. qu—cum, въ 13-й и 27-й сл. multas—multas, строка 23. сл. svae—pod—sive, строка 29 сл. pis ta-cusim negum—quisquis... nobilium.

136 (143) въ послѣдней строкѣ первое слово читается: μ? εσοτ, а послѣднее: μαλανα[ς], и въ переводѣ сл. vallare опущено.

138 (144) строка 2. дополняется сл. αο (ος).

138 (145) надпись переводится: Titus Cemerus poculum.

145 (152) послѣдняя буква читается: δ

147 (153) первое слово читается: τρεβι. J littera vocabuli τρεβι, говоритъ г. Цвѣтаевъ, quam ars photographica in tabula nostra, quod dolendum est, repraesentare non potuit, tam obscura atque subtilis est, ut vix distingui queat.

165 (172) b. читается: aururunk

173 (180) с опущено.

174 (181) приводится переводъ: Viscipius?

Изъ памятниковъ, не вошедшихъ въ русское изданіе, выдается наговоръ на свинцовой табличкѣ, изданный проф. Вухелеромъ. Мы приведемъ этотъ памятникъ въ своемъ мѣстѣ, здѣсь же сообщимъ тѣ небольшіе отрывки, которые не вошли въ русское изданіе:

№ 35. два обломка, найденные въ Капуѣ и находящіеся въ настоящее время въ Берлинѣ: 1) въ верхней части кабанъ, обращенный влѣво, съ подписью:... []; задняя сторона пустая; 2) сверху три диска, утолщенные около середины, на подобіе опрокинутыхъ блюдъ; вдоль нихъ идутъ три строки погибшей надписи:

ΟΙΒ

8

ΙΕΥΑ

задняя сторона пустая. Иад. de Duhn Bullett. d. instit. 1876, p. 184.

№ 40. ножка стекляннаго сосуда, найденнаго тамъ же, съ надписью:

ΣΙΤΤΙΑ
ΣΑΙΟΛΓ

de Duhn *ibid.* p. 177. n. 1.

Неизвѣстнаго происхожденія надпись:

ИΙΔΝ

оттиснутая на свинцовой пластинкѣ (помѣщена въ *addenda*).

Читателю внимательному изъ приведенныхъ выше сопоставленій будетъ ясно, что авторъ, при составленіи русской книги, стоялъ еще подъ значительнымъ вліяніемъ Корссена, сказывавшемся особенно при переводѣ и толкованіи надписей; при составленіи же книги латинской, г. Цвѣтаевъ уже освободился, болѣе или менѣе вполне, отъ этого вліянія и примкнулъ почти исключительно къ толкованіямъ Бюхелера. Такой переходъ еще явственнѣе при сравненіи обоихъ глоссаріевъ г. Цвѣтаева — русскаго и латинскаго, разница между которыми довольно значительна. Оставивъ въ латинскомъ лишь существенно-необходимое, авторъ опустилъ различныя сопоставленія, догадки и предположенія, иногда совершенно невѣрныя и невѣроятныя, которыхъ немало въ глоссаріѣ русскомъ; эта невѣрность и невѣроятность происходили главнымъ образомъ отъ того, что авторъ взялъ себѣ руководителемъ въ области этимологическихъ разъясненій и догадокъ Корссена и Фика (*Vergleichendes Wörterbuch*). Авторитетъ послѣдняго въ этихъ вопросахъ еще болѣе слабъ, чѣмъ авторитетъ Корссена. Такимъ образомъ, латинскій глоссарій, выигравъ въ краткости, выигралъ и въ своемъ достоинствѣ. Въ послѣдующихъ строкахъ мы отмѣтимъ лишь главнѣйшія исправленія и дополненія, которыя можно сдѣлать въ русскомъ глоссаріѣ, сравнительно съ латинскимъ, опуская то, что выпущено авторомъ, какъ заимствованное преимущественно изъ трудовъ обоихъ вышеназванныхъ ученыхъ.

aamanaffed объясняется, вслѣдъ за Бюхелеромъ (*Oskische Bleit.* p. 61), какъ: *mandavit opus*.

послѣ сл. *avt* стоятъ сл. *avti* GB. 6 11 13 24 *a]vti* GB. 29 *coniunctio*=*aut.* cf. lat. *autem.* *idem valet avt DV* (этими знаками мы будемъ обозначать изданный Бюхелеромъ наговоръ) 5 6 *bis positum pro avti.*

a]id 19 b.=*aediles*

akdased Бюхелеръ объясняетъ какъ: *aequidavit id est fines* (a Boviano) ad normam dixerit.

aisusis DV 7. abl. plur. decl. 5. = sacrificiis. cf. sabell. *aisos* = sacri, umbr. *esunu*, volsc. *esaristrom* = sacrum.

akenei объясняется вслѣдъ за Бюхелеромъ (*N. Jahrb.* 1875, 129) in agone.

Akvias DV. 10. nomen proprium femininum dat. sing. decl. 1. = Aquiae cf. Aquia Quarta IRN. 2206.

akrid DV. 4. nomen adiectivum abl. sing. decl. 3. = acri.

amkadum DV. 2. lectio incerta.

arasne nota nummum incerta.

arentik[ai] DV. 1. *ar[entikas]* DV. 3. *are[ikas]* DV. 12. nomen adiectivum femininum dat. sing. decl. 1. = ultrici. cf. Hesychius Ἀράντιον, Ἐρινόσιν, Μακεδόνας.

astakus DV. 10 11 futurum II activi 2 pers. sing. = detuleris.

astakud DV. 3. praesens coniunctivi 3 pers. sing. = deferat. Etymon varie explicatur a Büchelero Osk. Bleit. p. 52 sqq. 72 sq.

baiteis вслѣдъ за Бюхелеромъ (l. l. p. 29) объясняется какъ глаголъ: praes. indic. act. 2 pers. sing. = baetis.

bivus DV. 9. nom. adiect. masc. nom. plur. decl. 2. = vivi.

brateis толкуется черезъ = commodi.

реставрацію *g]aviets* въ п. 10 г. Цвѣтаевъ принимаетъ въ глоссаріѣ за фактъ положительный.

da[da]d DV. 3. praes. coni. activ. 3 pers. sing. = reddat.

dadid DV. 4. indic. 3 pers. sing. = reddit, ἀποδίδωσιν.

damia.. DV. 2 оставлено безъ объясненія.

damuse... 34 b и *damu*... 34 a, вслѣдъ за Бюхелеромъ (Osk. Bleit p. 72), оставлены безъ дополненія и объясненія, которыя въ русскомъ текстѣ были заимствованы изъ Корссена.

degetasis и *degetasios* 53 (nom. plur. decl. 2), вслѣдъ за Бюхелеромъ (Comm. in honor. Momms., p. 230 sq.), объясняется черезъ *digitarius*. *Meddices digitarii*, по Бюхелеру, *sunt qui publicas rationes civitatum tractant tributaque exigenda describunt*.

degvinum признается за gen. plur. decl. 2.

deivin... 35 (русс.) и *deiv* 35 (лат.) оставляются безъ объясненія

dias[is], согласно толкованію Бюхелера, принимается = *besalis*.

dunte.. DV 4 оставлено безъ объясненія.

edum DV 8, по Бюхелеру, infin. indic. act. = *edere*, по Вреалю

(*Revue critique* 1878, p. 92) *provomen demonstr*, происшедшее изъ *ed-dum*.

ek.. Ab. 14: fortasse *ek[stis]*?

eis... DV. 5, приведено въ группѣ иѣстоименія соотвѣтствующаго лат. *is, ille*.

v въ 81, Вухелеръ объясняетъ, какъ=*vttelius, Italicus?*

vaaminim, вѣстѣ съ Вухелеромъ г. Цѣѣтаевъ призываетъ за неизвѣстное по значенію существительное, оканчивающееся на *nomium*.

valaimais DV. 2 12 *valaima(i)s* DV. 4 10 *valaims* DV. 9 dat. plur. decl. 1=*diis Manibus, ad litteram: optimis*.

valaimas DV. 8 *nomin. plur. decl. 1.=di Manes*.

ved, надивсь на метательныхъ гладахъ; г. Цѣѣтаевъ предполагаетъ въ ней *eed*?

veat... 187 опредѣляется, какъ *nomem proprium*.

verehasioi, вѣстѣ съ Вухелеромъ, г. Цѣѣтаевъ толкуетъ, какъ=*Iuventati, Iuveni*. Первый говоритъ: *verehasio appellatus est a vereia, ut stahint factur est ex staiunt, athena ex aie—: Latini hunc Jovem Juvenem aut Juventutem dixere (Hensen Or. 5634, 5635)*.

слова *vesulia* 35 и *vesulias* 185 оставлены безъ объясненія, также какъ и *ves* 185.

Vibiai DV. 3 10 *praenomen femininum dat. sing. decl. 1.=Vibiae* cf. *Vibia Tetidia. Hensen 6238*.

heriam DV. 1, *nom. substant. femin. accus. sing. decl 1.=arbitrium*.

humuns DV. 9, *nom. subst. mascul. nom. plur. decl. 5.=homines*.

huntru DV. 11, *adverbium=infra*.

hu[n]truis DV. 7, *nom. adiect. mascul. dat. plur. decl. 2=inferis* cf. *umbr. hutra hondra hondomu*.

imbrtr? 79=*imperator?* sed cf. *embratur*.

kahad DV. 6. bis 8 *praes. indic. act. 3 pers. sing.—capit. cf. lat. incohare, graec. κηή—οματ.*

kalka 58,6 объясняется черезъ=*caulas templi*.

kai 106 *nota nominis proprii masculini cuiusdam*.

kaispatar DV. 5 *praes. conjunct. pass. 3 pers. sing.=caedatur?*

karanter DV. 9. *praes. indic. pass. 3 pers. plur.=pascuntur, vescuntur*, при чемъ приводится цитированная Вухелеромъ глосса Пладда (p. 29, 19 Deuerling) *carensis, pistoribus a caria, quam Oscorum lingua panem esse dicunt*.

ka... 53 *cognomen masculinum*.

къ *Kerri* прибавлена еще форма *Keri* DV. 1 3 12.

Kluvatiis DV. 9, nomen propr. mascul. nomin. sing. decl. 2=Cluatus.

Kluvatiud DV. 2, abl. sing. decl. 2=Cluatio.

Kluvatiium DV. 10, acc. sing. decl. 2=Cluatium.

Klu... 185, в, *Kluvati...* 185 а fragmenta nominis proprii Cluatorum.

qn ТВ. 4 (сн Brunsl), по предложению Бюхелера, описка вм. *pon*=cum.

krustatur DV. 5, praes. coni. pass. 3 pers. sing.=cruentetur?

leginei DV. 4 11 12 nomen substant. dat. sing. decl. 5=potestati, religioni.

leginum DV. 3 accus. sing. decl. 5.=potestatem. cf. lat. lex legere ligare religio.

leg... DV. 1:

liganakdikei, вслѣдъ за Бюхелеромъ (Osk. Bleit. p. 10), отождествляется съ греч. Θεσμοδέτιδι.

limu DV. 8 nomen substant. acc. sing. decl. 2.=famem, λιμόν. cf. Paul. Festi in v. bulimum.

malaks DV. 2. nomen adiectiv. mascul. nomin. sing. decl. 2=mollis, μαλακός.

manafum DV. 3. [*man*]afum DV. 1. perfectum? indic. activi 1 pers. sing.=mandavi.

[*m*]a[*r*]a? 90=Μαγα.

сл. *medicim* ТВ. 30 31 34 опущено, вѣроятно по недосмотру.

Με ταυα[s] принимается, какъ Gen. и передается=Meiaianae.

mennum DV. 8. infin. praes. activi=minus; cf. *min[s]*, *minstreis*.

mefiai Ab. 57 nomen adiect. femin. locat. sing. decl. 1.=in media.

mefi[o] Ab. 30. nomin. sing. decl. 2=media.

moíniko Ab. 22. nomin. sing. decl. 2=communis.

na (vel *ma*) 14 fortasse nota vocabuli cuiusdam, vulgo cum donom praecedenti coniungitur.

къ сл. *neip* приводится еще указание на DV. 4 5 6.

nistrus DV. 2 nomen adiect. masculin. nomin. plur. decl. 2=propiores? *Bücheler*, Osk. Bleitaf. p. 70 sq.

n... rnum DV. 6.

pai DV. 1. nomin. singul.=quae.

pai DV. 8. accus. plur. neutr.=quae.

Pakim DV. 10. praenomen mascul. accus. sing. decl. 2=Pacium.

Pakis DV. 9. nomin. sing. decl. 2=Pacius.

Pakiu DV. 2, ablat. sing. decl. 2. pro *Pakiud*=Pacio.

Pernai сопоставляется съ лат. Porrima, Prorsa, Antevorta.

perfa... DV. 6.

къ сл. *pid* приводится еще указаніе форм *pid* въ DV. 6, также, какъ и къ *pidum*—формы *pidum* *ibid.* 7.

pi... DV. 8.

къ формѣ *Platorius* 152, b г. Цвѣтаевъ считаетъ нужнымъ замѣтить: *terminatio huius vocabuli in—s proorsus non est Osea.*

prebaiam DV. 3. accus. sing. decl. 2.

pod въ TB. 23 послѣ *svae* принимается, вслѣдъ за Бюхелеромъ (Osk. *Bleitaf.* p. 55), въ значеніи *sive, sive*.

про предлогъ *post* замѣчено, что онъ управляетъ лишь *ablat.*

puh DV. 10 11 pronomen indefinit. abl. sing.=aliquo. сл. *Bücheler* (Osk. *Bleitaf.* p. 55, 229.

puí DV. 1. pronomen relativum masculin. nomin. sing.=qui

puk DV. 9. *puclu* DV. 12. *puclu*] DV. 2. *puclu* DV. 8, 10.

puklum DV. 4 ubique legendum esse *puklum* coniecit *Bücheler* Osk. *Bleitaf.* p. 14 *sqq.* sed cf. quae dixit M. Bréal *Revue Crit.* 1878, p. 91.

сл. *pumperias*, вслѣдъ за Бюхелеромъ (Osk. *Bleit.* p. 45 и *Interpret.* tub. *Ignv.* II, p. 8) переводится черезъ=**quincunariae*.

pun DV. 6. bis. 8. coniunctio=cum, quom.

pust DV. 5=*post*.

къ *putians* прибавлена форма *putians* DV. 7. bis.

putiaal DV. 6 7 8 praesens coniunct. activ. 3 pers. sing.=possit

pu. lum DV. 3.

sakahiter переводится черезъ=*sancitur*.

sakra... 88.

sakrim DV. 11 nomen adiect. mascul. acc. sing. decl. 1.=sacrum, vet. sacrem.

sa... DV. 11.

sebstk 68 nomen mensurae.

про *servkil* г. Цвѣтаевъ говоритъ: *etymon cognatum est cum lat. servare.*

сFа 136 adverbium=sic. cf. sua *inscript. paelignae explicatum a Büchelero Rhein. Mus.* 1878, p. 282.

къ *svai* приб. DV. 4 5 bis. 6 10 11.

statos Ag. AI nomen subst. mascul. nomin. plur. decl. 2=statae. cf. *statif.*

steras DV. 11.

svam DV. 1. accus. sing. decl. 1=suam.

svv 74 nota incerta.

suluh DV. 9 adverbium=denique, sollo cf. s. v. *salavs*.

sum 44 aut vocabuli incerti fragmentum aut auctore Mancinio 1 pers. sing. praes.=sum. Qui vir doctissimus titulum Campanum n. 44 in duas inscriptiones dividit: 1) vibi(s:) smintiis: (sum), 2) vibis smintiis sum=Vibius Smințius sum. cf. Giorn. scavi di Pomp. n. s. III p. 231.

supruis DV. 7 adiectivum masc. dat. plur. decl. 3=superis.

supr... DV. 10.

сус надпись на метательных гландахъ: an *sum*? замѣчаетъ г. Цвѣтаевъ.

sum 56 опущено.

t 25.

t какъ: nota vocabuli *tangmod*.

къ *tacus* im г. Цвѣтаевъ замѣчаетъ: an—im postpositio est ut infissim?

te... 99. initium nominis proprii cuiusdam.

tium DV. 5 *tio* 26 pronom. nom. sing.—tu. cf. Bücheler Osk. Bleitaf. p. 29.

t(i)fei DV. 3 dat. sing.=tibi.

tribarokattins Ab. 48. perfectum coniunct. activ. 3 pers. plur.=aedificarint.

tribarokkiuf Ab. 37. nomen substant. femin. nomin. sing. decl. 5.=aedificatio.

trutas DV. 12. partic. perfecti pass. accus. plur. 1.=certas.

tuvai DV. 11. pronom. posses. dat. sing. decl. 2.=tuae.

turumiad DV. 9. praes. coniunct. act. 3 pers. sing.=tabescat. De etymo lege Buecheleri Osk. Bleitaf., p. 46 sq.

tus... DV. 12.

ud... DV. 7.

ulas DV. 4 12 genet. sing. ded. 1.=ollae.

ombnavt въ 20 принимается, какъ perfectum, но подъ знакомъ вопроса. Цитаты на Бюхелера Rhein. Mus. 1875, p. 440, 442; 1878, p. 286.

um DV. 6. accus. sing. decl. 2.

οοκσενς 153 3 pers. plur.=fecerunt, operati sunt.

форма: *urena* опущена.

usurs DV. 2. nomen adiectiv. mascul. nomin. sing.?

ufteis DV. 7. participium perf. pass.? genet. sing. decl. 2; de etymo incerto cf. Buecheler, Osk. Bleitaf., p. 39.

far DV. 8. nomen substant. neutrum accus. sing. decl. 5.=far.

factum 46 6 8 infinit. praes. act.=fari.

fūshim принимается за casus incertus.

Fiml 29 оставлено безъ объясненія.

f... и *f* въ отрывкѣ у Duhn Bullett. d. Institut. 1876. а, р. 184:

fifikus DV. 5. futur. 11. activ. 2 pers. sing.=defixeris, decreveris.

cf. lat. figere.

Flaapiu 46 оставлено безъ объясненія.

frus 128 vulgo=Frans.

Изъ этого сличенія, въ которомъ, какъ кажется, не опущено ничего значительнаго, видно, на сколько выигралъ латинскій глоссарій г. Цвѣтаева, въ сравненіи съ русскимъ, и въ точности и въ полнотѣ. Сравнивъ сходныя части разсматриваемыхъ книгъ, мы, въ своемъ дальнѣйшемъ отчетѣ, будемъ имѣть въ виду исключительно латинскій текстъ, цитую лишь, для большаго удобства читателей, въ скобкахъ номера надписей русской книги.

Приступая къ отчету о первой части труда г. Цвѣтаева, мы должны прежде всего замѣтить, что она требовала отъ автора значительной опытности, умѣнья и начитанности; первая два условія были необходимы для правильнаго чтенія и передачи надписи, послѣдняя для приведенія ея литературы. Слѣдующія ниже отдѣльныя замѣчанія на нѣкоторые памятники убѣдятъ читателя, что автору нельзя отказать ни въ первыхъ двухъ, ни въ послѣдней.

Приводимыя въ текстѣ книги г. Цвѣтаева надписи расположены имъ въ слѣдующемъ географическомъ порядкѣ: область Эквоївъ (Нерса), область Френтановъ (Lanciano, Punta di Penne, Vasto, Fresa, Casacalenda, Castel di Sangro, Alvito, Agnone, Bovianum, Molise, Rocca Aspromonte, Saerinum, Beneventum, Castello della Baronina), Пиценумъ, область Террачины, Кампанія (Капуя, Кумы, Абанна, Нола, Геркуланумъ, Помпеи, Суррептумъ), Луканія (Вантія, Анксія, Тегіанумъ, Castellacio), область Бруттиевъ (Вибо), Сицилія (Мессана). Кромѣ того, до насъ дошли оскія монеты изъ слѣдующихъ мѣстностей: область Марруциновъ (Театы), область Френтановъ (Ларинумъ), Самниумъ (Езернія, Аллифы, Телевія, Аквилонія), область Аврунковъ (Аврунка), Кампанія (Теанумъ, Кубультерія, Капуя, Калація, Ателла, ПUTEОЛИ, НУЦЕРІЯ Альфатерская, Урїя) Апулія (Аскулумъ), Луканія, область Бруттиевъ (Вибо Валенція), Мамертинцы. Каждый изъ приводимыхъ г. Цвѣтаевымъ текстовъ сопровождается подробнымъ указаніемъ мѣстности, гдѣ былъ найденъ памятникъ, времени открытія, вышняго его вида, мѣста его нахождения; къ этому присоединяется

точное обозначеніе величины памятника и буквъ. Въ большинствѣ случаевъ упомянутыя указанія выписываются дословно изъ тѣхъ авторовъ, которые непосредственнѣе другихъ были знакомы съ обстоятельствами открытія, приѣмъ, проводящійся весьма послѣдовательно въ Берлинскомъ *Corpus Inscriptionum Latinarum*, и заслуживающій полнаго сочувствія; единственное затрудненіе, которое можетъ при этомъ возникнуть для читателя незнакомаго съ италіанскимъ языкомъ (такъ какъ большинство изъ этихъ указаній извлечено изъ италіанскихъ сочиненій) легко устраняется близостью этого послѣдняго къ латинскому. За симъ слѣдуетъ транскрипція надписи, передающая памятникъ во всѣхъ подробностяхъ его начертаній; въ большинствѣ случаевъ она сдѣлана съ безукоризненной точностью, такъ, что читателю, не имѣющему таблицъ, почти вездѣ можно вполне полагаться на передачу надписей г. Цвѣтасвымъ. Можно пожалѣть лишь объ одномъ: такъ какъ очень многіе памятники сохранились или весьма дурно или не вполне, то было бы желательнѣе, чтобъ издатель и въ транскрипціи указалъ: во первыхъ, какія буквы читаются неясно или не вполне (это можно бы было сдѣлать, отмѣчая каждую изъ такихъ буквъ особымъ знакомъ, напримѣръ подписною точкой, какъ это дѣлалъ между прочимъ Корссепъ въ *Ephem. epigr.*), и во вторыхъ, какъ велики пропуски, то-есть, сколько буквъ, приблизительно, утрачено черезъ имѣющуюся лауну. При небольшомъ числѣ оснѣхъ памятниковъ, каждый изъ нихъ приобретаетъ особое значеніе во всѣхъ своихъ, даже мельчайшихъ деталяхъ, и потому указанія отмѣтки далеко не были бы лишними. Можно возразить, что все сказанное отмѣчено въ атласѣ, но не всякій можетъ имѣть послѣдній; да и у изслѣдователя, его имѣющаго, сбереглось бы не мало времени черезъ сказанныя указанія. Транскрипція сопровождается, гдѣ это возможно, переводомъ. При этомъ осторожность издателя сказалась тѣмъ, что онъ весьма рѣдко сообщаетъ свою собственную передачу надписи; въ большинствѣ же случаевъ онъ заимствуетъ ее у другихъ изслѣдователей: Момзена, Корссена, и преимущественно, Бюхелера. Тамъ, гдѣ разногласятъ одинаковые, по мнѣнію г. Цвѣтаева, авторитеты, онъ воздерживается отъ сужденія, предоставляя времени указать на болѣе вѣрное объясненіе. Лишь въ одномъ мѣстѣ онъ попытался выставить свое предположеніе относительно значенія *eftuns*, понимая эту форму, какъ *coniunct. praes.* но впоследствии отказался отъ него (стр. 53). При указанномъ выше авторитетѣ Бюхелера; при его компетентности въ толкованіи темныхъ

оскихъ текстовъ, такая зависимость г. Цвѣтаева отъ его руководства совершенно понятна и вполне одобрительна. Вслѣдъ за транскрипціей и переводомъ идетъ указаніе на таблицу и номеръ рисунка, подъ которымъ памятникъ находится въ атласѣ и отмѣчается свойство снимка, съ котораго онъ тамъ воспроизведенъ. Затѣмъ слѣдуетъ указаніе литературы памятника. При ея, сравнительно, небольшомъ объемѣ г. Цвѣтаевъ счелъ уместнымъ по возможности полное исчисленіе тѣхъ сочиненій, въ которыхъ передается та или другая оская надпись. При литературѣ болѣе значительной это могло бы показаться роскошью, и издатель довольствовался бы отмѣткой только такихъ сочиненій, авторы которыхъ передаютъ надпись по автописи или же вносятъ въ ея чтеніе и толкованіе что-либо новое, своеобразное. Впрочемъ, и г. Цвѣтаевъ не опускаетъ случая отмѣчать, въ какихъ трудахъ надпись издана съ новымъ чтеніемъ; и въ какихъ она заимствована изъ печатнаго источника, при чемъ, въ послѣднемъ случаѣ, отмѣчаетъ и этотъ источникъ. Въ заключеніе, сообщаются варианты пражскихъ издателей, преимущественно Моммзена, Фабретти, Корссена.

Таковъ, въ общихъ чертахъ, составъ первой половины труда г. Цвѣтаева. Изъ ниже слѣдующихъ частныхъ замѣчаній выяснятся характеристическія его черты въ подробности. Эти замѣчанія мы сообщимъ въ порядкѣ издавшихся текстовъ.

№ 9. (13) при сличеніи транскрипціи г. Цвѣтаева съ таблицей мы отмѣтили слѣдующіе варианты: стрк. 2. послѣ statif точка, стр. 3. послѣ втораго statif точки нѣтъ; стрк. 14. на табл. (и у Momms.) piistfaí, стрк. 22. и 24 точекъ послѣ statif на таблицѣ (и у Momms.) нѣтъ. Къ вариантамъ можно прибавить, что въ стрк. 3. Momms. опускаетъ точку и между evklof statif.

10. (14) На таблицѣ слова: donomna и z раздѣлены точкой. Первое изъ нихъ Моммзенъ читаетъ: donomma, замѣчая (U. D. p. 174): Die Ligatur am Schluss, die nach genauer und wiederholter Untersuchung des Originals auf der Tafel dargestellt ist, scheint ma nicht na, wie ich früher mit Avellino annahm, denn in diesem Fall müsste der Querstrich in andrer Richtung laufen. При цитатѣ на Моммзена слѣдуетъ дополнить: tab. VIII. n. 7a.

11. (9) Говоря объ окончаніи надписи, которое у Фабретти читается: upsedk, г. Цвѣтаевъ замѣчаетъ, что присутствіе послѣдней буквы у его предшественниковъ вызвано поврежденіемъ камня; между тѣмъ на таблицѣ атласа этого поврежденія не замѣтно.

12. (10) первая буква въ *iniefis* очень сомнительна; относительно начала 4-й строки Бюхелеръ (Bullet. 1876. p. 207) замѣчаетъ: *in principio versus quarti quae hodie apparet recta linea potest i fuisse potest ex a vel p similive littera esse reliqua.*

14. (12) отъ третьей строки на таблицѣ не видно почти ничего; въ 5-й Фабретти и Корссенъ читаютъ *m* вмѣсто *n*, и какъ кажется, не безъ основанія, также какъ въ послѣдней *ed*, хотя отъ *d* остались лишь двѣ черточки.

19. (18) послѣднее слово надписи Корссенъ (Eph. epigr.) читалъ *grufatted*.

25. (26) послѣднее слово Моммзенъ читалъ: *aifneis*, при чемъ послѣ каждой изъ первыхъ трехъ строкъ отмѣчалъ пропускъ, по поводу котораго замѣчаетъ (U. D. p. 176): *Lücken giebt Lepsius nicht an, doch darf man wohl annehmen, dass die zweite Hälfte von Z. 1. 2 und die letzten Buchstaben in Z. 3. ganz abgerieben sind.*

28. (28) Считаю необходимымъ отмѣтить, что на таблицѣ атласа надпись читается слѣдующимъ образомъ: *km. bn. b. biis. km.* Транскрипція г. Цвѣтаева совпадаетъ съ транскрипціей Моммзена.

29. (29) Во второй строкѣ слова раздѣлены точкой.

34. (32) Къ вариантамъ отмѣченнымъ издателемъ, прибавимъ еще, что Корссенъ (Ephem. epigr.) въ *a* помѣстилъ строки въ обратномъ порядкѣ и послѣднее слово первой строки читалъ: *stahint*.

38. (36) На таблицѣ атласа вторая и третья строки читаются: *f. i. s u (?) veso...*

41. (38) Въ атласѣ снимка съ этого памятника не помѣщено, хотя онъ находится у Мазокки и Моммзена. Послѣдній (U. D. p. 177) замѣчаетъ про эту надпись: *es ist wohl eine der ältesten unsrer oskischen Inschriften, jedenfalls früher als der hannibalische Krieg und die Auflösung des caruanischen Gemeinwesens.*

42. (39) По свидѣтельству Корссена (Ephem. epigr.) надписи были распределены въ двухъ комнатахъ такъ, что 43, 44, 45 находились *in camera dextra*, а 42 и 46 *in camera sinistra*. Затѣмъ, по мнѣнію того же ученаго (Z. v. Spr. XX, 101) 43 писанъ въ болѣе позднее время, чѣмъ 42.

47. Изъ послѣдняго слова на таблицѣ можно съ трудомъ различить лишь начальную букву *s*.

49. (46) Въ чтеніи этой, писанной на свинцѣ весьма небрежно, надписи есть много сомнительнаго. Въ строкѣ 5-й послѣднее слово читается: *oh. tavis*. Относительно времени, къ которому принадлежить

этотъ любопытный памятникъ Бюхелеръ (Osk. Bleitaf. p. 74) замѣчаетъ, что эта табличка nicht lange nach dem Verschwinden des Oskischen aus dem officiellen Gebrauch, nicht nach 80—40 v. Ch. gesetzt werden darf. Цитата г. Цвѣтаева на Фабретти должна читаться: п. 2749.

54. (50) Надпись раздѣлена такъ, что upilē читается на одной сторонѣ чаши, а ufiis: на другой.

56. (52) стрк. 31 послѣднее слово на таблицѣ читается лишь въ формѣ ро; стрк. 33. на таблицѣ слова et и pert точкою не раздѣлены; стрк. 38 послѣднее слово читается: povlanos; стрк. 39 читается: trībarakat. tuset; стрк. 42 читается: fok. trī; къ указанію литературы можно присоединить статью Петера въ Hall. Allgem. Lit. Ztng. 1842. II, p. 67 sqq.

57 (53) ви. perkdne[is чит. perkedne[is.

58 (54) Знакъ лакуны въ послѣднемъ словѣ у Моммзена не отмѣченъ.

64 (61) Цитаты на Фабретти слѣдуетъ читать: Gloss. col. 1469 cf. C. I. It. п. 2787.

71. Третью строку этого памятника Моммзенъ (U. D. p. 183-tab. X. п. 25) читалъ:... trarakkieis.

73 (69) Вторая и третья строка памятника у Моммзена читаются aidi... teremna... Предпослѣднее слово Фабретти читается: vto.

74 (68) Этотъ въ высшей степени любопытный памятникъ найденъ, по словамъ Корссена, въ маѣ 1816 г. (eph. epig. 2, 169). Для уясненія его необходимо упомянуть, что на немъ, спереди, читается слѣдующая латинская надпись: A. CLODIVS. A. F. FLACCVS. N. ARCAEVS. N. F. ABELLAN. CALEDVS | D. V. I. D. MENSVRAS. EXAEQVANDAS. EX. DEC. DECR (Mommson, Inscr. regn. Neapol. п. 2195), показывающая, что передѣлка мѣръ произошла официальнымъ порядкомъ, черезъ дуумвировъ по декрету декуріоновъ. Передѣлка эта не ограничилась разурой надписей, но коснулась какъ емкости, такъ и числа самыхъ углубленій. Надпись в Mancini, по свидѣтельству Корссена (l. l.), читалъ. diasis; на таблицѣ г. Цвѣтаева (XIII. 10. в.) она представляется въ формѣ: d]iasis.

76 (70) Фабретти и Корссенъ нѣсколько иначе отмѣчаютъ лакуны въ этомъ памятникѣ.

80 (76) Окончаніе второй строки Моммзенъ (U. D. p. 185) читалъ: inf. vsq.

81 (77) Любопытно то обстоятельство, что сл. sagini, въ третьей

строки первоначально было написано: *zaguni*, и затѣмъ буква *u* переправлена на *i*.

84 (81) Надпись издана у Моммзеномъ (U. D. p. 186. f. tab. XI. 29. f. I.) въ слѣдующемъ видѣ: *mg. hereni | ... endeio*, при чемъ онъ замѣчаетъ, *vor endeio in Z. 2. ist vielleicht zu lesen ni*.

85 (82) Последней буквы: *n* у Моммзена, U. D. p. 186, не имѣется.

86 (86) По сличеніи съ таблицей во второй строки (совершенно опущенной у Моммзена, U. D. p. 186), представляется, возможнымъ читать: *per*.

89 (85) Въ первой строки Моммзенъ читалъ лишь: *l. o.*. Во второй представляется возможнымъ читать: *niel..* сл. п. 86. Цитату на Фабретти слѣдуетъ исправить: п. 2801, а въ слѣдующемъ, 90—2800.

90 (84) Въ послѣдней строки Моммзенъ (U. D. p. 186. c) читалъ: *idnea erk*, при чемъ замѣчаетъ: *das a ist verschwunden, am Schluss kann man für k auch n lesen*.

95 (94) второй строки у Моммзена нѣтъ.

96 (93) Вторую строку Моммзенъ (U. D. p. 187) читалъ: *... úkin...*, замѣчая: *die zweite Zeile zeigt viel kleinere Buchstaben und scheint nicht mit der ersten zusammengehören*.

109 (98) Въ текстѣ Фабретти оба слова соединены въ одно.

114 (103) *tre*, по сличеніи съ 104 (102) можно было бы понять въ см. *Trebius*.

122 (115) Второй строки, также какъ и послѣднихъ двухъ буквъ первой у Моммзена не видно. Онъ считаетъ эту надпись за отрывокъ алфавитарія, сохранившаго оскую азбуку съ примѣсью греческаго или латинскаго *o*.

137 (132) Цитату на Моммзена слѣдуетъ читать: *tab. XII. p. 32 c.*

140 (133) Въ латинской транскрипціи слѣдуетъ исправить *I* на *T*.

142 (135) Въ транскрипціи текста, кромѣ нѣкоторыхъ опущенныхъ или невѣрно поставленныхъ точекъ, допущены слѣдующія опечатки: стрк. 11 *FX* вм. *EX*, стрк. 16 *PPVTER* вм. *PRVTER*, стрк. 28 *SVAFPIS* вм. *SVAEPIS*. Изъ литературы можно прибавить: *Klenze. Das oskische Gesetz auf der Bantinschen Tafel* (въ *O. A. C. Klenze Philologische Abhandlungen herausgegeben von K. Lachmann. Berlin. 1839, p. 25—55*).

143 (136) Въ послѣдней строки Моммзенъ предлагаетъ читать: *...λεσοτ. и ρειααυλ...* По мнѣнію Корссена (*Beiträge z. Ital. Sprachk. p. 569* и *Kuhn's Zeitschrift XX, 37*) *ετσ*—eines der ältesten Sprach-

denkmäler aus dem V Jahrh. v. Chr. срвн. также Bücheler у Bruns Fontes p. 44. п. 7.

144 (137) Въ одномъ изъ апографовъ (10 b.) слова: *ατο* и *ατο*, *ααλα* и *ααλα* раздѣлены точками.

146 (139) Надпись начинается и оканчивается звѣздочкой.

154 (147) По мнѣнію Корссена (Kuhn's Zeitschrift XXII, 304) памятникъ относится ко времени vom Beginne der Samnitenkriege bis zum Anfange der römischen Kriege.

155—159 (148—152) Хотя у г. Цвѣтаева и были присланные ему Л. Фабретти снимки съ памятниковъ, однако въ атласъ они не помѣщены.

160 (153) По мнѣнію Моммзена (U. D. p. 196), dürfte man die Entstehung der Inschrift nicht viel später setzen als die Entstehung der mamertinischen Gemeinde selbst, welche letztere kurz nach Agathocles Tode ums Jahre d. St. 470 fällt.

162 (155) Цитату на Фабретти слѣдуетъ читать: п. 3062.

186 (156) sqq. Въ недавно вышедшей монографіи Bompois: Les types monétaires de la guerre sociale. 'Etude numismatique. Paris. 1873. 4°, представлено основательное и всестороннее изслѣдованіе монетъ, чеканенныхъ Италиками во время Марсіейской войны; между ними приводится, p. 97, типъ, не отмѣченный у г. Цвѣтаева: A. mutl embratur R. vitelio. Тамъ же можно найти подробное изслѣдованіе объ п. 191 (184): mi. iefis. mi.

Изъ этихъ отрывочныхъ замѣчаній можно составить общее понятіе объ отношеніи труда г. Цвѣтаева къ трудамъ его предшественниковъ—Моммзена, Фабретти, Корссена. Для того, чтобы оно было болѣе полнымъ и правильнымъ, считаемъ нужнымъ замѣтить слѣдующее: новыхъ памятниковъ, которые не были бы извѣстны до труда г. Цвѣтаева, не много; они, кромѣ того, не значительны по объему и не важны по содержанію. Это почти исключительно небольшіе граффиты или дипинты, отмѣченные издателемъ во время его пребыванія въ Помпеяхъ въ 1875 г.; таковы п. 87 (80) ifi, п. 93 (186): v... | p. afillis, 118 (111):... nis puf..., 119 (112): pa, 120 (113): dd? pīs pīs. Такимъ образомъ, главное значеніе трудовъ г. Цвѣтаева не въ томъ, что они обогатили извѣстный до того матеріалъ новыми, цѣнными открытіями. Значеніе его, какъ мы видѣли выше, и не въ томъ, что онъ представилъ своеобразную и самобытную интерпретацію уже имѣвшихся памятниковъ: въ огромной массѣ случаевъ тутъ авторъ стоитъ въ зависимости отъ взглядовъ и толкованій Вр-

хелера. Достоинства труда нашего ученаго заключаются въ иномъ— въ приданіи доселѣ извѣстному матеріалу твердой почвы, въ устраненіи изъ него многихъ сомнительныхъ и даже невѣрныхъ данныхъ. Не смотря на отмѣченныя выше достоинства текстовъ Моммзена, г. Цвѣтаевъ сообщаетъ не мало вариантовъ къ нимъ, дающихъ, по сравненіи съ таблицами, чтеніе болѣе правильное; къ такимъ мы отнесемъ: напримѣръ, 2. palanod, 25 (26) aifineis (M. aifineis), 56 (52) 17 ruз (M. ruз—вариантъ особенно важный, такъ какъ вводилъ изслѣдователей въ невѣрныя объясненія; см. Bugge въ Kuhn's Zeitschrift XXII, 443), 22 potoro[mpid (M. poturu[mpid), fisisno (M. fisisnu; вообще, въ этомъ памятникѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, Моммзенъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ не отмѣтилъ диакритическаго знака), 71 (67) ko]mparakineis (M. mpakkieis), нѣсколько важныхъ вариантовъ въ отрывочномъ началѣ tabula Vantina и др. Еще больше исправленій представляютъ тексты г. Цвѣтаева для трудовъ Фабретти и Корссена. Уже выше, по другому поводу, мы имѣли случай привести одну надпись, явившуюся въ изданіи Корссена не узнаваемою; здѣсь приведемъ еще нѣсколько примѣровъ: такъ, п. 21 этотъ ученый издалъ (ephem. ep. 11, p. 189) въ слѣдующемъ видѣ (по снимку, сообщенному ему де Петрой):

g. trīb. . . .
 is seem |[lv (?). . .
 isuv ehpreiví | . . .
 hnuseis pad hefv.

а п. 83 (78) въ слѣдующемъ (eph. ep. 11, p. 172):

. . . u . a u
 Xíní XI. puf
 . . . a . t . fisaniso.

Поучительнымъ примѣромъ въ указываемомъ отношеніи служить исторія съ одною надписью, которой вѣрное чтеніе и пониманіе были достигнуты черезъ 60 лѣтъ послѣ того, какъ она была найдена. Авелино, впервые публиковавшій эту надпись (Цвѣт. п. 134, русск. 126), читалъ ее: ΣΙΡΙΝΕΙΣ, видя обозначеніе жителей города Surrentum, Surrentini, возлѣ котораго она и была найдена 18-го мая 1813 г. въ одной гробницѣ. (Описк. III, p. 113. п. 1). Съ легкой руки Минервини, (Bullett. Napol. N. S. 2, 118) взглянувшаго на памятникъ верхъ ногами, эта надпись пошла гулять по ученому міру въ формѣ Vilineis, возбуждая недоумѣнія и толкованія филологовъ—Корссена,

Фабретти, Ендериса, которые сверхъ того, относили ее къ Помпеямъ. Рядомъ съ нею продолжала приводиться и сообщенная у Авеллино надпись изъ Сорренто, которую Моммзенъ (U. D. p. 190) толковалъ: *Virini*. Только тщательному изслѣдованію г. Цвѣтаева, при помощи де Петры, удалось возстановить истину и свести двѣ надписи къ одной (*Giornale degli scavi di Pompei*, № 5, 1875, p. 154 sqq.).

Переходимъ къ отчету о глоссаріѣ. Съ общемою его формою и приемами автора при его составленіи читатели уже нѣсколько знакомы по приведеннымъ выше выпискамъ по поводу сопоставленія латинскаго изданія съ русскимъ. Сравнивая его съ глоссаріями Моммзена и Фабретти, мы не можемъ не видѣть значительной зависимости отъ нихъ труда г. Цвѣтаева, но не можемъ и не отмѣтить разностей, представляющихъ движеніе впередъ. Однако, прежде указанія на эти пункты сходства и различія, считаемъ нужнымъ замѣтить, что глоссарій г. Цвѣтаева заключаетъ въ себѣ всѣ слова, сохраненныя намъ въ оскихъ памятникахъ; немногіе, правильнѣе одинъ—пропускъ есть дѣло чистой случайности. Кромѣ того, г. Цвѣтаевъ съ намѣреніемъ, какъ кажется, не ввелъ въ глоссарій словъ изъ *tabula Vantina*, заключающихся въ отрывкѣ, списанномъ на скорую руку и несомнѣннѣе вѣрно Авеллино. Это опущеніе можетъ быть до нѣкоторой степени оправдано уже извѣстною читателямъ осторожностью автора; кромѣ того, словъ въ этомъ отрывкѣ такъ мало, и они, за немногими исключеніями, такъ непонятны, что жалѣть объ ихъ опущеніи было бы неосновательно. Но за то съ болышинъ правомъ могутъ пожалѣть читатели о томъ, что въ свой глоссарій г. Цвѣтаевъ не ввелъ, подобно Лепсіусу и Моммзену, тѣхъ оскихъ словъ, которыя, какъ таковыя, приводятся древними римскими писателями, преимущественно грамматиками. Пользуясь трудами названныхъ ученыхъ, авторъ не затруднился бы этимъ дѣломъ, а между тѣмъ, введя эти слова, онъ представилъ бы абсолютно полный *thesaurus linguae Oscae*, и этимъ значительно облегчилъ бы труды изслѣдователей, преимущественно отечественныхъ, для которыхъ книги Лепсіуса, Моммзена, Фабретти мало доступны, отчасти по своей рѣдкости, отчасти вслѣдствіе дороговизны. Правда; нельзя сказать, чтобы г. Цвѣтаевъ совершенно игнорировалъ названныя цитаты, онъ иногда приводитъ данныя грамматиковъ для уясненія того или другаго слова, сохранившагося въ надписяхъ, но эти данныя, занимая второстепенное мѣсто, не могутъ быть названы полными, потому что приводятся не ради самихъ себя, а ради дру-

гихъ словъ. Между тѣмъ, было бы весьма желательно услышать сужденіе г. Цвѣтаева объ этихъ цитатахъ, въ которыхъ не особенно строго проводится различіе между діалектами, и иногда слова сабинскія цитуются какъ оскія и наоборотъ. Въ виду указанныхъ выше причинъ, мы считаемъ не лишнимъ, пользуясь трудами названныхъ ученыхъ, привести эти цитаты въ азбучномъ порядкѣ, и такимъ образомъ дополнить прекрасный глоссарій г. Цвѣтаева:

Alpus Paul. Diac. p. 4 (ed. C. O. Mill): Album quod nos dicimus, a Graeco, quod est ἀλφόν, est appellatum. Sabini tamen alpum dixerunt. Сл. оск. Alafaternum.

Asta Varro L. L. VII. 54... quae in Romulo Naevius appellat asta ab Oscis.

ausum Paul. Diac. p. 8. Aurum — alii a Sabinis translatum putant, quod illi ausum dicebant. Cf. p. 23. Aureliam familiam ex Sabinis oriundam a sole dictam putant, quod ei publice a p. r. datus sit locus, in quo sacra faceret Soli, qui ex hoc Auseli dicebantur.

Gela Stephan. de urbibus. v. Γέλα: ὁ δὲ ποταμὸς (Γέλα) ἐτι πολλὴν πύχην γεννᾷ ταύτην γὰρ τῇ Ὀπικῶν φωνῇ καὶ Σικελῶν γέλαν λέγεσθαι.

Dalivus Paul. Diac., p. 68: Dalivum supinum ait esse Aurelius, Aelius stultum, Oscorum quoque lingua significat insanum. Варианты и подходящія цитаты изъ глоссаріевъ приводитъ Миллеръ ad l.

Diana v. Feronia.

Veia Paul. Diac., p. 368: Veia apud Oscos dicebatur plaustrum, unde veiarum stipites in plastro et vectura veiatura. cf. Osc. vía, vío.

Vedius v. Feronia.

Vesperna Paul. Diac., p. 338. Scensas Sabini cenas dicebant. Quae autem nunc prandia sunt, cenas dicebant et pro cenis vespernas appellabant. cf. Fest. Quat. XV. 14. Scensas Sabini dicebant quas nunc cenas, quae autem nunc prandia, cenas habebant et pro cenis vespernas antiqui.

Vesta v. Feronia.

Volcanus v. Feronia.

Vortumnus v. Feronia.

vefere Ps. Apul. ed. Osann, p. 125. certumque est Romanos f Sabinorum in h solitos convertere: Sabini enim fircus, Romani hircus; illi vefere, Romani vehere protulerunt.

vorsus Frontin. de limit., p. 30, ed. Laehm: Primum agri modum fecerunt quattuor limitibus clausum, plerumque centenum pedum in utraque parte (quod Graeci plethron appellant, Osci et Umbri vorsum),

nostri centenum et vicensimum in utraque parte: cf. Hyginus de condic. agror. p. 121 (Gud.) u Varro r. r. 1;10.

Herna Serv. Verg. Aen. VII, 684: Sabinorum lingua sexa herna vocantur. Interp. Veronens. ad Verg. Aen. l. l. etiam Marsi lingua sua saxa hernas vocant.

hirpus s. *irpus* Paul. Diac.; p. 106: Irpini appellati nomine lupi, quem irpum dicunt Samnites. Serv. Verg. Aen. XI. 785: Nam lupi Sabinorum lingua hirpi vocantur. cf. Strabo V. p. 250.

Idus Varro l. l. VI. 28: Idus ab eo quod Tusci itus, vel potius quod Sabini idus dicunt.

Juppiter v. *Feronia*.

caria Placid. Gloss. 29. 19. (Deuerl.) carensis, pistoribus o caria, quam Oscorum lingua panem esse dicunt.

Cascus, *Casinus*, *Casnar* Varro l. l. VII. 28: Cascum significat vetus; eius origo Sabina, quae usque radices in Oscam linguam egit. Id. VII, 29: Item ostendit quod oppidum vocatur Casinum; hoc enim ab Sabinis orti Samnites tenuerunt, et nunc nostri etiam nunc Casinum forum vetus appellant. Item significant in Atellannis aliquot Pappum enim, quod Osci casnar appellant.

^s *catus* Varro l. l. VII, 46: cata acuta; hoc enim verbo dicunt Sabini.

Crepusculum Varro l. l. VI. 5: Secundum hoc dicitur crepusculum a crepero. Id vocabulum sumpserunt a Sabinis, unde veniunt crepusci nominati Amiterno, qui eo tempore erant nati, ut Lucii prima luce. In Reatino crepusculum significat dubium; ab eo res dictae dubiae creperae. cf. Id. VII. 77.

cumba Paul. Diac., p. 64: Cumbam Sabini vocant eam, quam milites lecticam, unde videtur derivatum esse cubiculum.

cupencus Serv. Aen. XII, 538: Sane sciendum cupencum Sabinorum lingua sacerdotem vocari.

Curis, *Quiris* Ovid. Fast. 2, 475: sive quod hasta curis priscis est dicta Sabinis. cf. Dionys. Hal. 2. p. 337, XXXXVIII, Macrob. sat. 1, 9; Paul. Diac. p. 49. 63. 264. Fest. Quat. XII. 23. l. 14. 27. Serv. Verg. Aen. 1, 296; Isidor. orig. IX, 2, 84: hi et Quirites dicti, quia Quirinus dictus est Romulus; quod semper hasta utebatur, quae Sabinorum lingua quiris dicitur.

cyprus Varro l. l. V. 159: Vicus Cyprius a cypro, quod ibi Sabini cives additi consederunt, qui a bono omine id appellarunt; nam cyprum Sabine bonum.

Quirinus v. Feronia.

Lares v. Feronia.

Larunda v. Feronia.

Lepestae Varro l. l. V. 123: dictae lepestae quae etiamnum in diebus sacris Sabinis vasa vinaria in mensa deorum sunt posita; apud antiquos scriptores Graecos inveni appellari poculi genus λεπαστῶν quare vel inde radices in agrum Sabinum et Romanum sunt profectae.

Lixuli Varro l. l. V. 107: circuli, quod mixta farina et caseo et aqua circuitum aequabiliter fundebant. Hoc quidem qui magis incondite faciebant, vocabant lixulas et semilixulas vocabulo Sabino, itaque frequentati a Sabinis.

Lucetius Serv. Aen. IX, 510: Sane lingua Osca Lucetius est Juppiter dictus a luce quam praestare dicitur hominibus.

Lucina v. Feronia.

Luna v. Feronia.

Muesius Paul. Diac., p. 136: Maesius lingua Osca mensis Maius.

Mumers Paul. Diac., p. 131; Mamers Mamertis facit, id est lingua Osca Mars Martis, unde et Mamertini in Sicilia dicti, qui Messanae habitant. cf. Fest. Quat. IX. 8, VIII, 12; Varro l. l. V. 73. Diodor. XXI, p. 493 Wess.

meddix, medix Paul. Diac., p. 123.: Meddix apud Oscos nomen magistratus est. Liv. XXVI, 6. Medix tuticus summus apud Campanos magistratus. cf. XXIII, 35, XXIV, 19.

Minerva v. Feronia.

multa Fest. Quat. VIII. 24.: multam Osce dici putant poenam quidam. cf. Paul. Diac. p. 143. Varro ap. Gell. IX. I: vocabulum autem ipsum multae idem M. Varro uno et vicesimo rerum humanarum non Latinum sed Sabinum esse dicit, idque ad suam memoriam mansisse ait in lingua Samnitium qui sunt a Sabinis orti. cf. osc. moltam, moltasikad, moltaum.

Nar Serv. Verg. Aen. VII, 517.: Sabinum lingua sua nar dicunt sulphur.

nero nerio Sueton. Tib. 1.: Inter cognomina autem et Neronis adsumpsit, quo significatur lingua Sabina fortis ac strenuus. Gell. XIII. 22.: Nerio a veteribus sic declinatur, quasi Anio; nam proinde ut Anienem, sic Nerienem dixerunt, tertia syllaba producta; id autem sive Nerio sive Nerienes est, Sabinum verbum est, eoque significatur virtus et fortitudo. cf. osc nerum.

Novensides v. Feronia.

Panos Athen. III, p. 111. c. Πανός ἄριστος Μεσσαπίου.

petora, petoritum Fest. Quat. X, 24. p. 206.: petoritum et Gallicum vehiculum esse et nomen eius dictum esse existimant a numero IIII rotarum; alii Osce quod hi quoque petora quattuor vocent. cf. osc. petiropert; petirupert.

picus Strabo V p. 240: ὄρμηται δὲ ἐκ τῆς Σαβίνης οἱ Πικεῖνοι δροκολάπτου τὴν ὁδὸν ἡγησαμένου τοῖς ἀρχηγέταις, ἀφ' οὗ καὶ τὸ ὄνομα Πίκου γάρ τὸν ὄρνιν τοῦτον ὀνομάζουσι, καὶ νομίζουσι Ἄρσος ὄρνιν. cf. Dionys 1;14.

pipatio Paul. Diac. p. 212. pipatio clamor plorantis lingua Oscorum.

pitpit Paul Diac., p. 212. pitpit Osce quicquid.

porcus Varro l. l. V 97. porcus quod Sabinis dictum a primo porcopor, inde porcus.

Salus v. Feronia.

Sancus Varro l. l. V, 66.: Aelius Dium Fidium dicebat Diouis filium, ut Graeci Διόσκορον Castorem, et putabat hunc esse Sancum ab Sabina lingua et Herculem a Graeca.

Saturnus v. Feronia.

Scensa v. vesperna.

sol v. Feronia η ansum.

sollo Fest. Quat. XIV. 4. 6.: sollo Osce dicitur id quod nos totum vocamus. cf. Paul. Diac., p. 299.

strena Elpidian. ap. Lyd. de mens. IV. 4. Ὁ δὲ Ἑλπιδιανὸς ἐν τῇ περὶ ἐορτῶν στρήναν τὴν ὑγίειν τῇ Σαβίνων φωνῇ λέγεσθαι φησιν. cf. Symmach. Ep. X. 35. Fest. Quat. XIV, 17, p. 813. Paul. Diac. p. 312. Non. Marcell. p. 16, 33.

Summanus v. Feronia.

supparus Varro l. l. V. 131.: indutui alterum quod subtus, a quo subucula; alterum quod supra, a quo supparus, nisi id, quod item dicunt Osce.

Tebae Varro r. r. III, 1, 16.: nam lingua prisca et in Graecia Aeoleis Boeotii sine afflatu vocant collis Tebas, et in Sabinis, quo e Graecia venerunt Pelasgi etiamnunc ita dicunt.

terenum Favorin. ap. Macrob. Sat. II, 14.: Itemque quidam Tarentinas oves vel nuces dicunt quae sunt terecinas a tereno, quod est Sabinorum lingua molle.

Terminus v. Feronia.

Tesqua Schol. Hor. Epist. 1. 14, 19.: Lingua Sabinorum loca difficilia et repleta sentibus sic (tesqua) nominantur.

Trabea Lyd. de mensib. 1. 19.

Trafere v. *fedus*.

trimodiae Schol. Horat. Serm. 1, 1, 53.: *cumerae* dicuntur vasa minora quae capiunt quinque sive sex modios quae lingua Sabinorum *trimodiae* dicuntur.

Ops v. *Feronia*.

Ungulus Fest. Quat. XVI, 26.: *Ungulus* Oscorum lingua *anulus*. cf. Paul. Diac. p. 374.

Famel Paul. Diac., p. 87.: *Famuli* origo ab *Oscis* dependet apud quos *servus famel* nominabatur.

fasena Varro ap. Vel. Long. de orthogr. p. 2230. siquidem, ut testis est Varro, a Sabinis *fasena* dicitur. cf. p. 2238.

februum Varro l. l. VI. 13.: *februum* Sabini purgamentum, et id in sacris nostris verbum.

fedus. Varro l. l. V. 97.: *ircus* quod Sabini *fircus*, quod illic *fedus*, in Latio rure *edus*. Pseud. Apul. p. 94 Os. M. Terentius scribit *hedum* lingua Sabinorum *fedum* vocatum, Romanosque corrupte *hedus* pro eo quod est *fedus* habuisse, sicut *hircus* pro *fircus*, et *trahere* pro *traferre*. cf. p. 125. Paul. D. p. 84. Vel. Long. p. 2230. 2238.

Feronia Varro l. l. V. 74.: *Feronia*, *Minerva*, *Novensides* a Sabinis. Paulo aliter ab eisdem dicimus *Herculem*, *Vestam*, *Salutem*, *Fortunam*, *Fortem*, *Fidem*. Et *arae* Sabinam linguam olent quae *Tati* regis voto sunt *Romae* dedicatae; nam ut *Annales* dicunt, *vovit Opi*, *Florae*, *Vedio*, *Jovi Saturnoque*, *Soli*, *Lunae*, *Volcano* et *Summano* itemque *Larundae*, *Termino*, *Quirino*, *Vortumno*, *Laribus*, *Dianae* *Lucinae*que. E quis nonnulla nomina in utraque lingua habent radices, ut *arbores* quae in confinio natae in utroque agro serpunt; potest enim *Saturnus* hic de alia causa esse dictus atque in Sabinis, et sic *Diana* et de quibus supra dictum est.

Fides v. *Feronia*.

fircus v. *fedus*.

Flora v. *Feronia*.

Fors v. *Feronia*.

Fortuna v. *Feronia*.

Сверхъ того, въ глоссаріѣ Моммзена помѣщенъ списокъ собственныхъ именъ лицъ, которыя онъ признаетъ оскими. Мы его не приводимъ, такъ какъ оское происхожденіе этихъ именъ нерѣдко болѣе, чѣмъ сомнительно. Возвратимся къ отчету о глоссаріѣ г. Цвѣтаева. Что онъ воспользовался трудами Моммзена и Фабретти—это естественно и понятно (изъ глоссарія послѣдняго взяты преимущественно

указанія, служащія въ объясненію собственныхъ именъ), но справедливость требуетъ заявить, что г. Цвѣтаевъ воспользовался имъ весьма разумно и съ надлежащею осторожностью. Кроме того, основательно ознакомившись съ отдѣльными новѣйшими изслѣдованіями въ области оскаго языка, онъ во многомъ пошелъ дальше своихъ предшественниковъ и избѣжалъ ихъ ошибокъ. Постараемся указать отличительныя стороны труда г. Цвѣтаева, въ сравненіи съ трудами его предшественниковъ, на рядѣ отдѣльныхъ примѣровъ.

Adiicis, оставленное Моммзенемъ и Фабретти безъ объясненія, толкуется какъ gen. sing. имени собственнаго = *Adii*. С. *Adio* читаемъ на одной помпейской надписи.

aaras Моммзенъ и Фабретти предположительно объясняли черезъ *aquas*, видя въ этомъ словѣ *Ass. plur. fem.* Г. Цвѣтаевъ оставилъ его безъ объясненія.

Въ сл. *acteis* въ Т. В. мы отнесли бы и *acteis*, находящееся тамъ же, въ стр. 34, ибо предшествующее ему *nistreis* позволяетъ отождествить это соединеніе съ стр. 27, гдѣ читаемъ *minstreis acteis*.

as Моммзенъ понималъ = *ante*, г. Цвѣтаевъ и Фабретти = *ad*.

ahudiumi Фиорелли, по свидѣтельству Фабретти, весьма невѣроятно объяснилъ черезъ *adiunctionem*, еще невѣроятно же Гукке — черезъ *comitalis, classicus*. Моммзенъ оставилъ это слово не объясненнымъ.

Aifineis оставлено Моммзенемъ безъ объясненія. Фабретти, кажется, видѣлъ имя собственное, ибо сопоставлялъ съ этрусскимъ: *arina* = *Arinia*.

actud Моммзенъ принималъ за существ. *abl. sing.* = *actu, von einer Ackerfläche*. Фабретти, вслѣдъ за Петеромъ, Кирхофомъ, Ланге — *imperativ.* = *agito*.

altinom Моммзенъ предположительно считаетъ за *subst.* или *adject. nom. neutr.* или *accus. masc.*

amtanud Моммзенъ = *ingressus*, Fabr. = *egressus*.

Amma Моммзенъ и Фабретти отождествляютъ съ *amnis*. Сопоставленіе съ корнемъ *al* сдѣлано впервые Knötel въ *Zeitsch. f. d. Alterth.* X. 129.

Anafriss, по мнѣнію Моммзена (U. D. 250), scheint ähnlich gebildet wie *par—iet* = *die an der Seite gehende* (= *Mauer*) und scheint die um den Acker herumgehenden Grenzen zu bezeichnen. По Фабретти = *Ambarvalibus*.

angctuzet (на памятникѣ читающееся: *anget, uzet*) Моммзенъ дѣлилъ на *anget indic. praes. 3 pers. sing.* = *agit* и *uzet conj. praes. 3 pers.*

sjng., которое сопоставлялъ съ *orage*. У Фабретти, вслѣдъ за Ланге, читается уже *angetuzet* въ знач. *egerint*, *coegerint*. ср. Bugge въ *Kuhn's Zeitschrift* XXII, p. 404.

aphinis Фабретти, вслѣдъ за Фиорелли, толкуеть какъ *procurator*? Моммзенъ оставилъ слово необъясненнымъ.

Можно бы еще продолжить сопоставленія подобнаго рода, но и приведенныхъ, кажется, достаточно для того, чтобы видѣть, въ какой степени глоссарій г. Цвѣтаева исправляетъ глоссаріи Моммзена и Фабретти; о томъ, что онъ ихъ и дополняетъ, послѣ сказаннаго выше, распространяться нѣтъ нужды. Въ заключеніе отчета о немъ сообщимъ немногіе, замѣченные нами, недосмотры.

servk вм. 86 читай: 90.

verna вм. 136 читай: 141.

ka..., вм. 56 читай 57.

Mat. допол. указаніе на п. 73.

Platorius допол. указаніе на п. 159, b.

puk, *puklu* и т. д. оставлено безъ толкованія. Бюхелеръ объясняетъ это слово черезъ: *Kinder*, *Mädchen*.

Въ заключеніе, намъ остается сказать нѣсколько словъ о той части русскаго изданія г. Цвѣтаева, которая не нашла себѣ мѣста въ латинскомъ: эта часть носитъ заглавіе: очеркъ фонетики и морфологіи оскаго языка. Во введеніи къ этому очерку авторъ говоритъ:

„Въ предлагаемомъ опытѣ мы имѣемъ въ виду:

1) указать существенныя свойства звуковъ оскаго языка, на сколько это возможно изъ тѣхъ данныхъ, которыя представляются надписями, дошедшими до насъ отъ самнитскаго племени, и при тѣхъ параллеляхъ, которыя очеркаются изъ наиболѣе близкихъ и родственныхъ языковъ, каковъ по отношенію къ оскому латинскій,

и 2) рассмотреть основные элементы, которые создавали самнитское слово, которые придавали ему опредѣленную форму и дѣлали его индивидуумомъ въ ряду словъ другаго характера и назначенія“.

Сообразно съ этими задачами, въ первомъ отдѣлѣ, посвященномъ фонетикѣ, авторъ рассматриваетъ: гласные звуки: *a*, *o*, *u*, *i*, дифтонги: *ai*, *oi*, *ei*, *au*, *ou*, *eu*. Переходя затѣмъ отъ частнаго обозрѣнія гласныхъ къ ихъ общимъ свойствамъ, авторъ рассматриваетъ ассимиляцію гласныхъ, полногласіе, исчезновеніе гласныхъ, подъемъ и удлинненіе ихъ, замѣнительное растяженіе, сокращеніе гласныхъ, вліяніе согласныхъ звуковъ на сосѣдніе гласные, и званіе. Согласные звуки рассматриваются авторомъ въ слѣдующемъ порядкѣ: гортанные

звуки: *k, g, h*, зубные: *t, d*, губные: *p, b, f*, плавные: *l, r*, носовые *n, m*, свистящїе: *s, z*. Къ нимъ присоединяется разсмотрѣніе согласныхъ: *j* и *v*. Изъ общихъ свойствъ согласныхъ звуковъ авторъ останавливается на соединеніи согласныхъ въ началѣ, срединѣ и концѣ словъ, на ассимиляціи согласныхъ, на ослабленіи согласныхъ звуковъ, ихъ отвердѣніи и исчезновеніи въ началѣ и срединѣ словъ. Сравнивая по рубрикамъ эту часть труда г. Цвѣтаева съ брошюрою Бруннахера: *Versuch einer Lautlehre des oskischen Sprache. Zürich 1869*, можно прїидти къ заключенію о томъ, что новаго въ этой области разсматриваемый трудъ не принесъ ничего; такой выводъ былъ сдѣланъ, между прочимъ, нѣмецкимъ рецензентомъ сочиненія г. Цвѣтаева, высказавшимся въ этомъ смыслѣ въ Бурсіановыхъ *Jahresberichte*. Но, взглядываясь ближе, мы не можемъ не признать въ фонетикѣ нашего автора присутствія значительныхъ достоинствъ, не имѣющихся у Бруннахера. На первомъ мѣстѣ должна быть поставлена полнота матеріала: тамъ, гдѣ швейцарскій филологъ—по произволу ли или по необходимости—ограничивается небольшимъ числомъ примѣровъ—г. Цвѣтаевъ приводитъ ихъ вполне; эта полнота матеріала позволяетъ ему мѣстами отмѣчать такіе факты въ оской фонетикѣ, о которыхъ его предшественникъ не упоминалъ вовсе. Простираясь одинаковымъ образомъ какъ на оскій, такъ и на латинскій матеріалъ—сравненіе оскихъ и латинскихъ звуковъ и формъ идетъ последовательно черезъ всю книгу г. Цвѣтаева,—эта полнота способствуетъ тому, что мѣстами факты перваго получаютъ иное, болѣе правильное освѣщеніе. Кромѣ полноты, другимъ отличительнымъ достоинствомъ труда г. Цвѣтаева является осторожность, съ которою авторъ относится къ приводимому имъ матеріалу и къ дѣлаемымъ изъ него выводамъ. Осторожность въ такой области, какъ италійская діалектологія, въ которой надѣлано столько смѣлыхъ и скороспѣлыхъ выводовъ, пужіе, чемъ гдѣ-либо; поэтому нельзя не сочувствовать прїемамъ г. Цвѣтаева, который во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ или чтеніе представляется ему недостаточно твердымъ, или самый памятникъ позднѣйшимъ и потому ненадежнымъ свидѣлемъ, или пониманіе его недостаточно полнымъ, или наконецъ, когда является возможность различныхъ объясненій того или другаго факта—неопустительно отмѣчаетъ свои сомнѣнія и недоумѣнія. Правда, иногда онъ простираетъ эти неодомѣнія слишкомъ далеко, иногда сомнѣвается тамъ, гдѣ нѣтъ въ этомъ необходимости, но за это мы его винить не будемъ, имѣя въ виду увлеченія его предшественниковъ.

Содержаніе того отдѣла „Очерка“, въ которомъ разсматривается оская морфологія, слѣдующее: начавъ ея изложеніе съ разсмотрѣнія суффиксовъ основообразовательныхъ, въ которое вошли суффиксы именныхъ основъ, основы мѣстоименій и образованіе глагольныхъ основъ, авторъ приступаетъ къ обзорѣнню склоненій, при чемъ, раздѣливъ ихъ на категоріи, разсматриваетъ отдѣльные падежи какъ единственнаго, такъ и множественнаго числа. Въ заключеніе, авторъ разсматриваетъ склоненія мѣстоименій и степени сравненія прилагательныхъ. Вслѣдъ за склоненіемъ идетъ разборъ немногочисленныхъ данныхъ оского спряженія. Нарѣчія, союзы и предлоги оканчиваютъ отдѣлъ морфологіи. И про него можно высказать тѣ же общія замѣчанія, которыя мы заявили по поводу фонетики, съ тою только разницею, что вторымъ сравниваемымъ будетъ не книга Врупахера, а книга Ендериса: *Versuch einer Formenlehre der oskischen Sprache. Zürich 1871.* Кромѣ этихъ замѣчаній, можно было бы привести очень много отдѣльныхъ отмѣтокъ по поводу частностей труда г. Цвѣтаева, отмѣтокъ, которыя касались бы преимущественно латинскаго элемента, введеннаго нашимъ авторомъ въ его работу, но мы не будемъ приводить ихъ отчасти потому, что онѣ могутъ показаться черезъ чуръ мелочными, отчасти потому, что не затрагиваютъ существенно важной части труда—именно оскихъ штудій г. Цвѣтаева.

III.

Въ заключеніе, постараемся ознакомить читателей, въ общихъ чертахъ, съ главнѣйшими памятниками оской эпиграфики. Для сего выбираемъ четыре самыхъ важныхъ по содержанію и обширныхъ по объему: *tabula Agnonensis*, *cippus Abellanus*, *tabula Bantina* и изданный проф. Бюхлеромъ наговоръ.

Памятникъ, извѣстный подъ названіемъ *tavola d'Agnone* (п. 9), найденъ въ исходѣ 1840 хъ годовъ и представляетъ бронзовую дощечку, вышиною въ 0,28 метра, шириною 0,165, исписанную съ обѣихъ сторонъ. На верхней части дощечки находится прикрѣпленная къ ней двумя петлями скобка, къ которой привѣшена массивная, состоящая изъ трехъ колецъ желѣзная цѣпочка, вверху оканчивающаяся крюкомъ. Сохранился этотъ памятникъ такъ, какъ рѣдко сохраняются памятники древности: нигдѣ, за исключеніемъ небольшого мѣста въ 26-й строкѣ и цѣпочки, онъ не тронутъ ржавчиной, а представляетъ бронзу въ томъ видѣ, въ какомъ она находилась въ

древности. Обстановка, среди которой найденъ памятникъ, не имела интереса и можетъ способствовать усневію его назначенія. Она подробно описана F. S. Cremonese въ *Bullett. d. Istituto* 1848 г. 143 sq; и Монизеномъ въ *U. D. p.* 129 sq. Въ мартѣ 1848 г. въ мѣстности, находящейся въ провинціи Молизѣ, которая соответствуетъ сѣверной части Самніума, на границѣ между городками Agnone и Caracotto, въ мѣстечкѣ *fonte del romito* стали рыть яму для того, чтобы сбросать въ нее находившуюся недалеко къ массу каменнаго мусора. Когда яма была вырыта до глубины 9 палмъ, рабочіе увидѣли на двѣ ея круглое углубленіе, въ которомъ былъ вправленъ кирпичъ отъ цѣпочки, придерживавшей бронзовую доску; эта послѣдняя находилась какъ разъ между двумя каменными плитами: обстоятельство, вполне объясняющее ея необыкновенную сохранность. Копая далѣе, натолкнулись на остатокъ стѣны, кладенной изъ камней, соединенныхъ цементомъ; ширина ея была около 6 палмъ. Изъ другихъ предметовъ древности, кромѣ названной дощечки, были найдены 3 серебряныхъ и 15 мѣдныхъ монетъ. Одна изъ серебряныхъ представляла денаръ *gens Antistia* съ изображеніемъ на аверсѣ собаки; другая имѣла надпись: *fistluis*, слѣдов. принадлежала городу Путоли (п. Пуццолі); какаѣ была третья монета, неизвѣстно. Изъ мѣдныхъ монетъ одна принадлежала городу Суессѣ въ землѣ Аврунговъ, другая представляла *semis* по системѣ унціальнаго асса, остальные относились къ императорскому періоду, во времени Августа, Тиберія, Клавдія, Нерона. Сверхъ монетъ, были найдены два небольшіе сосуда, кубокъ или блюдо изъ жженой глины, двѣ глинныя *fistulae*, и 50 желѣзныхъ гвоздей различной величины, изъ коихъ нѣкоторые были загнуты въ срединѣ подъ прямымъ угломъ. Найденъ также небольшой металлическій колокольчикъ, ближайшее описаніе котораго неизвѣстно. Интересующая насъ надпись довольно долгое время находилась въ частныхъ рукахъ, и впоследствии была приобретена Британскимъ музеемъ, гдѣ находится и теперь *Edw. Edwards' Lives of the founders of the British museum. Lond. 1870*). На разстояніи полмили отъ мѣста ея находки видны развалины древняго города, состояющія изъ циплопическихъ стѣнъ, кладка которыхъ существенно различается отъ кладки другихъ, подобныхъ же памятниковъ, находящихся въ этихъ мѣстностяхъ. Окружность, обнесенная этими стѣнами, оканчивается къ востоку полукруглою постройкой, которая могла быть банней. Во всемъ обнесенномъ стѣнами пространствѣ не находится почти ни одного кирпича, но цѣлая масса черепковъ отъ красныхъ

и черныхъ сосудовъ и безчисленные куски обмурованной вижиги, находимой обыкновенно въ гончарныхъ печахъ. Можно предположить, что здѣсь въ древности была горшечная фабрика. Изъ того обстоятельства, что всѣ развалины представляютъ постройки простые и грубыя, безъ всякихъ украшеній, и что нѣкоторыя домовыя стѣны сложены изъ камней, не скрѣпленныхъ цементомъ, заключаютъ, что здѣсь находилось одно изъ древнѣйшихъ поселеній Самнитовъ.

На сколько въ настоящее время подвинулось пониманіе интересующаго насъ памятника въ его отдѣльныхъ частяхъ, видно изъ изданія г. Цвѣтаева. Общій его смыслъ и значеніе были болѣе или мене вѣрно угаданы уже первымъ издателемъ—Генценомъ. Онъ видѣлъ (Annali 1848, p. 413) здѣсь предписанія, въ родѣ *lex sacra*, относившіяся къ неизвѣстному ближайшимъ образомъ храму, основанному Самнитами въ честь ихъ національныхъ божествъ; Бюхелеръ видитъ въ нашемъ памятникѣ скорѣе храмовый инвентарь, въ которомъ сперва перечисляются статуи, стоящія въ храмѣ Цереры и посвященныя различнымъ божествамъ, а затѣмъ приводятся поставленные въ честь тѣхъ же божествъ жертвенники. Такихъ инвентарей сохранилось намъ въ римской эпитафическѣ не мало; они перечислены и пояснены въ нашей монографіи: Храмовый инвентарь, найденный въ Неми, помѣщенной въ трудахъ III-го археологическаго съѣзда въ Кіевѣ. Храмъ, къ которому относится наша надпись, былъ посвященъ Церерѣ, божеству, попадающемуся и на другихъ осскихъ памятникахъ. Кромѣ Цереры, здѣсь почитались и другія божества, носившія эпитеты *sestii*, *segeales*, и которыя можно разсматривать, какъ божества второстепенныя, почитавшіяся не отдѣльно, но въ связи съ почитаніемъ другаго, главнаго божества (cf. *θεοὶ οἱ παρὰ Δάματρι ἄπαντες* Rhein. Mus. XVIII. 560 iqq., *Θεοὶ οἱ παρὰ Δάματρι καὶ Κοόρα πάντες καὶ πᾶσαι* ibid. *δωδεκάθεοι Νεμέσει καὶ συνασσοῖσι θεοῖσιν* Henzen Or. 5802. Срви. также эпитеты *Serfe*, *Serfia* (= *Serre*, *Sergia*), придаваемый на игувинскихъ таблицахъ нѣкоторымъ божествамъ. Büchelers *pop. Iguvini lustratio* p. 24). Эпитеты *sestius* прилагается въ надписи слѣдующимъ божествамъ: *futrei* (*Genitrici*), *ammai* (*Matri*), *diumpais* (*Lumpis*, *Lymphis*) *anafris* (? по Momms, *diis ambarvalibus*, по другимъ, *inferis* или *Imbribus*), *maatols* (*Matutis*), *herekloi* (*Herculi*), *pernai* (*Praestiti*), *fluusai* (*Florai*). Изъ нихъ нѣкоторыя совершенно неизвѣстны, и объ ихъ свойствахъ можно заключать только по ихъ этимологій, другія попадаются и въ другихъ памятникахъ: съ формой *futrei* можно сопоставить отрывочную форму: *futre* въ надписи изъ

окрестностей Вевевента (Цв. 27): sakaraklum maatrels... gas futre.. e. Это божество, названіе котораго производятъ отъ fu (cf. fōs, fui), сопоставляется съ извѣстною Venus Fisica Pompeiana (Momms. I. N. 2253=Or. 1370); срвн. Momms. U. D. p. 133.. Maatrels можетъ быть удобно сопоставлено съ извѣстною Mater Matuta, которую Моммзенъ, на основаніи Lucret. V. 654: roseam Matuta per oras aetheris auroram defert et lumina pandit, приводитъ въ связь съ mat—tinus, mane и считаетъ богиней утра, свѣта. О культѣ, воздаваемомъ Геркулесу (hercklei), кромѣ нашей надписи, свидѣтельствуеетъ и cirrus Abellanus, въ которомъ упоминается sakaraklum herckleis (стрк. 11 cf. 30, 32). Распространенность и исконность культа этого божества у италійскихъ народовъ на столько общезвѣстна, что не нуждается въ доказательствахъ; точно также общепринята въ настоящее время и этимологія слова Hercules отъ hercege, herciscere (cf. familia herciscunda), по которой это божество сопоставляется съ Ζεύς Ἡρακλῆος. Почему столь распространенное божество является въ нашемъ памятникѣ подчиненнымъ Церерѣ, сказать трудно. Названіе божества Pergal уясняется сопоставленіемъ съ умбрскими словами: perne=ante, pernaies=anticis (чему противопоставляется rusnaes=posticis), pernaiaf=anticas (чему противопоставляется rusnaiaf=posticas). По своему значенію, это божество приравнивается римской Prosa s. Poggima (Preller Röm. Myth. p. 577), имѣвшей отношеніе къ положенію рождающагося на свѣтъ младенца. Древность культа этого божества доказывается присутствіемъ его названія въ индигтаментахъ. Вухелеръ (pop. Iguvini lustratio p. 24) отождествилъ съ римскою Praestita умбрскую Prestota, которой тоже дается эпитетъ Serfia=Cerria, и которой сущность онъ объясняетъ сопоставленіемъ съ Lares praestites (Preller Röm. Myth. 396) и Praestana Quirini (Preller I. I. p. 581). Наконецъ, послѣднимъ божествомъ, посвящимъ эпитетъ cerrius, является fluusai. Его названіе встрѣчается, въ той же самой формѣ Dativ. sing., на небольшомъ жертвенникѣ, найденномъ въ Помпеяхъ. Распространенность культа этого божества между Сабинами доказываютъ надпись изъ окрестной Амитернума, въ которой читаемъ: mesene fluasare (Momms. U. D. p. 339, 4. Fabretti 2737) и знаменитый lex aedis Iovis Furfone, гдѣ также имѣемъ mense Fluasare (Mom. J. R. N. 6011 стрк. 2). Въ связи съ Флорой стоятъ женскія божества, которымъ дается названіе f(l)uusalas, и которымъ также az hortom sakarater=ad templum sacratur. Впрочемъ, Генценъ (Annali 1848, p. 411) принимаетъ fluusalas за обозначеніе времени: floralibus sc. feriis.

Разсматривая сонмъ божествъ, окружающихъ Цереру ($\theta\epsilon\sigma\iota$ $\sigma\iota$ $\pi\alpha\rho\grave{\alpha}$ $\Delta\acute{\alpha}\rho\mu\alpha\tau\rho\iota$), мы не можемъ не замѣтить, что большинство изъ нихъ имѣетъ отношеніе, болѣе или менѣе непосредственное, къ рожденію, что близко подходитъ къ идеѣ, соединяемой съ Церерой, какъ божествомъ рождающимъ, производящимъ (create, Cergus). Изъ другихъ божествъ, которымъ воздвигаются статуи и жертвенники, наша надпись упоминаетъ: $vezke\grave{i}$ (Vetusco), $evklo\grave{i}$ (Incluto), $anter. stata\grave{i}$ (Interstitiae), $\acute{\iota}\gamma\alpha\pi\alpha\kappa\delta\acute{\iota}\kappa\epsilon\iota$, $entra\grave{i}$ ($\theta\epsilon\sigma\mu\phi\acute{o}\tau\epsilon\tau\iota$ interae), $diove\grave{i}$, $verehasio\grave{i}$ (Iovi iuventuti), $dieve\grave{i}$, $regature\grave{i}$ (Iovi rectori) $patana\grave{i}$, $pi\acute{\iota}\sigma\tau\acute{\iota}\alpha\grave{i}$ (Patanae fidae), $de\grave{i}va\grave{i}$, $geneta\grave{i}$ (divae Genatae), $evklo\grave{i}$, $patere\grave{i}$ (Incluto patri); къ нимъ прибавляется, тоже какъ бы въ видѣ божества, $aa\sigma\alpha\grave{i}$, $purasio\grave{i}$ (агае igniariae). Значеніе перваго изъ этихъ божествъ не ясно. Генценъ (Annali 1848, p. 396) сопоставляетъ съ этимъ словомъ названіе кампанскаго города Vescia и Vescinus saltus у Ливія (VIII, 11; IX, 25); Моммзенъ (ibid. p. 419) приводитъ въ связь съ *vet-us*; можно еще припомнить легендарнаго Vetusius Manusius, призывавшагося въ Салійскихъ гимнахъ (Ovid. Fast. III, 389). Божество, которому придано имя $evklo\grave{i}$, тоже ближайшимъ образомъ неизвѣстно; изъ того обстоятельства, что въ стр. 25 А. ему придается эпитетъ *patere\grave{i}*, *patri*, Моммзенъ (U. D. p. 133) отождествляетъ его съ *Liber pater*, мѣстное названіе котораго въ Кампаніи было Ἡβων , и который по типу приближается къ такъ-называемому бородатому Вакху (изображенія его на монетахъ Гелы, Неаполиса и др. у Carelli, Miltingen, Miopnet и др.). Другіе видятъ въ немъ Сильвана, третьи Ификала (?) и т. п. Уже это разнообразіе толкованій указываетъ на то, что настоящее значеніе этого божества неизвѣстно. Слѣдующее за нимъ божество: $anter. stata\grave{i}$ = *Interstitiae* имѣетъ во второй половинѣ своего названія слово, сходное съ *Stata mater* у Римлянъ; это послѣднее божество, нерѣдко соединяемое съ Вулканомъ, имѣло отношеніе къ прекращенію пожаровъ (Momms. U. D. p. 134). Оскую *Interstita* Моммзенъ (l. l.) толкуетъ, какъ *Göttin, welche zwischen die verschiedenen Besetzungen tritt und die interstitia agrorum, die Grenzen unverrückt erhält*. По образованію сходна *Prestota*, неоднократно упоминающаяся на игувинскихъ таблицахъ. Разнообразнымъ толкованіямъ подвергались и слова надписи: $\acute{\iota}\gamma\alpha\pi\alpha\kappa\delta\acute{\iota}\kappa\epsilon\iota$ $entra\grave{i}$; уже Моммзенъ вѣрно понялъ, что въ этомъ названіи кроется идея *des sicheren Besitzes*; Вухелеръ (Oskische Bleitaf. p. 10), разложивъ это слово на $\acute{\iota}\gamma\alpha\pi\alpha\kappa$ и $\delta\acute{\iota}\kappa\epsilon\iota$, сопоставилъ съ греч. $\theta\epsilon\sigma\mu\phi\acute{o}\rho\acute{o}\varsigma$, $\theta\epsilon\sigma\mu\phi\acute{o}\tau\epsilon\tau\iota$, причемъ, по поводу эпитета $entra\grave{i}$, замѣчаетъ: *die der Ordnung und den*

gesetzlichen Einrichtungen vorstehende, in Legislation und Jurisdiction wahrnehmbare göttliche Macht. Затѣмъ надписи приводятъ Юпитера въ словахъ: *diouel. verehasiof* и *diouel. regaturef* (В. стрк. 15: *diouel. pifbiof. regaturef*). Что касается до перваго эпитета, то уже Моммзенъ сопоставилъ его съ *vereiia*, понимая послѣднее слово въ смыслѣ *civitas*, и потому въ Юпитерѣ, покровителѣ *vereiia*, видѣлъ бога общины (*Juppiter publicus*); Вюхелеръ, принимая *vereiia* въ значеніи *iuventus*, сопоставляетъ оское божество съ латинскимъ *Juppiter Juuentus* у Henz. Op. 5634, 5635. Что касается до втораго эпитета: *regaturef*, то его Моммзенъ объясняетъ (U. D. p. 135): *der gebietende Herrscher, der Lenker des Tagesarbeit und der häuslichen Geschicke*. Страннымъ представляется эпитетъ *pifbiof* = *pius*, придалый Юпитеру въ одномъ мѣстѣ нашей надписи; вѣроятно, *pius* здѣсь не значитъ *εὐσεβής*, а *sacer* (Corssen Beiträge zur Italischen Sprachkunde Leipz. 1876 p. 138), какъ въ латинскомъ: *far pius* (Horat. III, 23, 20: *farre pio et saliente mica*; cf. Vergil. Aen. V. 745). Кромѣ нашей надписи, о Юпитерѣ упоминаетъ еще одна надпись, найденная въ Vibo, въ землѣ Бруттиевъ (Цвѣт. 146): *διοφα. Φερσορα. Vερσορ* въ противоположность *Stator*, есть греческое *Τροχαιος*, точно такъ, какъ *iouels ioufreis* на надписи изъ области Френтановъ (Цвѣт. 3) есть *Ζεὺς ἰελοφείριος*. Почитаніе этого послѣдняго было, какъ замѣчаетъ Моммзенъ (U. D. p. 143), развито въ Италиі, о чемъ свидѣлствуютъ надписи, найденныя въ Капуѣ, землѣ Сабиновъ и въ Римѣ. Достаточно припомнить уже приведенный выше *lex aedis Jovis Liberi Furfene*; другія эпитафическія свидѣтельства приведены Моммзеномъ (l. l. in nota). Засимъ двѣ капуанскія надписи (Цвѣт. 3, 4) знакомятъ насъ съ *iouel. flagivef* = *Jovi Flagio* v. *Eulguratori*, о которомъ упоминаетъ, между прочимъ, и одна римская надпись (C. J. L. VI, I, 377: *agam Jovis Fulguratoris*), правда, довольно поздняго времени; указанія на другіе памятники и мѣста древнихъ см. у Preller Röm. Myth. 169, 170. Наконецъ на одной помпеянскоі надписи (Цвѣт. п. 63) читася: *ant. kaila iouels, meelkiielis* = *ante templum Jovis Milichii*. Этого *Juppiter Milichius* сопоставляютъ съ *Ζεὺς Μελίχιος*, культъ котораго въ особенности былъ распространенъ въ Аттікѣ (см. Preller Griech. Myth. I, 101, 112 и др.). Если къ этимъ даннымъ прибавимъ извѣстія о почитаніи *Juppiter Vicilinus* въ *ager Compsanus* въ землѣ Гирриповъ (Liv. XXIV. 44) и *Juppiter Lucetius* (цитаты у Моммз, U. D. p. 143), то убѣдимся, что культъ Юпитера у Самнитовъ и былъ распространенъ, и достигъ извѣстной степени развитія,

выразившейся въ многочисленныхъ и разнообразныхъ эпитетахъ, придававшихся этому божеству. Объ Юнонѣ наша надпись не упоминаетъ, но за то въ одной фрагментированной капуанской надписи (Цвѣт. 36) мы имѣемъ упоминаніе о *diuvia = dea Jovia*, которую, не безъ вѣроятности, можно отождествить съ Юноной. Моммзенъ (U. D. p. 143) приводитъ открытія имъ въ Теанѣ Сидикиновъ (Teanum Sidicinum) въ Кампаніи надписи (J. R. N. 3983 sq.), въ которыхъ упоминается *Juno Populona*, и весьма остроумнымъ соображеніемъ видитъ въ ней *genius populi Romani*. Возвращаясь къ перечисленію божествъ на нашемъ памятникѣ, мы должны упомянуть о *patanaí piístiaí = Patanae fidae*. Название этого божества встрѣчается и въ латинскихъ богиняхъ: *Patelena, Patella, Patellana* (Arnob. IV, 7, Augustin C. D. IV. 8, 21), имѣющихъ отношеніе къ удеѣ, выражаемой глаголами *patere, patere*, откуда происходитъ также и *Panda* (Varro ap. Non. p. 44) и *Пандива* (Momms. U. D. p. 136). Сродно съ ними и названіе умбрскаго божества *Padellar* (Bréal Tab. Eug. p. 50). Значеніе оской богини, и приданнаго ей эпитета *piístiaí* опредѣляетъ Моммзенъ (U. D. p. 137), говоря: *So ist denn Patana piístia die Göttin, welche den Schooss der Ende öffnet und die Saaten ihm entlockt, und mit Recht heisst sie, die jedes Jahr unwandelbar wiederkehrt und nie den Landmann täuscht, vor allen andern fida*. Упоминаемое далѣе божество: *deivaí genetaí = divae Genetae* находятъ себѣ соотвѣтствіе по названію съ латинскою *Mana Geneta s. Genita*, богиней рожденія и смерти, сопоставляемую Преллеромъ (Röm. Myth. p. 460) съ *Venus Libitina*. Моммзенъ (U. D. p. 137) весьма остроумно замѣчаетъ: *bei den Römern hat sich besonders die zweite Seite dieses Begriffs entwickelt, die Mania, die Mutter und Ahne der Manen, während die samnitische Bronze uns allein die Geneta vorführt*. Наконецъ, въ ряду божествъ отводится мѣсто и *asaí purasiaí = acae igniariae*, при чемъ разумѣютъ генія этого алтаря, охраняющаго мѣсто жертвоприношенія (ср. Momms. U. D. p. 137). Таковъ цѣль божествъ, упоминаемыхъ на *tabula Agnonensis*. Кромѣ того, на другихъ оскихъ памятникахъ встрѣчаются еще слѣдующія названія божествъ: $\text{A}\kappa\kappa\epsilon\lambda\lambda\omicron\upsilon\upsilon\eta\iota$ на одной мессанской надписи (Цвѣт. 160), изъ которой узнаемъ о по священіи (храма?) Аюлону со стороны $\tau\omicron\text{F}\tau\omicron$ *maertivo* — *civitas Mamertina*. Комментаріемъ къ этому памятнику могутъ служить слѣдующія слова Феста, взятая имъ изъ *Alfia*: *libro primo belli Carthaginiensis* (Fest. Quat. IX, 8. p. 158): *Mamertini appellati sunt hac de causa, cum in toto Samnio gravis incidisset pestilentia, Sthenius*

Mettius eius gentis princeps, convocata civium suorum contione, exposuit se vidisse in quiete praecipientem Apollinem, ut si vellent eo malo liberari, ver sacrum voverent, id est, quaecunque vere proximo nata essent, immolaturos sibi, quo facto levatis post annum vicensimum deinde eiusdem generis incessit pestilentia. rursus itaque consultus Apollo respondit non esse persolutum ab his votum, quod homines immolati non essent; quos si expulissent certe fore, ut ea clade liberarentur. itaque i iussi patria decedere, cum in parte Siciliae ea consedissent quae nunc Tauricana dicitur, forte laborantibus bello novo Messanensibus auxilio venerunt ultro eosque ab eo liberarunt provinciales; quod ob meritum eorum, ut gratiam referrent, et in suum corpus communionemque agrorum invitarunt eos et nomen acceperunt unum, ut dicerentur Mamertini, quod coniectis in sortem duodecim deorum nominibus Mamers forte exierat, qui lingua Oscorum Mars significatur. Это послѣднее извѣстіе указываетъ на существованіе у Самнитовъ культа Марса, подъ именемъ Мамерта; чествованіе этого божества было издревле распространено между племенами Италійскими, доказательства чему, за ихъ общезвѣстностью, не представляются необходимыми. Вслѣдъ за симъ мы встрѣчаемъ въ оскихъ памятникахъ упоминаніе богини herentateis, которой, подъ названіемъ herentatei herukinaei, былъ посвященъ въ Геркуланумѣ мраморный столъ для жертвоприношеній (Цвѣт. п. 60). Придаваемый этому божеству эпитетъ herukinaei = Erycinae указываетъ на его тождество съ Venus, при чемъ названіе herentateis сопоставляется съ словами: herest = volet, heriad = velit, herrins = vellent и т. п. и переводится черезъ Volupia, Voluptas, названіе, придаваемое Венерѣ и римскими поэтами (Aeneadum genitrix, hominum divomque voluptas, Alma Venus. Lucr. 1, 1). Почитаніе Венеры Ерицинской было распространено между Италиками вообще, доказательствомъ чему служатъ памятники какъ римскіе, такъ и кампанскіе и даже луканскіе (Momms. U. D. p. 142).

Возвращаясь къ нашей надписи, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что какъ statos = statuae, такъ и aasas = aae вышесчисленныхъ божествъ находятся (set = sunt, eestint = exstant) hortin = in templo. Подобно тому, какъ латинское templum соответствуетъ греческому τέμενος, такъ и оское hortz находить себѣ соответствіе въ хортос; подобно cors, cortis, cohors, hortz обозначало, вѣроятно, огражденное пространство, обнесенное стѣною; и потому нѣтъ необходимости думать, чтобы всѣ упомянутыя въ надписи статуи и жертвенники находились непременно въ храмѣ; они могли — какъ это обыкновенно

и бывало — стоять вѣдъ его, въ прилегавшей къ храму оградѣ. Этотъ храмъ, *horz*, по словамъ надписи, *demanniois, stait—decumanis stait*. Это довольно темная фраза обозначаетъ, вѣроятно, расположеніе храма, по отношенію къ его *cella*, въ направленіи съ В. на З. (*decumanus*). Ср. Henzen въ *Annali* 1848, p. 410; иначе толкуетъ и понимаетъ Nissen: *Das Templum Brln.* 1869, p. 95. Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить слова: *saahom. teforum. altref. poterespid. akenef. sahalster = sanctum sacrificium in altero utroque agone sancitur*, повторяющіяся въ надписи дважды. Значеніе слова *akenef* не установлено еще окончательно: Генценъ (*Annali* 1848, p. 407) сопоставлялъ съ умбрскимъ *аспи* ⇒ *аппо* (такъ понимаетъ это слово Ауфрехтъ, по Бреаль p. 256 отождествляетъ его съ латинскимъ *fundus*). Моммзепъ, привлекая сюда одну помпеянскую надпись (Цвѣт. 92), въ которой читается: *ahvdiumi. akup. xii*, отождествлялъ *akenef* съ латинскою *аспиа* ⇒ *югера*, и видѣлъ въ оскомъ словѣ обозначеніе *fundus, praedium*; наконецъ, Гупке (*Osk. und Sabell. Sprachdenum. Gloss. s. v.*) считалъ это слово роднымъ съ оскимъ *асум* ⇒ *агере*, и латинскимъ *agonia* ⇒ *hostia*, почему и толковалъ его, какъ *sacrificium animale victimarium*. Его взглядъ въ сущности раздѣляется и Вухелеромъ, который (*Neue Jahrb. f. Philol.* 1875, p. 129) отождествляетъ оское *akenef* съ латинскимъ *feriae*.

Время, къ которому относится рассматриваемый памятникъ, въ точности опредѣлено быть не можетъ; изъ того обстоятельства, что вмѣстѣ съ бронзовою дощечкой были найдены монеты императорской эпохи, еще нельзя заключать о принадлежности къ ней и оскаго-памятника, такъ какъ оское національное письмо къ тому времени уже вышло изъ употребленія; Генценъ (*Annali* 1848 p. 413), отодвигая памятникъ въ болѣе раннее время, все же не считаетъ его однимъ изъ самыхъ древнихъ, а Корссенъ (*Kuhn's Zeitschrift* XX, p. 101) относитъ его ко времени Самнитскихъ войнъ.

Другимъ значительнымъ по объему памятникомъ оской эпитафии является такъ-называемый *сиррус Абелланус*, названный такъ по мѣстности, въ которой былъ найденъ: Это каменная плита, изъ *pietra di Sarno*, изъ породы известняковъ, имѣющая въ вышину 1,83 метра, въ ширину 0,51. Найдена она была въ 1685 г. въ развалинахъ кампанскаго города *Avella vecchia* (*casted d'Avella*) и вскорѣ перенесена въ нынѣшній городъ *Avella*, гдѣ, подобно нашему Тмутараканскому камню, долгое время оставалась въ порогѣ одного частнаго дома. Лишь въ 1750 г., благодаря посвященному вниманію профессора богословія

въ Нольской семинаріи Dom Gian Stefano Remondini, эта плита была перенесена въ музей при семинаріи, гдѣ находится и доселѣ. Долго-временное ея пребываніе безъ всякаго призора сказалося тѣмъ, что одна сторона, по которой ходили, какъ по порогу, потерлась и поломалась, къ счастью, не въ значительной степени. Изученіе и объясненіе этого памятника началось еще въ прошломъ вѣкѣ. Самъ Ремондини и его пріятель, извѣстный археологъ Giambattista Passeri (†1780), толковали этотъ памятникъ — съ какимъ успѣхомъ, видно изъ соощенныхъ въ началѣ статьи свѣдѣній. Дальнѣйшія изданія этой надписи приведены въ надлежащей полнотѣ г. Цвѣтаевымъ. До Лепсіуса, обѣ стороны этого памятника читали въ обратномъ порядкѣ, такъ что начало надписи видѣли во второй половинѣ, а окончаніе въ первой; порядокъ, установленный Лепсіусомъ, обоснованъ Моммзеномъ (U. D. p. 123) и признается теперь всѣми единственно вѣрнымъ. То обстоятельство, что плита исписана съ обѣихъ сторонъ, и притомъ однимъ документомъ и что низъ плиты на довольно значительномъ разстояніи оставленъ пустымъ, указываетъ на то, что первоначально эта плита была врыта въ землю или укрѣплена на какомъ-нибудь постаментѣ, въ вертикальномъ направленіи. Такой способъ постановки надписей, хотя и рѣдокъ, но встрѣчается и въ римской эпиграфикѣ.

Содержаніе памятника составляетъ договоръ между сосѣдними кампанскими городами Нолой и Абеллой. Заимствуемъ изъ книги Моммзена (U. D. p. 123) свѣдѣнія о томъ и другомъ городѣ: о происхожденіи Нолы существуютъ различныя преданія, называя этотъ городъ то авзонскимъ, то этрусскимъ, то тирскимъ (тирренскимъ?), то калкидскимъ (то-есть, куманскимъ) поселеніемъ. Что этотъ городъ былъ исконно италійскимъ, то-есть, оскимъ, доказывается какъ его именемъ (с. novus), означающимъ „Новгородъ“, такъ и тѣмъ, что въ V в. отъ основанія Рима Ноланцы, вмѣстѣ съ другими Самнитами, выступили оппозиціей противъ Неаполитапцевъ (Liv. VIII, 23 sq. IX. 28). Подобно прочимъ Оскамъ, бывшимъ *φιλῆλητες* (Strabo V, 4, 12, p. 396 Kr.), Ноланцы были особенно привержены къ Грекамъ и ко всему греческому: это доказываютъ ноланскія вазы съ оскими надписями на нѣкоторыхъ изъ нихъ, это доказываютъ греческія надписи на всѣхъ ноланскихъ монетахъ. Между тѣмъ, ихъ обшденный и дѣловой языкъ былъ не греческій, а оскій, что доказывается какъ частными, такъ и общественными надписями. Аналогическое явленіе замѣчаемъ мы у Мамертинцевъ въ Мессанѣ, которые чеканили грече-

оскія монеты, но говорили и писали по оски. Къ Римлянамъ Нола стояла въ такомъ же отношеніи, какъ и Неаполь—въ дружбѣ, бывшей уже крѣпкою и испытанною во вторую Пунійскую войну (Liv. XXIII, 44); посему они удержали свое первоначальное устройство вплоть до Союзнической войны, съ тѣмъ только измѣненіемъ, что въ 538 У. Марцеллъ замѣнилъ демократическое управленіе ихъ общины олигархическимъ (Liv. XXIII, 17). Право римскаго гражданства получили Ноланцы, по всей вѣроятности, послѣ Союзнической войны, и ихъ городъ сдѣлался муниципіумомъ, на подобіе Тибура, Превесте, Пизы, Бононіи и т. п. При Веспасіанѣ туда была выведена римская колонія. Объ Абеллѣ мы не знаемъ почти ничего: что этотъ городъ, имѣвшій незначительныя владѣнія (Sil. Italic. VIII. 545), стоялъ въ особенно тѣсныхъ связяхъ съ Нолой, объ этомъ Моммзенъ заключаетъ изъ словъ Юстина (XX, I): iam Falisci Nolani, Abellani nonne Chalcedensium coloni sunt? Разсматриваемый документъ, представляющій договоръ между Абеллою и Нолой, былъ, по предположенію Моммзена, написанъ въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ находился въ Абеллѣ, другой—въ Нолѣ. До насъ дошелъ абелланскій экземпляръ, что выводитъ Моммзенъ изъ того, что вездѣ, гдѣ въ надписи упоминаются оба города, названіе Абеллы предшествуетъ названію Ноли. Предположеніе о томъ, что наша надпись стояла на границѣ обоихъ городовъ, Моммзенъ считаетъ невѣроятнымъ. Общее содержаніе этого памятника — условія между названными городами относительно общаго святилища Геркулеса, о распространности культа котораго между Самнитамы мы уже говорили. Надпись начинается, подобно другимъ памятникамъ аналогическаго содержанія, введеніемъ, въ которомъ указываются обстоятельства, при коихъ состоялось рѣшеніе. Эти обстоятельства слѣдующія: сенатъ поланскій вмѣстѣ съ сенатомъ Абеллы избрали комиссію изъ особыхъ легатовъ, которые вмѣстѣ съ двумя командированными отъ того и другаго города чиновниками обсудили во всѣхъ частностяхъ вопросъ объ общемъ святилищѣ Геркулеса; ихъ рѣшеніе, одобренное, по всей вѣроятности, сенатомъ того и другаго города, и составляетъ главное содержаніе надписи. Участіе сената въ избраніи легатовъ, и какъ сказано ниже, въ дозволеніи строитья возлѣ храма, указываетъ на то, что высшее правленіе находилось уже въ рукахъ олигарховъ, что, какъ извѣстно, произошло во вторую Пунійскую войну. Порученіе изслѣдованія какаго-нибудь спорнаго вопроса, преимущественно касательно размежеванія границъ, извѣстной, нарочно для сего избравшейся комиссіи, которая про-

изводила свои разслѣдованія на мѣстѣ, было дѣломъ обыкновеннымъ; такъ поступили Этольцы въ спорѣ о границахъ между жителями Мелитен и Перія, назначивъ для разслѣдованія четырехъ депутатовъ (Rangabé Ant. hellen., п. 692); такъ поступилъ римскій сенатъ въ преканіяхъ о границахъ между жителями Генуи и Langenses Veiturii, откомандировавъ на мѣсто Квинта и Марка Минуціевъ (C. I. L. 1, 199 р. 72); такъ поступилъ Домиціанъ въ спорѣ между жителями Фалеріона и Фирманцами, рѣшивъ его *adhibitis utriusque ordinis splendidis viris* (Or. 3118). Упомянутые делегаты того и другаго города являются въ качествѣ *consilium* при чиновникахъ, изъ которыхъ абелланскому придано названіе *prurukid. svegrunef. kvaisturef.*, а ноланскому — *medikef. deketasiof.*; оба титула малоизвѣстны и толкуются разно. О существованіи квестуры въ самнитскихъ городахъ мы знаемъ и изъ другихъ памятниковъ: на помпеянскихъ надписяхъ (Цвѣт. пп. 63, 66, 71 [59, 62, 67]) квесторы, исполняя рѣшеніе народнаго собранія (*kombenniels. tanginud, komparakineis. tangin*), отдають на подрядъ постройки общественныхъ зданій и принимаютъ ихъ по окончаніи постройки (*opsappam deded. isidum. profatted*). Въ другихъ памятникахъ этою обязанностью занимаются *medix tuticus* (Цвѣт. 69, (64) Помпеи, 19 (18) *Novianum vetus*). Но въ нашемъ памятникѣ слову *kvaisturef* предшествуютъ еще загадочныя слова: *prurukid. svegrunef.* Моммзенъ (U. D. р. 295), прибавляя къ первому слову отрывочное *sir* первой строки, видитъ въ этомъ Ablativus обозначеніе лица, соответствующее римскому обозначенію *трибой*; точно также *cognomen*, въ родѣ *Serroni*, видитъ онъ и въ слѣдующемъ *svegrunef.* Иначе разсуждаетъ Бухелеръ (*Comment. philol. in honor. Th. Mommseni. Berl. 1877, р. 228*). По его мнѣнію, это послѣднее слово соответствуетъ латинскому *surgoni*, слову, являющемуся съ удвоеніемъ въ *surugones*, и обозначаетъ лицо, по своей роли соответствующее римскому *orator, fetialis, nuntius publicus*. Что же касается до творительнаго *prurukid*, то для объясненія его Бухелеръ прибѣгаетъ къ предположенію, что Абелла и Нола, прежде отправленія комиссіи на мѣсто, занятое храмомъ Геркулеса, для установленія границъ, заключили нѣчто въ родѣ договора или условія, по которому — *prurukid* (= *pro rase*; cf. *rasisci, ractum*) — Вестриція, абелланскаго квестора, назначили посредникомъ — *arbitrum*, или *svegrunom* при членахъ означенной комиссіи. Второе чиновное лицо является со стороны Ноланцевъ; ему дается титулъ *medikef. deketasiof.* О титулѣ *medix, meddix, meddix tuticus* мы скажемъ ниже, когда будемъ говорить о *tabula Bantina*,

здѣсь же замѣтимъ, что титулъ *deketasis, degetasis* придается этимъ чиновникамъ, кромѣ нашего памятника, еще на двухъ надписяхъ (Цвѣт. 57, 58 [53, 54]), тоже кампанскаго происхожденія, на которыхъ упоминается о сооруженіи вѣроятно общественныхъ построекъ на *argentum multaticium* (*aragetud. multaskod*). Изъ всѣхъ этихъ данныхъ вывести что-нибудь относительно значенія сказаннаго эпитета невозможно, и потому толкователи прибѣгаютъ къ конъектурамъ, основаннымъ исключительно на этимологіи. Такъ Моммзенъ (U. D. p. 254) видитъ въ словѣ *degetasis* корень *deket* = *dicitare, dictare*, и *medix degetasis* считаетъ за магистрата, въ родѣ эдила, *qui multam dictat*. Вихелеръ (l. l. p. 230) переводитъ этотъ эпитетъ черезъ *digitarius*, и принимая во вниманіе, что *digitus* былъ мѣрою въ Кампаніи (Frontin. de aquis 21), считаетъ возможнымъ, что *medices* имѣли *cognomen mensurae et computationis proprium*. Мѣвнѣ, произнесенное вышеупомянутою комиссіей, начинается съ опредѣленія принадлежности территоріи, приписанной храму Геркулеса, который находился въ виду, по прямой линіи отъ мѣста, гдѣ была поставлена надпись (*sakaraklom.... slaagid. pod. fst=sacellum.... e regione quod est*); комиссія заявила, что храмъ Геркулеса, вмѣстѣ съ принадлежащею ему землею, огороженною межевыми столбами (*teerom... pod. anter teremniss territorium... quod inter terminos*), провѣренными сообща Ноланцами и жителями Абелли, должны считаться общими, также какъ и доходы храма и его территоріи (*elselfs. sakarakeis. infm. toreis. fruktatiuf.... mofnko potorompid. fusid = et eius sacri et territorij fructus.... communis utrorumque esset*). Моммзенъ (U. D. p. 125) приводитъ нѣсколько примѣровъ подобныхъ этому общихъ святилищъ: таковъ былъ знаменитый храмъ Діаны на Авентинѣ, встроенный сообща Римлянами и Латинянами, и по предположенію Моммзена, составлявшій ихъ общую собственность; таковъ былъ храмъ *Jupiter Latialis* на Албанской горѣ, таково, наконецъ, было святилище *Juno Sospita Mater Regina* въ Ланувіумѣ. Что касается до межевыхъ столбовъ, которыми была обнесена принадлежавшая храму мѣстность, то въ виду общаго владѣнія ею двухъ родовъ совершенно естественно, что эти столбы были поставлены и провѣрены сообща депутатами того и другаго (*moirkad. tanginod. proftoaset = communi sententia probata sunt*); межи эти были поставлены, какъ это обыкновенно дѣлалось и у Римлянъ: *rectod amnod = recto circuitu* (срвн. *Gromat. Lat. 11, 511 index v. v. rectus*). Что касается доходовъ, получавшихся съ храма, то подъ ними слѣдуетъ

разумѣть, по всей вѣроятности, *stipes* (см. нашу монографію: "Храмъ Тифатинской Діаны. С.-Пб., 1874, р. 5), доходы же съ земли, ему принадлежавшей, могли быть разнообразны, смотря по ея свойству и назначенію; Момизенъ удачно цитуетъ мѣсто Ливія (XXIV, 3), въ которомъ описывается мѣстность, принадлежавшая храму *Juno Lacinia* близъ Кротона: *lucus ibi frequenti silva et proceris abietis arboribus scriptus lacta in medio pasua habuit, ubi omnis generis sacrum deae pascebatur pecus;... magni fructus ex eo pecore capti columnaque inde aurea solida facta et dicata est.* Слѣдующія затѣмъ строки надписи отчасти исчезли, отчасти сохранились лишь въ отрывкахъ, не позволяющихъ заключать о томъ, что въ нихъ содержалось. "Послѣ" пропуска идетъ *postponens*, относящееся къ застройкѣ земли, принадлежавшей къ храму; земля эта дѣлилась на двѣ части: одна примыкала непосредственно къ храму, стоявшему въ центрѣ мѣстности (*hercleis. fisco. meffo ist = Herculis fanum medium est*), составляя его непосредственную ограду, которая была обведена известнаго рода загородкой, я другая, бывшая между этою послѣднею и оградой, окружавшею всю территорію храма (эта часть называется на надписи: *pert. viam. postist. pal. sp. ist. postin. slagim = trans viam post est quae ibi est pro regione*—выраженіемъ не вразумительнымъ; объясненіе Бюхелера I. I. p. 236 не совсемъ ясно). Въ этой-то мѣстности, между двумя оградами, представлявшей, по всей вѣроятности, пустое и ровное пространство, дозволялось строиться жителямъ того и другого города, но не иначе, какъ съ разрѣшенія сената (*senatels suvels. tanginod. tribarakavom. likitud = senatj sui sententia aedificare liceto*). Зданіе, выстроенное при этихъ условіяхъ Ноланцами, поступаетъ въ ихъ пользованіе и владѣніе; точно также дѣлается и съ зданіемъ, выстроеннымъ жителями Абеллы. Какія это могли быть зданія, сказать трудно; можно думать, что по аналогіи съ другими мѣстностями, окружавшими древніе храмы, окрестности святилища Геркулеса застроились различными зданіями, слившимися въ одинъ, общій храмовый городокъ. Въ указанныхъ предѣлахъ, и въ частности, внутри ближайшей къ храму ограды, продолжалось рѣшеніе комиссіи, ни тотъ, ни другой городъ не имѣетъ права что-либо строить. Слѣдующее за симъ постановленіе комиссіи относится къ сокровищницѣ, бывшей въ храмѣ или близъ него: ее открывать можно было не иначе, какъ по взаимному соглашенію, и часть находившихся тамъ сокровищъ принадлежала одному городу, часть другому. Что это были за сокровища? Пить необходимости и даже вѣроятія предпологать,

что здѣсь находилось общее казнохранилище: обоихъ городовъ, въ родѣ союзнаго казнохранилища на Делосѣ; проще и вѣроятнѣе думать, что это была храмовая казна, образовавшаяся частію изъ суммъ, жертвовавшихся въ святилище (stipes), частію изъ приношеній драгоценными предметами; частію, наконецъ, изъ денегъ, отдававшихся въ храмъ на храненіе. Любопытно обозначеніе въ нашемъ памятникѣ понятія сокровищницы словомъ thesauroi, заимствованнымъ прямо изъ языка греческаго. Это заимствованіе указываетъ на сильное вліяніе Греціи, подѣ которыми почти постоянно находились Самниты, которое свазалось на многихъ сторонахъ ихъ быта, жизни и вѣрованій, и многочисленныхъ свидѣтелей котораго мы видимъ въ дошедшихъ до насъ отъ Самнитовъ памятникахъ. Къ числу этихъ послѣднихъ принадлежитъ и языкъ, указывающій намъ не мало греческихъ словъ, преимущественно въ именахъ собственныхъ. Таковы: Arkia = Ἀρχία, Eukloi = Εὐκλαί, Meelikiels = Μελιχίου, Santia = Σανθία, Skiru = Σκίρων, Step = Στέφανος?; но есть и нѣсколько именъ нарицательныхъ, указывающихъ на заимствованіе изъ греческаго; къ такимъ, кромѣ нашего thesauroi, надобно отнести: xoínix = χοῖνιξ на помпеевскомъ столѣ съ узаконенными мѣрами для жидкихъ и сыпучихъ веществъ (Цвѣтаевъ, п. 74 [68]), passata = ἀίμαραστάδες, тоже на помпеевскомъ памятникѣ (Цвѣтаевъ, п. 65 [60]) и potēra = ποτήρα на одномъ сосудѣ, найденномъ въ Базиликатѣ (Цвѣтаевъ, п. 145 [138]). Возвращаясь къ нашей надписи, должно замѣтить, что ея заключительныя слова представляются не вполне ясными; въ нихъ рѣчь идетъ о дорогѣ, прилегающей между областями Ноли и Абеллы, на сгибѣ которой, по срединѣ, стоятъ межовые столбы. Какая это дорога, что это за ея сгибъ (pollad. vió. uivó. íst = qua via flexa est), какъ по срединѣ дороги могутъ стоять столбы (eisai. víai. meíai. teremenuio. stafet = in ea via media termina stant), все это вопросы, на которые мы не можемъ дать точныхъ отвѣтовъ. Предположенія Бухелера (l. l. p. 240, 241), намъ представляются не уясняющими дѣла.

Что касается времени, къ которому относится интересующій насъ памятникъ, то Моммзенъ (U. D. p. 125) полагаетъ, что онъ долженъ быть введенъ въ предѣлы между 538 (годомъ введенія олигархическаго устройства въ италійскіе города) и 665 (годомъ отъ утанія марсійской войны), при чемъ отодвигаетъ его ближе къ первому, полагая, что надпись составлена немного спустя послѣ второй пунійской войны. Иного мнѣнія Бухелеръ: изъ наблюденій надъ грамматикой и палеографіей памятника онъ выводитъ заключеніе о томъ,

что онъ относится ко времени близкому ко второй изъ указанныхъ Моммзенемъ границъ и считаетъ его моложе даже *tabula Bantina*, въ разсмотрѣнію которой мы и переходимъ.

Небольшой (въ вышину 0,255 м., въ ширину 0,380 м.) обломокъ бронзовой доски, исписанной съ обѣихъ сторонъ (σποδβύραρον), найденъ въ концѣ прошлаго вѣка, въ 1793 году, въ мѣстечкѣ *Oppido*, находящемся въ провинціи *Базиликатъ*. По одному, не совсѣмъ впрочемъ, достоверному извѣстію (*Lombardi Antichità di Basilicata Memoria dell' Instituto 1, 118 laud. Momms. U. D. p. 151*), этотъ памятникъ былъ найденъ прикрѣпленнымъ къ каменной обшивкѣ одной древней гробницы, при чемъ бронзовая доска была совершенно цѣлою и разбилась лишь по неумѣнью отерывавшихъ гробницу крестьянъ. Самый большой обломокъ былъ приобрѣтенъ для Неаполитанскаго музея, въ которомъ находится и понынѣ. Другіе, меньшіе, разошлись по частнымъ рукамъ и въ настоящее время утрачены; въ 1840-хъ годахъ появился одинъ небольшой отрывокъ, который продавался въ Неаполѣ неизвѣстнымъ лицомъ; съ него *Авеллино* успѣлъ снять наскоро снимокъ, и такъ какъ цѣна, которую просилъ продавецъ, была непомерно велика, то обломокъ остался у владѣльца и исчезъ неизвѣстно куда. Этотъ обломокъ помѣщается въ изданіяхъ обыкновенно написанный мелкимъ шрифтомъ.

Памятникъ этотъ представляетъ на двухъ своихъ сторонахъ документы различнаго содержанія и различнаго времени: одинъ, писанный на оскомъ, другой на латинскомъ языкѣ. Изъ ученыхъ, особенно потрудившихся надъ объясненіемъ разсматриваемаго памятника, заслуживаютъ быть упомянутыми: *Кленце*, *Моммзенъ*, *А. Кирхгофъ* (*Das Stadtrecht von Bantia. Ein Sendschreiben an Herrn Th. Mommsen. Brl. 1853*) и *Ланге* (*Die oskische Inschrift der Tabula Bantina und die römischen Volksgerichte. Götting. 1853*), *Бухелеръ*. Съ результатами ихъ изслѣдованій мы постараемся ознакомить читателей.

Что касается объема доски въ ея неповрежденномъ состояніи, то *Моммзенъ* (*U. D. p. 153*), на основаніи остроумныхъ соображеній, пришелъ въ тому выводу, что латинскій текстъ былъ написанъ въ одну колонну, во всю ширину доски, строками приблизительно въ 120 буквъ каждая — въ двѣ, имѣвшія отъ 60 — 70 строкъ. На вопросъ, были ли оскій и латинскій документы помѣщены вполне на одной доскѣ, или таковыхъ было нѣсколько, *Моммзенъ* отвѣчаетъ предположительно, склоняясь на сторону первой гипотезы. Оская надпись имѣетъ отношеніе къ городу *Bansa* (*Bantia*, н. *Banzi*), между горо-

дами *Oppido* и *Veposa*, и попала въ первый—гдѣ и была найдена—совершенно случайно. Что оскій документъ не есть мѣстный муниципальный законъ, но законъ римскій, относящійся къ Бантіѣ, оскому городку, и потому переведенный на оскій языкъ, это Моммзенъ выводитъ изъ того, что всѣ сокращенія, вродѣ *tr. pl.* (= *tribunus plebis*), *pr.* (= *praetor*), *p.* (*ummi, nummum*), *q.* (= *quaestor*), суть римскія, что упоминается римскій *iudex*, что въ строкѣ 29 читается выраженіе: *izic post eizuc tr. pl. ni fuid—is post illa tr. pl. ne fuerit*, угроза, не могшая имѣть мѣста въ рѣшеніи бантинской общины. Переходя къ указанію отношенія, въ которомъ находится оскій текстъ къ латинскому, Моммзенъ рассуждаетъ такъ: можетъ показаться удивительнымъ, какъ въ Бантіѣ очутился бы латинскій законъ (а что латинскій текстъ есть отрывокъ закона, это сомнѣнію не подлежитъ), не имѣвшій никакого отношенія къ этому городу; предположеніе о томъ, что въ провинціальныхъ архивахъ находились копіи, и притомъ на бронзѣ, со всѣхъ римскихъ законовъ, не имѣетъ за собою ни малѣйшаго вѣроятія. Эти соображенія приводятъ насъ къ тому заключенію, что и въ латинскомъ текстѣ мы имѣемъ отрывокъ закона, имѣвшаго отношеніе къ Бантіѣ. Отсюда естественъ переходъ къ предположенію ю что латинскій текстъ есть оригиналъ того самаго закона, который мы имѣемъ въ оскомъ переводѣ. Римскій законъ, имѣвшій отношеніе къ Бантіѣ, долженъ былъ быть формулированъ непременно по латыни, и копія съ него неизбѣжно должна была находиться въ Бантинскомъ архивѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, для того, чтобы всѣ Бантинцы имѣли возможность ознакомиться съ содержаніемъ закона, онъ былъ переведенъ на мѣстное нарѣчіе, и исписанная двумя текстами доска могла вывѣшиваться, смотря по надобности, то тою, то другою стороною. За этими соображеніями Моммзена нельзя не признать значительной доли остроумія, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не замѣтить, что они не основываются на самомъ памятникѣ, такъ какъ содержаніе латинской его половины не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ содержаніемъ оской половины; мало того, въ ней заключаются нѣкоторыя данныя, свидѣтельствующія о томъ, что этого сходства и быть не могло; тогда какъ, напримѣръ, оскій текстъ называется закономъ (строка 25, *pas exaiscen ligis sciftas set—quae in hisce legibus scriptae sunt*), латинскій именуется *lex plebive scitum* (строка 7 и др.), чиновники, которыхъ имѣетъ въ виду оская половина, суть чиновники мѣстные, провинціальные, тогда какъ въ латинской перечисляются: *dictator, consul, praetor, magister equitum, censor, aedilis, tribunus plebei, quaestor*, III

vir capitalis, III vir agreis dandeis adsignandeis, ioudex, ex hac lege plebive scito factus (строка 15) и т. п. Эти и имъ подобныя данныя можно противопоставить гипотезѣ Моммзена и имѣть съ тѣмъ подвергнуть сомнѣнію и тотъ выводъ, который онъ дѣлаетъ изъ нея; а выводъ этотъ весьма важенъ, такъ какъ касается опредѣленія времени памятника. Изъ того обстоятельства, что въ только что приведенномъ отрывкѣ латинскаго текста, на ряду съ другими чиновными лицами, упоминаются tresviri agris dandis adsignandis, установленныя Тиберіемъ Гракхомъ въ 621 году, подъ названіемъ III viri agris dandis adtribuendis iudicandis, и утратившіе послѣдній титулъ въ 625 г., Моммзенъ выводитъ, что terminus a quo написанія памятника не можетъ быть поставленъ ранѣе 625 г., а terminus ad quem—не позже 631 г., когда должность сказанныхъ триумвировъ была уничтожена. Эти соображенія, вполне приложимыя къ опредѣленію времени латинскаго закона, обязательны для оскскаго лишь при допущеніи тождества въ содержаніи обоихъ текстовъ. Посему изслѣдователи, не допускающіе этого тождества, какъ, напримѣръ, Кирхгофъ (l. l. p. 93), идутъ для опредѣленія времени нашего памятника инымъ путемъ: Кирхгофъ признаетъ, что, съ одной стороны, время написанія оскскаго текста не можетъ быть поставлено позже союзнической войны и дарованія права гражданства Италикамъ; съ другой—употребленіе латинскихъ начертаній для оскскихъ словъ и многочисленныя слѣды распадающагося языка заставляютъ видѣть въ нашей надписи одинъ изъ позднихъ, если не самый поздній памятникъ оскскаго говора. Изъ того обстоятельства, что въ строкѣ 28-й опредѣляется порядокъ прохожденія муниципальных должностей: pr. censtur bansae ni pis fuid, nei svae q. fust, nep censtur fuid, nei svae pr. fust = praetor censor Bantiae ne quis fuerit, nisi quaestor erit, neve censor fuerit, nisi praetor erit, Кирхгофъ заключаетъ, что этотъ порядокъ долженъ былъ развиться подъ вліяніемъ установленія magistratus quorum certus ordo est, введеннаго Вилліевымъ закономъ 573 г. (lex Villia annalis).

Подобно тому, какъ разнообразны взгляды на соотношеніе двухъ текстовъ разсматриваемой таблицы, на время ея написанія, различны также взгляды и на содержаніе осксой ея половины. Исходя изъ упомянутого выше хронологическаго опредѣленія, Моммзенъ видѣлъ въ оскомъ текстѣ отрывокъ аграрнаго закона, имѣвшаго отношеніе къ гор. Баптиѣ; отчасти къ тому же выводу пришелъ и Кленце, не успѣвшій однако обосновать его въ подробностяхъ. Противъ этого взгляда высказался Кирхгофъ, находя, что Моммзенъ для того, чтобы оправ-

дать свой основной взгляд въ частностяхъ, прибѣгалъ къ крайне натянутымъ и совершенно не методическимъ объясненіямъ отдѣльныхъ словъ и выраженій. Кирхгофъ, послѣ весьма тщательнаго и подробнаго разбора памятника въ частностяхъ, пришелъ къ тому заключенію, что онъ представляетъ рядъ мѣропріятій, относящихся къ различнымъ сторонамъ государственнаго устройства Вантинской общины. Прежде всего, по его мнѣнію, рѣчь идетъ о судебной процедурѣ въ общинныхъ комиціяхъ, и въ частности: а) объ условіяхъ, при которыхъ обвиняемый могъ требовать *prorogatio* термина, б) о присягѣ, даваемой собравшемуся для суда общиной, при чемъ предсѣдатель комицій долженъ былъ наблюдать за тѣмъ, чтобы означенная присяга была дана до начала голосованія, и в) о правѣ магистрата обвинять кого-нибудь передъ народнымъ собраніемъ и о законныхъ границахъ этого права; два послѣдніе параграфа сопровождаются соответственными *sanctiones*. Вслѣдъ за тѣмъ слѣдуетъ постановленіе относительно ценза въ Вантинской общинѣ, при чемъ палагается наказаніе на тѣхъ изъ ея членовъ, которые произвольно уклоняются отъ этого ценза. Потомъ идетъ опредѣленіе, относящееся къ обязанностямъ магистратовъ, имѣющихъ юрисдикцію въ частныхъ процессахъ, и въ заключеніе, постановленіе о преемственности общинныхъ магистратовъ. Такимъ образомъ, вмѣсто аграрнаго закона, Кирхгофъ видитъ въ оскомъ текстѣ такъ-называемый *lex satura*, имѣющій отношеніе къ различнымъ сторонамъ общинной жизни гор. Вантин. Соображенія Кирхгофа такъ остроумны и убѣдительно, что Ланге, комментировавшій вслѣдъ за нимъ разсматриваемый памятникъ, въ общемъ нашелъ необходимымъ съ нимъ согласиться, модифицируя лишь его взгляды на нѣкоторыя частности; мнѣніе Кирхгофа въ сущности раздѣляетъ и Бухелеръ, въ переводѣ оскаго текста, приложенномъ въ книгѣ Брунса (*Fontes iuris romani antiqui. Tubingae 1876*) и перепечатанномъ г. Цвѣтаевымъ.—Переходимъ къ обзорѣ отдѣльныхъ постановленій.

Начинающееся въ строкѣ 4-й опредѣленіе имѣетъ отношеніе къ недопущенію народныхъ собраній черезъ интерцессію. Она должна была сопровождаться открытою клятвой въ комиціяхъ, которую давало лицо, хотѣвшее не допустить ихъ интерцессіей, въ томъ, что оно руководится при этомъ интересами общины, а не интересами частныхъ лицъ, и что оно интерцедируетъ, заручившись согласіемъ большинства въ сенатѣ. Обставленная такими условіями, интерцессія имѣла обязательную силу для предсѣдателя комицій, которыя имѣ въ извѣстный день и не созывались. Интерцессія, направленная на народныя

собранія, принадлежала преимущественно народнымъ трибунамъ, вслѣдствіе чего Ланге (l. l. p. 31) дополняетъ лакуну послѣ *prutergan* (строка 4) словами *tr. pl.*, и притомъ первое слово понимаетъ не въ значеніи *priusquam*, а въ смыслѣ *praeterquam*. Кроме того, въ принципѣ, эта интерцессія была предоставлена и другимъ магистратамъ, имѣвшимъ или *maior* или *par potestas* (Lange, p. 32). Въ нашемъ законѣ она обставлена различными условіями, имѣвшими цѣлію предупредить злоупотребленіе ею. Главнымъ изъ нихъ является искренняя, не имѣющая какихъ-либо противозаконныхъ расчетовъ (*perum dollom mallo sine dolo malo*), клятва въ народномъ собраніи; въ ней намѣревающеся интерцедировать лицо увѣряло, что оно далеко отъ личныхъ расчетовъ (*sion ioc comono mais egmas tovticas amnud pan pieisum brateis avti cadeis amnud... pertumum-se ea comitia magis reipublicae causa quam cuiuspiam commodi aut incommodi causa... perimere*). Ланге приводитъ аналогичный случай изъ римской жизни, когда народный трибунъ Тиберій Семпроній Гракхъ, намѣреваясь интерцедировать противъ заарестованія Л. Сципіона Азіатскаго, *iuravit palam in amicitiam inque gratiam se cum P. Africano non redisse* (Gell. VI (VII) 19, 6). Кроме того, въ означенной клятвѣ должно было заключаться заявленіе о согласіи сената на эту интерцессію (*inim idic sion dat senateis tanginud majnas carneis pertumum = et id se de senati sententia maxime partis perimere*). Это согласіе совершенно естественно и подтверждается тѣмъ, что и въ Римѣ для отсрочки избирательныхъ комицій требовался сенатскій указъ (Lange, p. 32).

Слѣдующій отдѣлъ закона относится къ формальностямъ, которыя должны соблюдаться въ комиціяхъ, собранныхъ для судопроизводства по спорнымъ процессамъ, касавшимся или повземельнаго владѣнія, или денежныхъ вопросовъ. Магистратъ, предсѣдательствовавшій въ такихъ комиціяхъ, долженъ былъ, предварительно голосованія, привести собравшихся къ присягѣ, въ которой они должны были обѣщать, что дадутъ относительно обсуждавшихся дѣлъ такой голосъ, какой, по ихъ мнѣнію, будетъ соответствовать интересамъ общины; кроме того, предсѣдатель долженъ наблюдать, чтобы кто-нибудь не далъ за вѣдомо ложной присяги (*per fefacid, pod pis dat eizac egmad mins deivad dolud malud = neve fecerit quo quis de illa re minus iuret dolo malo*). Присяга, даваемая собравшимся въ комиціи народомъ передъ рѣшеніемъ того или другаго изъ имущественныхъ процессовъ, находитъ себѣ аналогію въ подобной же присягѣ, которую давали римскіе судьи передъ голосованіемъ (срвн. нпр. *lex Acilia*, стрк. 36 и слѣд. Вгунс,

р. 57 и др.); точно также и сенаторы въ Римѣ присягали въ томъ, что они выскажутъ только то, что будетъ *e re publica*. Спорною оказывается компетенція судебныхъ комицій въ Бантіѣ; она указывается словами: *comono... dat castrid lovfrud in eituas=comitia... de fundo libero et rescipiae*. Различнымъ толкованіямъ подвергалось выраженіе: *dat castrid lovfrud*: Моммзенъ (U. D. p. 269) отождествлялъ слово *castrid* съ формою *castro*, въ значеніи *praedium*; съ нимъ въ сущности согласенъ и Кирхгофъ (р. 57), переводящій это слово черезъ *ager*. Но Ланге (р. 22), выходя изъ замѣчанія, что компетентность бантинскихъ комицій въ гражданскихъ дѣлахъ была бы фактомъ необычнымъ, не соглашается съ этимъ толкованіемъ и понимаетъ фразу: *dat castrid lovfrud* какъ *de capite libero*. Врунсъ вмѣстѣ съ Бухелсромъ возвратились къ прежнему толкованію: *de fundo libero*. Вслѣдъ за приведеннымъ распоряженіемъ законъ даетъ слѣдующую *sanctio*: *suave pis contrud exeic fefacust avti comono hipust molto etanto estud: n. Ф. Ф. in suave pis iouc fortis meddis moltaum herest, aupert minstreis aeteis eituas moltas moltaum licitud=si quis contra hoc fecerit aut comitia habuerit, multa tanta esto: n. M. M. et si quis eum forte magistratus multare volet, dumtaxat minoris partis pecuniae multas multare liceto*. Подобныя этому *sanctiones* находились въ большинствѣ римскихъ законовъ; для образца можно привести *sanctio*, заключавшееся въ *lex Silia de ponderibus* (Fest. quat. XII. 16, p. 246): *si quis magistratus adversus hac d. m(=dolo malo) pondera modiosque vasaque publica modica maiora minorave faxit iussitve fieri dolumve adduit quo ea fiant, eum quis volet magistratus multare—dum minore parti familias taxat liceto*. Съ объемомъ *multa* въ 2000 *nummi*, слѣдуетъ сопоставить объемъ ея же въ 1000 *nummi*, назначаемый нашимъ же закономъ въ стр. 26-й. Что это были за *nummi*, сказать опредѣлительно невозможно; вѣроятно, это были *sestertii* (cf. Mazosehi in tab. Negacleens. p. 217). Незначительность объема этой *multa*, въ сравненіи съ налагавшимися римскими законами, особенно позднѣйшаго времени (напримѣръ, *lex Scatinia* въ 10,000 *asses* Quintil. J. O. IV. 2. 69. VII. 4. 42), объясняется отчасти тѣмъ, что законъ былъ изданъ для небогатаго провинціального городка, отчасти тѣмъ, что самый проступокъ, каравшійся *multa*, не былъ особенно значителенъ. Впрочемъ, 1000 *sestertievъ* налагали и римскіе законы за невыходившія изъ ряду преступленія (срв. Huschke die multa und das sacramentum Krz. 1874, p. 278). Относительно обычной въ *sanctione* формулы: *dum*

minore parti familias taxat (cf. ampert minstrels aetels eituas) см. Huschke, *Analecta litteraria*. Lips. 1826, p. 255 sqq.

Слѣдующій за симъ параграфъ Бантинскаго закона, относящійся къ процессу между частными лицами изъ-за поземельнаго или денежнаго владѣнія, довольно труденъ для пониманія. Первая его фраза можетъ имѣть слѣдующее значеніе: Если кто-нибудь—чиновникъ или лицо частное—вчинить другому лицу въ присутствіи магистрата (pro meddixud=pro magistratu) искъ имущественный или денежный, магистратъ не долженъ созывать комицій до тѣхъ поръ, пока истецъ не заявитъ по совѣсти своихъ требованій передъ народомъ четыре раза и послѣдній четырежды не будетъ оповѣщенъ объ установленномъ днѣ комицій (in trutum zicolom tovtto peremust petiropert=et definitum diem populus percserit quater). Такимъ образомъ, можно думать что или искъ, или процессы относительно поземельныхъ имуществъ и капиталовъ (castrous avti eituas=fundi aut pecuniae) обсуждались и рѣшались въ народныхъ собраніяхъ; передъ рѣшеніемъ истецъ или обвинитель долженъ былъ четырежды изложить передъ народомъ, по совѣсти (sipus perum dolom mallom=sciens sine dolo malo), основанія своего иска или обвиненія. По всей вѣроятности, это четырехкратное заявленіе дѣлалось не въ комиціяхъ, а въ contiones, какъ это обыкновенно бывало въ Римѣ (мѣста древнихъ у Willems: Le droit public romain. Louvain. 1874, p. 183), и напоминаетъ извѣстное quarta accusatio, имѣвшее мѣсто въ римскихъ уголовныхъ процессахъ. Кроме того, можно думать, что эти четыре contiones имѣли мѣсто въ промежутокъ времени между объявленіемъ дня для комицій, въ которыхъ долженъ рѣшаться сказанный процессъ или искъ, и самими комиціями. Это, какъ кажется, выражается въ заключительныхъ словахъ: in trutum zicolom tovtto peremust petiropert. До дня суда, продолжаетъ законъ, нельзя было заявлять объ искѣ болѣе пяти разъ; выше это заявленіе обозначалось словомъ urust (ne pon op tovtad petirupert urust=nisi cum apud populum quater oraverit), здѣсь же оно выражается терминомъ: actud=agito (neip mais pomtis com preivatud actud=neve magis quinquies cum reo agito), который, нѣсколько ниже, приравнивается тому же urust (pon posmom com preivatud urust=cum poshemum cum privato oraverit). Изъ всѣхъ этихъ выраженій мы можемъ съ вѣроятностью заключить, что сказанное заявленіе не ограничивалось одною рѣчью истца или обвинителя, но и отвѣтомъ reus, могшимъ возбудить цѣлые дебаты между двумя сторонами; въ такомъ значеніи otagе встрѣчается и въ древнѣйшей латыни: gem ubi rasunt

orato, говорилъ законъ XII таблицъ, ni pacunt, in comitio aut in foro ante meridiem caussam coiciunt. com peroranto ambo praesentes post meridiem praesenti litem addicito (Schöll XII tabul. rel. 1, 6. p. 118).— Между окончаніемъ такого oratio и комиціями, въ которыхъ должно было рѣшаться дѣло, требовался промежутокъ въ XXX дней: in pop romano com preivatud urust, eisuzen ziculud zicolom XXX nesimum comonom ni hipid=et cum postremum cum reo oraverit, ab illo die diem XXX proximum comitia ne habuerit. Съ этимъ промежуткомъ сопоставляютъ слова Цицерона: pro domo sua 17: ter ante magistratus accuset; quarta sit accusatio trium nundinum, producta die, qua die iudicium sit futurum (Lange l. 1. p. 66 sq.). Можно еще припомнить, что тридцатидневный промежутокъ нерѣдко попадаетъ въ римской юридической практикѣ: ad quem pecunia communis municipum eius municipii pervenerit, читаемъ въ lex Malacitana (LXVII Bruns, p. 130), heresve eius isve ad quem ea res pertinebit, in diebus XXX proximis, quibus ea pecunia ad eum pervenerit, in publicum municipum eius municipii eam referto; при обсужденіи известнаго дѣла о Вакханаліяхъ въ 566 году, сенатъ присудилъ преторамъ res in diem trigesimum differre, donec quaestiones a consulibus perficerentur. Параграфъ закона оканчивается санкціей, въ которой однако, вѣроятно по причинѣ неважности преступления, не опредѣлена цифра multa: svae pis contrud exeic fefacust, ionc svae pis herest meddis moltaum licitud, ampert minstreis aeteis eituas licitud=si quis contra hoc fecerit, eum si quis volet magistratus multare, liceto, dumtaxat minoris partis pecuniae liceto.

Слѣдующій параграфъ закона относится къ цензу, совершавшемуся въ Вантіѣ: во время этого ценза, производившагося цензорами, всѣ граждане должны были подвергаться ему какъ самихъ себя, такъ и свои капиталы, по формулѣ, объявленной цензорами. Не явившійся съ намѣреніемъ на цензъ и уличенный въ этомъ объявлялся работъ и подвергался продажѣ съ публичнаго торга, производившейся въ присутствіи магистрата и народа; точно также объявлялись принадлежавшими государству и всѣ принадлежавшіе такому лицу рабы и капиталы. Процедура ценза, имѣвшая мѣсто въ Вантіѣ, представляетъ весьма много сходства съ процедурою ценза, совершавшагося въ Римѣ. Какъ здѣсь, такъ и тамъ, цензъ производился особыми чиновниками—censur, sensores; цензу подвергались всѣ граждане, при чемъ каждый заявлялъ о себѣ, то-есть, о своей личности и о своемъ имуществѣ: pis cevs bantins fust, censamur esuf in eituum=qui civis Bantinus erit, censetor ipse et. pecuniam, совершенно такъ, какъ въ

Римъ гражданинъ долженъ былъ объявить *nomen, praenomen, patrem aut patronum, tribum cognomen et quot annos habet, et rationem pecuniae* (lex Julia municip. 145. Bruns, p. 99), при чемъ, какъ въ Бантиѣ, оцѣнка послѣдней дѣлалась *poizad ligud iosc censtur censaum angetuzet=quoia lege ii censores censere proposuerint*, такъ и въ Римѣ: *ex formula census, qui censum acturus est, proposita est*. Не явившійся въ Бантиѣ по неуважительной причинѣ *dolud mallud=dolo malo* на цензъ гражданинъ продавался съ публичнаго торга—*aut svae pis censtomen nei cebnust dolud mallud,... esuf comenci lamatir pru meddixud tovtad praesentid perum dolum mallom=at si quis in censum non venerit dolo malo... ipse in comitio veneat pro magistratu populo praesente sine dolo malo*, точно также какъ въ Римѣ *incensus* подвергался *capitis deminutio maxima* (Ulpian. tit. XI. II); кромѣ того, помимо продажи (*amaricatud=immercato*), не внесенные имъ въ цензъ рабы и капиталы дѣлались достояніемъ общины—*allo famelo in eituo sivom paei eizeis fust, pae ancensto fust, tovticod estud=cetera familia et pecunia tota, quae illius erit, quae incensa erit, publica esto*, также какъ въ Римѣ τῶ μὴ τιμωραμένω τιμωρίαν ἔρως (Сервій Туллій) τῆς οὐσίας ἀτίρεσθα (Dionys. Hal. IV. 15).

Засимъ слѣдуетъ распоряженіе закона относительно преслѣдованія лицъ, преступившихъ его предписанія: оно могло быть начато преторомъ или префектомъ Вантинскимъ и могло сопровождаться т. н. *manus iniectio*, то-есть, насильнымъ привлеченіемъ къ суду, и сказанный магистратъ долженъ былъ дать этому дѣлу надлежащій ходъ не позже 10 дней послѣ заявленія *ne rim pruhupid mais zicolois X nesimois=ne quem prohibuerit magis diebus X proximis*. Точно также и въ римской судебной процедурѣ десятидневный терминъ встрѣчаемъ мы въ т. н. *indicia recuperatoria* (Lange, p. 8). И этотъ параграфъ сопровождается *sanctio*, въ которой цифра *multae* положена въ 1000 *nummi*.

Послѣдній изъ дошедшихъ до насъ параграфовъ закона относится къ установленію преемственности между различными магистратурами Вантинской общины. Законъ постановлялъ, чтобы преторы и цензоры получали эти должности не иначе, какъ по отправленіи ими квестуръ, и чтобы цензоръ предварительно прослужилъ въ качествѣ претора: *pr. censtur bansae ni pis fuid, nei svae q. fust, nep censtur fuid, nei svae pr. fust=praetor, censor Bantiae ne quis fuerit, nisi quaestor erit neve sensor fuerit, nisi praetor erit*. Далѣе устанавливается отношеніе названныхъ магистратуръ къ народному трибунату: лицо, бывшее цензоромъ, преторомъ, квесторомъ, особенно изъ знатныхъ ро-

довъ, не могло быть народнымъ трибуномъ, и если и дѣлалось таковымъ, то признавалось незаконнымъ: *in svae pis pr. in svae pis censur avti q. pis tacusim nerum fust, izic post eizuc tr. pl. ni fuid. svae pis contrud exeic tr. pl. pocapid bansae fust, izic amprufid facus stud* —*et si quis praetor et si quis censor aut quaestor quis natu nobilium erit, is post illa tribunus plebis ne fuerit. Si quis contra hoc tribunus plebis quandoque Bantiae erit, is improbe factus esto.* Много въ приведенныхъ постановленіяхъ не яснаго, много, быть можетъ, ошибочно понятаго, но за всѣмъ тѣмъ остается не мало и такого, что уясняетъ устройство Бантинской общины конца VI и начала VII в.

Община эта (tonto, cf. *тоѢто марертуро* n. 160 [153]) составляла одно государственное цѣлое, имѣвшее известную опредѣленную организацію, во многомъ напоминающую организацію Римской республики. Изъ ея органовъ нашъ памятникъ упоминаетъ:

а) комиціи или народные собранія—*сосопо*. О томъ, дѣлились ли они на какіе-нибудь отдѣлы, въ родѣ комицій по куріямъ, центуріямъ и трибамъ, сказать, за недостаткомъ данныхъ, невозможно. На существованіе различія между плебсомъ и оптиматами указываютъ нѣкоторыя данныя, какъ напримѣръ, магистратура народного трибуната, въ который не допускалось лицо: *pis tacusim nerum fust=quis natu nobilium erit* (сл. Цвѣт. n. 34 [32]); эти данныя, извлекаемая изъ нашего памятника, находятъ себѣ подтвержденіе и въ свидѣтельствахъ писателей, сообщающихъ намъ о существованіи у Самнитовъ партій демагоговъ и оптиматовъ, имѣвшихъ значительное вліяніе на политическую жизнь отдѣльныхъ городовъ этого племени (Kirchhoff, *Stadr. v. Bant.* p. 84). Неизвѣстно, въ какомъ отношеніи къ этимъ комиціямъ стоялъ *conventus*, упоминающійся на нѣкоторыхъ помпеянскихъ надписяхъ (Цвѣт. 63, 66 [59, 62] *kombenniels tanginud=conventus scito*); встрѣчающійся на нихъ же *consilium*, по всей вѣроятности, былъ отличенъ отъ комицій (Цвѣт. 71. [67] *komprakinels tangin (ud)=consilij sententia*), и можетъ быть, соответствовалъ сенату. О компетентности ихъ мы знаемъ только изъ Бантинской надписи; естественно, однако, что случайно сохранившіяся въ ея отрывкѣ данныя не исчерпываютъ всѣхъ сторонъ этой компетентности, которая, по всей вѣроятности, имѣла сходство по объему съ компетентностью римскихъ комицій. Бантинская надпись указываетъ исключительно на судебную дѣятельность комицій. О ней мы уже говорили при разсмотрѣніи отдѣльныхъ параграфовъ закона; здѣсь же коснемся лишь вопроса, связаннаго съ нею, вопроса о денежныхъ штрафахъ, нала-

гавшихся на лицѣ, преступившихъ предписаніе закона; эти штрафы носятъ техническое названіе *molto*=*multa*. Производство латинскаго слова *multa* древними грамматиками (см. выше) ведется отъ оскаго нарѣчія; но то обстоятельство, что понятіе денежнаго штрафа выражается сходнымъ словомъ и по умбрски (*mutu, muta, motar*), должно привести къ тому соображенію, что это слово есть общеталійское, а не принадлежащее какому-нибудь отдѣльному диалекту. Штрафы были налагаемы не въ одной Бавтій; упоминаніе объ нихъ встрѣчается и въ Помпеяхъ, и въ Нолѣ. Тамъ въ первомъ городѣ квестору поручается собраніемъ (*convectus*) сдѣлать солнечные часы на сумму, составленную изъ штрафовъ: *mg. atinijs. :mg. kvaisstur estiuvad moltaskad kombenniels tangi(nud) aamanaffed*=*Mara Atinius Maraе f. quacstor pecunia multaticia conventus seito mandavit* (Цвѣт. 66 [62]). Въ Нолѣ на сумму, собранную изъ того же источника, мѣдникъ, высшій общинный магистратъ, выстраиваетъ какую-то постройку: *paakul. mulukiis marai. meddis degetasis aragetud multas (skod)*=*Raculus Mulcius Maraе f. meddix digitarius argento multatico*. (Цвѣт. п. 58. cf. 57 [54. 53]). Изъ этихъ памятниковъ явствуетъ, что штрафныя деньги, поступаая въ общественную казну, образовывали тамъ особый капиталъ, употреблявшійся обыкновенно на общественныя постройки; то же было и въ другихъ городахъ, какъ это видно изъ одной Фирманской надписи, въ которой пять квесторовъ *aire moltaticod dederont* (С. I. L. 1, 181).

Другимъ органомъ общиннаго управленія Бавтій является сенатъ; о его дѣятельности упоминается лишь вскользь: онъ даетъ большинствомъ голосовъ своихъ членовъ дозволеніе интерцедировать созванію комицій. Это данное можно дополнить фактомъ, извлекаемымъ изъ *cirrus Abellanus*, о томъ, что сенатъ избираетъ комиссію для рѣшенія вопроса о созномъ святилищѣ. Эти два факта достаточно ясно указываютъ на значительное вліяніе сената въ общинной жизни.

Третье мѣсто въ общинномъ организмѣ занимаютъ магистраты, *meddis*. Въ развитіи магистратуры Бавтинскій памятникъ представляетъ данныя существенно отличныя отъ данныхъ, извлекаемыхъ изъ другихъ источниковъ. Разсмотримъ сперва послѣднія: во главѣ Самнитскихъ общинъ стоитъ магистратъ, носящій названіе *meddis, meddis tovtkis*, иногда съ прибавкою наименованія общины: *med. karva (meddix Carvianus, Цвѣт. п. 41 [38])*, *med. tuv. nuersens, medskelis. romraianels* (п. 62 [58]); эти *meddices* существенно отличны отъ упоминаемыхъ на Бавтинскомъ памятникѣ: на этомъ послѣднемъ слово

meddis обозначает чиновника, магистрата вообще, тогда какъ на другихъ это особая магистратура, довольно долго существовавшая у Самнитовъ и между ними весьма распространенная. Это подтверждается свидѣтельствами какъ литературными, такъ и эпиграфическими. Ливій упоминаетъ о *medix tuticus*, какъ о *summus magistratus apud Campanos* при разказѣ о событіяхъ 537 (XXIII, 35), 538 (XXIV, 19), 541 (XXVI, 6) годовъ; какъ о высшемъ магистратѣ у осковъ упоминаетъ о меддикѣ и Енній (*Annal.* 296 Vahl. *summus ibi capitur meddix, occiditur alter*); эта же магистратура встрѣчается на памятникахъ, современномъ Пирру Эпироту (Цвѣт. 160 [153]. *Momms. U. D.* p. 196), на другомъ, относимомъ во времени, предшествующему второй Пунійской войнѣ (Цвѣт. 41 [38]. *Momms. U. D.* p. 177) и т. д. Распространенность этой магистратуры подтверждается надписями, меддиксы встрѣчаются на памятникахъ области Эквовъ (Цвѣт., 1), въ *Bovianum* (Цвѣт. 15. 16. 19. 22 [15. 16. 18. 22]), въ Капуѣ (Цвѣт. п. 41 [38]), въ Нолѣ (Цвѣт. п. 56 [52]), въ Геркуланумѣ (Цвѣт. п. 60 [56]), въ Помпеяхъ (Цвѣт., 62. 64. 65. 69 [58, 61, 60, 64]), въ Мессанѣ (Цвѣт. п. 160 [153]); но въ этомъ же названіемъ былъ извѣстенъ высшій магистратъ и у Вольсковъ (*Mommsen U. D.* p. 320). Что касается придаваемого ему иногда эпитета *tovtiks=tuticus*, то онъ происходитъ очевидно отъ *tonto=populus, civitas*, и указываетъ на меддикса, какъ магистрата и начальника общины. Дѣятельность меддиксовъ намъ мало извѣстна; сообразно характеру дошедшихъ до насъ надписей, заключающихъ въ себѣ упоминанія о различныхъ общественныхъ сооруженіяхъ, и встрѣчающіеся на нихъ меддиксы являются лишь какъ магистраты, или отдающіе на подрядъ и потомъ принимающіе эти сооруженія, или какъ исполняющіе ихъ сами безъ подряда (Цвѣт., 1. *pup. herenniu med. tuv. nucrsens hercklei prufatted=Rupius Herennius meddix tuticus Nucrsenus Herculi probavit*). Можетъ быть, это относится къ храму, жертвеннику или статуѣ Геркулеса; *prufatted*, рядомъ съ которымъ встрѣчается обыкновенно *aamanaffed=mandavit*, указываетъ на то, что это посвященіе было сдѣлано Геренніемъ въ качествѣ официального, а не частнаго лица; Цвѣт. 15 [15] *pv. vesulliafs tr. m. t. ekfk. sakaraklom bovianod afkdafed=Novius Vessulliaeus Trebij f. meddix tuticus hoc? sacellum Boviani aedificavit?* Подобнаго же содержанія nn. 16, 18, 19, 22 [16, 17, 18, 22]; неясно содержаніе Капуанской надписи п. 41 [38]: *ска: tris III med kapva sakra: . use e. a: . miia: n. ssimas:=haec? testamento meddix Campanus sacra:..* Въ Геркуланумѣ меддиксъ дѣлаетъ

жертвенный столъ изъ мрамора, посвященный Венерѣ Эридинской. I. slabiis. I. aukfl. meddís. tovťks. herentatef. herukinaf. proffed=L: Slabius L. f. Aucilus meddix tuticus Veneri Erycinae probavit (n. 60 [56]); въ Помпеяхъ меддиксъ надзираетъ за прокладываемой дорогой (n. 62 [58].. ekass. vlass... medfkefs pompaianefs segevkiđ. imaden. uupsens fossu. afdills. proftatens=hanc viam... medicis Pompeiani cura ab ima (parte) operati sunt, iidem aediles probaverunt), отдастъ на подрядъ и принимаетъ постройку портика (n: 65 [60]: v. popidiis v. med. tov. passtata. skak. orsan. deded. isfdu. profattd=Vigius Popidius Vibii f. meddix tuticus porticum hanc operandam dedit, idem probavit) и другихъ общественныхъ сооружений (n. 64 [61]), наконецъ, въ Мессанѣ меддиксы отъ имени общины выстраиваютъ храмъ или сооружаютъ жертвенникъ Аполлону (n. 160 [153].. meddix ootkovk. avac. toEto mapaptivo aπkaλλoovnι saxopo=meddices fecerunt et civitas Mamertina Apollini sacrum?). Изъ этого памятника между прочимъ явствуетъ, что въ нѣкоторыхъ (если не во всѣхъ) общинахъ меддиксовъ было два, точно такъ, какъ эта же двойственность оказывается и въ другихъ магистратурахъ. Отдѣльно отъ этихъ меддиксовъ стоятъ meddiss degetasios, встрѣчающіеся на cippus Abellanus и двухъ Ноланскихъ надписяхъ (nп. 57. 58 [53, 54]). Сверхъ меддиксовъ, въ Самнитскихъ общинахъ мы находимъ еще слѣдующихъ магистратовъ:

цензоровъ, упоминаемыхъ и на Бантинской надписи. Моммзенъ (U. D. p. 160) весьма обстоятельно изложилъ данныя относительно цензоровъ и ценза въ италійскихъ общинахъ, и потому, не повторяя его изслѣдованія, равно какъ и сказаннаго выше по поводу параграфа Бантинской надписи, въ которомъ говорилось о цензѣ въ этой общинѣ, мы здѣсь приведемъ лишь то, что сообщаютъ о цензорахъ другія оскія надписи. Въ одной, изъ области Френтановъ (n. 4), упоминаются два цензора,—цифра, бывшая вѣроятно обязательною и для всѣхъ италійскихъ общинъ. Этому не противорѣчитъ то, что на другой надписи, изъ Bovianum, мы встрѣтимъ одного цензора, который дѣлаетъ объѣзъ божеству и очищеніе (lustratio) народа—и въ Римѣ, гдѣ постоянно было два цензора, они метали жребій uter lustrum faciat (Varro, l. l. VI. 9.). Памятникъ, въ которомъ упоминается про это lustratio, весьма любопытенъ и понятъ въ настоящемъ значеніи лишь очень недавно, благодаря остроумію Бухелера (Rh. Mus. 1875. p. 441 sqq.). Онъ найденъ въ Bovianum и читается слѣдующимъ образомъ: urtam. his dsafinim. sakupam. fak. oinim. keenzstur. alieis. marajieis. paam. essuf. ombnaut. postiris. esidu. unated. ffsnfm. lef-

goss. samíil oúfríkonoss. fíf. (Цвѣт., п. 17 [20]). Вухелеръ первый увидѣлъ здѣсь слѣды мѣрной рѣчи и возстановилъ слѣдующіе сатурніи:

urtám lífsd Safnīm—sákupam fak ónfm kèenzstur
Afiels Maraleis, pám essuf—ðmbnavt. pðstiris esidu
unátéd fêfsnīm leígoss—sámii lóvfríkonðss fíf.

перевода ихъ:

Votúm solvit Samnítium—univórsum id cénzor
Aíús Mariús quod ípse—voverat. deinde idem
sacrís simul legiónes—cum populó lustrávit.

Это открытіе Вухелера имѣеть огромную важность, такъ какъ указываетъ на распространенность и національность сатурнова метра, versus cui prisca apud Latinos aetas tamquam Italo et indigenae Saturnio sive Faunio nomen dedit (Mar. Victorin. 2586. P.). Вухелеръ же доказалъ сатурновъ метръ и въ найденномъ недавно памятникѣ изъ Корфиніума, въ землѣ Пелыгновъ (Bullett. d. Instit. 1877. p. 184; Bréal въ Revue Archéol. 1877. p. 413; Bücheler въ Rhein. Mus. 1877; p. 271 sqq; Bugge Altitalische Studien, p. 62 sq.). Вслѣдъ за нимъ Bugge усмотрѣлъ сатурніи еще въ двухъ памятникахъ оскаго нарѣчія (Цвѣт., шп. 25 и 143 [26 и 136]); его же, какъ намъ думается, слѣдуетъ признать и въ любопытной надписи, найденной недавно близъ Lago Fusino (Fiorelli въ Notizie degli scavi di antichità. Dicembre 1877, p. 329). Не менѣе формы любопытно и содержаніе нашего памятника: цензоръ является въ немъ не столько свѣтскимъ чиновникомъ, сколько духовнымъ совершителемъ религіозныхъ обрядовъ: онъ даетъ обѣтъ божеству отъ имени всѣхъ Самнитовъ и исполняетъ его, точно также, какъ и въ Римѣ цензоры по окончаніи переписи читали sollemne precationis carmen (Valer. Max., IV. 1. 10). Изъ упоминанія leígoss—legiones можно думать, что этотъ обѣтъ былъ данъ на войнѣ; если это такъ, то мы принуждены будемъ отмѣтить безпримѣрный фактъ — военного водительства цензора. Въ силу своихъ двойнаго рода обязанностей, онъ принесъ искупительную жертву въ храмѣ (fífsnīm = in fano) за легіоны и за народъ. О lustratio legionovъ мы находимъ извѣстія и у римскихъ писателей; Ливій, разказывая о событіяхъ 563 года, говоритъ о походѣ консула Кн. Манлія въ Галлогрецію: прибывъ въ Ефесъ acceptisque copiis a L. Scipione et exercitu lustrato concionem apud milites habuit (Liv. XXXVIII, 12).

Вслѣдъ за цензорами мы должны упомянуть объ эдилахъ. На бан-

тинскомъ памятникѣ они не встрѣчаются, но извѣстны изъ другихъ надписей; такъ, два эдила (aidilis) въ Самніумѣ выстраиваютъ храмъ (Цвѣт., п. 12. 20 [10 и 19]), въ Помпеяхъ прокладываютъ дорогу. Памятникъ, въ которомъ упоминается объ этомъ, не лишень значенія; онъ читается (у г. Цвѣтаева, п. 63 [59]). Объ эдилахъ въ Помпеяхъ упоминается еще въ отрывкахъ 68, 73 [65 и 69]: *m? siuttjis. m. p. pontiis, m aidilis ekak viam teremnatens. ant. ponttram. stafianam. viu. teremnatust. per. X. fossu. via. pompaiiana. teremnatens. perek. III. ant. kafla. ioveis. meelkiieis. ekass. inf. viai ioviia. inf. dekkvia-rfm. medfkeis. pompaiianeis screvkid. imaden. uupsens. fossu. aidilis. profattens*—*M. Suttius M. f. N. Pontius M. f. acdiles hanc viam terminaverunt ante pontem Stabianum, via terminata est perticis X. iidem viam Pompeianam terminaverunt perticis III ante templum Jovis Milichii. Has vias et viam Joviam et Decuriale medicis Pompeiani cura ab ima (parte) operati sunt, iidem aediles probaverunt.* Надпись найдена въ 1851 году, возлѣ городскихъ воротъ помпеянскихъ, обращенныхъ по направленію къ Стабіѣ (porta Stabiana); очевидно, что дорога, которая вела къ этимъ воротамъ и есть: *haec via* (какъ *viam* = *hanc viam*), которую окончили два эдила Маркъ Суттій и Нумизій Понтій; начиналась же эта дорога *ante pontem Stabianum*, можетъ быть, моста, перекинутого черезъ рѣку Сарно (Sarpus), которая, по всей вѣроятности, служила границею между областями Помпей и Стабіѣ; Ниссенъ (das Templum p. 195), какъ кажется, ошибочно ищетъ упоминутія въ надписи дороги въ городѣ, а не внѣ его. Ширина этой дороги опредѣляется на надписи словами: *per X = perticis X. Pertica*—шесть, длиною въ 10 или 12 футовъ (Lachmann, Gromat. 1. p. 339, 371), не можетъ соответствовать *cirrus* (*viam terminaverunt cirris*. Корссенъ, Ephem. epigr. 11, 167), и повсей вѣроятности, указываетъ на ширину дороги. Вюхслеръ (Jenaer L. Ztng. 1874, p. 609) понимаетъ это иначе: онъ видитъ въ *per. X* и *perek III* обозначеніе разстоянія между мѣстомъ надписи съ одной и мостомъ и храмомъ Юпитера съ другою стороны. Дорога была возобновлена впоследствии, уже въ римскую эпоху, дуумвирами Лудіемъ Авіаніемъ и Квинтомъ Спедіемъ, о чемъ свидѣтельствуетъ находящаяся возлѣ тѣхъ же Стабіанскихъ воротъ надпись: *L. Avianius L. f. Men. Flaccus Pontianus Q. Spedius Q. f. Men. Firmus II, vir. i. d. viam a milliario ad Gisiarios qua territorium est Pompeianorum sua pec. munierunt.* (Fiorelli descrizione di Pompei, p. 28; Gisiarii portae Stellatinae попадаются на одной, подобнаго же содержанія, надписи въ Calce, н. Calvi. Momms.,

J. R. N. 3953). По словамъ Фіорелли, дорога очень узка и имѣетъ троттуаръ для пѣшеходовъ только съ одной стороны. Тѣ же самыя эдилы, продолжаетъ надпись,—окончили *via pompeiana* = *via Pompeiana*, дорогу, въ настоящее время неизвѣстную, ширина которой была всего лишь въ 3 *perticae* и которая кончалась передъ храмомъ *ioveis meelfkieis*. Наконецъ, упоминаются еще двѣ, также ближайшимъ образомъ неизвѣстныя дороги: *Jovia* и *Decurialis*, принятія, послѣ проведенія ихъ по подряду, тѣми же эдилами. При этомъ любопытны слова надписи: *medikeis pompeianensis serovkid* = *medicis Pompeiani curā*, указывающія на подчиненность эдиловъ медиксу.

И о квесторахъ сохранились нѣкоторые свѣдѣнія въ оскихъ памятникахъ. Квестура, какъ свидѣтельствуетъ бантинскій памятникъ, предшествовала претурѣ и цензурѣ, изъ чего можно не безъ вѣроятности заключать, что и въ самнитскихъ общинахъ, какъ и въ Римѣ, эта магистратура служила *primus honoris gradus*. Кромѣ Бантин, квесторы встрѣчаются еще въ Абеллѣ и въ Помпеяхъ: на *ciprus Abelanus* квесторъ Абеллы принимаетъ участіе въ установленіи границъ союзнаго святилища, въ Помпеяхъ квесторы отдають на подрядъ и принимаютъ общественныя постройки; любопытны слѣдующія надписи: (Цвѣт., 63 [59]): *V. aadirans v. estiuam. paam vereiiaf. pompeianaf. tristaamentud. deded. efsak. estiuvad V. vifnikis. mr. kvafstur. pompeians. trifbom. ekak. kombenniiefs. tanginud. opsannam deded. isfidum. profatted* = *Vibius Adiranus Vibii f. pecuniam quam iuventuti Pompeianae testamento dedit, ea pecunia Vibius Vinicius Marae f. quaestor Pompeianus aedificium hoc conventus scito operandum dedit, idem probavit*. Надпись эта найдена въ зданіи, носившемъ названіе *Curia Isiaca*, назначеніе котораго не ясно (*Overbeek, Pompei 1^a 134*); изъ нея явствуетъ, что это зданіе выстроено, по порученію общины (*kombenniiefs tanginud* указываетъ, какъ кажется, не на рѣшеніе сената, какъ обыкновенно полагають, но на рѣшеніе всей общины, въ комиціяхъ), квесторомъ Вибіемъ Виниціемъ на деньги, оставленныя по завѣщанію Вибіемъ Адираномъ; завѣщатель отказалъ капиталъ *vereiiaf pompeianaf* = *inventuti Pompeianae*, изъ чего Бухелеръ выводитъ, что и зданіе, выстроенное на этотъ капиталъ, должно имѣть какое-нибудь отношеніе къ молодежи, и видитъ въ немъ палестру. На другой, помпеянскоѣ же надписи, квесторъ, по рѣшенію того же *conventus*, отдаетъ на подрядъ сооруженіе солнечныхъ часовъ на сумму, собранную со штрафовъ (Цвѣт., 66 [62]); на двухъ другихъ,

фрагментированныхъ памятникахъ (Цвѣт., п. 70. 71 [66, 67]) мы также читаемъ о постройкахъ, исполненныхъ квесторами.

Только бантинской надписи обязаны мы свѣдѣніями еще о трехъ магистратахъ: преторѣ, префектѣ и народныхъ трибунахъ. Преторъ является во главѣ бантинскихъ чиновниковъ и получалъ эту магистратуру не иначе, какъ пробывъ предварительно опредѣленное время въ должности квестора; преторъ является въ надписи исключительно, какъ лицо, имѣющее юрисдикцію. Иногда онъ замѣнялся и префектомъ, о которомъ ничего болѣе неизвѣстно. Что преторъ первоначально стоялъ во главѣ латинскихъ общинъ, объ этомъ свидѣтельствуесть *lex repetund.* 632 г. (Brunn, p. 64, стр. 78), гдѣ у помен *Latinum* упоминаются диктаторъ, преторъ, эдилъ (см. Mommsen U. D., p. 162. Marquardt, Röm. Staatsverwaltung. 1, p. 475 sq.). Наконецъ, упоминаются и народные трибуны, стоящіе въ отдѣльности отъ прочихъ магистратовъ и имѣвшіе характеръ исключительно плебейскихъ чиновниковъ; существовали народные трибуны и въ другихъ италійскихъ общинахъ: Моммзенъ (U. D., p. 163, п. 55) приводитъ упоминающія объ нихъ надписи—одну изъ Венозы (*Venusia*), другую изъ Теана Сидициновъ. (I. R. N. 3998, 704).

Скудны данныя, относящіяся къ устройству бантинской общины, но не на столько ничтожны, чтобы не дозволить отмѣтить ея отношеніе къ Риму: его вліяніе на общинную жизнь Бантіи сказалось весьма рѣзко. Выше было отмѣчено не мало чисто римскихъ чертъ, нашедшихъ себѣ мѣсто и въ Луканскомъ городкѣ; здѣсь слѣдуетъ лишь отмѣтить, что римское вліяніе сказалось и во внѣшности—на алфавитѣ. Но не окончательно уничтожило оно самостоятельность и національность Бантинцевъ: онѣ сказываются и въ ихъ названіи—*sevs bantins=civis Bantinus*, и въ языкѣ официального документа оскомъ, а не латинскомъ.

Переходимъ къ четвертому и послѣднему памятнику, на которомъ хотимъ остановить вниманіе читателей—это найденный недавно наговоръ, изданный и объясненный Бухелеромъ. По внѣшности, мѣсту и по обстоятельствамъ находки этотъ наговоръ имѣетъ большое сходство съ другимъ, бывшимъ извѣстнымъ уже давно (съ 1857 г.) и изданными у г. Цвѣтаева п. 49 (46). Оба памятника найдены въ мѣстности, прилежащей къ древней Капуѣ, оба въ гробницахъ, оба представляютъ свернутыя свинцовыя пластинки, покрытыя письменами только на одной, внутренней сторонѣ. Такъ какъ первый, небольшой по объему и не мудреный по содержанію, былъ сразу отмѣченъ, какъ

образецъ defixio или devotio, то естественно было уже a priori прийти къ предположенію о тождественности назначенія и втораго. Приобрѣтенный случайно, этотъ памятникъ, былъ подаренъ проф. Бюхелеру, который съ рѣдкою тщательностью и умѣньемъ прочиталъ надпись и представилъ попытку ея объясненія. Трудность, съ которою сопряжено чтеніе подобнаго рода памятниковъ, легко понятна, если представить себѣ окисдиврованную, перегнутую и переломанную свинцовую поверхность, на которой тонкимъ остріемъ, большею частью небрежно, нацарапаны буквы; приложенная Бюхелеромъ къ его изданію и помѣщенная также и г. Цвѣтаевымъ литографія не даетъ объ этомъ понятія, такъ какъ на ней памятникъ передается уже прочтеннымъ—вѣрно ли, невѣрно ли, вопросъ иной. Отвѣчая на него, мы должны повторить сказанное раньше, именно, что Бюхелеръ не въ одномъ мѣстѣ заявляетъ о томъ, что литографъ прочелъ нѣкоторые мѣста памятника иначе, чѣмъ прочтены они издателемъ, провѣрившимъ свое чтеніе нѣсколько разъ по оригиналу.

Такъ какъ текстъ памятника не вошелъ въ русское изданіе г. Цвѣтаева, то мы, по причинамъ, изложеннымъ выше, считаемъ умѣстнымъ сообщить его, сперва въ чтеніи Бюхелера, а затѣмъ въ чтеніи Бугге. Вотъ какъ читаетъ и переводитъ Бюхелеръ:

Keri arentik[ai man] afum pai pui... heriam suvam legin— —
 2 usurs inim malaks nistrus pakiu Kluvatind valamais pukiu] anikadum damia — — | 3 leginum aflukad idik tfei manafum Vibiiiai prebajam pu. ulum da[da]d keru ar[entikai inim] | 4. valaimas puklum inim ulas leginei svai neip dadid lamatir akrid eiseis dunte— | 5 inim kaispatar i[nim] krustatar svai neip avt svai tiium idik fifikus pust eis— | 6 pun kahad avt n... ruum neip putiiad pun um kahad avt svai pid perfa—[neip] | 7 putiiad nip hu[n]truis nip supruis aisusis putiians pidum putiians ufteis ud— | 8 valaimas puklui pun far kahad nip putiiad edum nip menvum linu pi— | 9 pai humuns bivus karanter suluh pakis kluvatiis valaimas puk turumiad— | 10 vibiiiai aqviiiai svai puh aflakus pakim kluvatiium valaimas puklui supr— | 11 inim tuvai leginei inim sakrim svai puh aflakus huntru steras huntru sa— | 12 valaimais puklu avt keru aret [ikai] avt ulas leginei—as trutas tus.—Кромѣ того, на наружной сторонѣ пластинки написано: keru: arentika... pai pui suvah... eginu... krus...

Сообщая переводъ Бюхелера, считаемъ нужнымъ замѣтить, что самъ переводчикъ не считаетъ его безусловно вѣрнымъ во всѣхъ подробностяхъ: многому онъ придаетъ лишь значеніе догадки, предпочтаетъ осн, отд. 2.

читая дать что нибудь вѣроятное, чѣмъ не дать ровно ничего. Вотъ этотъ переводъ: Cereri ultrici mandavi, quae qui... arbitrium suum potestat— | 2—orus et mollis propiores Paquio Cluatio dis Manibus— | 3 potestatem deferat, id tibi mandavi. Vibiae prae—am—um reddat. Cereri ultrici et | 4 dis Manibus et sepulcri potestati, si nec reddit, veneat. acri eius— | 5 et caedatur et cruentetur, si nec, aut si tu id decreveris postea— | 6 cum capit aut—num, ne possit. cum—capit aut si quid perfic—[ne] | 7 possit. nec inferis nec superis sacrificiis possint, quidquam possint— | 8 di Manes. cum far capit, ne possit edere nec minuere famem— | 9 quae homines vivi pascuntur. denique Paquius Cluatus dis Manibus tabescat— | 10 Vibiae Aquiac, sive detuleris Paquium Cluatium dis Manibus supra— | 11 et tuae potestati et sacrum, sive detuleris infra—as infra— | 12 dis Manibus aut Cereri ultrici aut sepulori potestati, — certas. — Переводъ этотъ обоснованъ Вюхелеромъ въ обширномъ комментарий, общая характеристика котораго была сообщена нами выше. Объемъ объясненій зависѣлъ отъ свойства памятника, представляющаго очень много совершенно новыхъ словъ и формъ. При ихъ разгадкѣ, Вюхелеръ руководствовался преимущественно сравненіемъ съ длиннымъ рядомъ defixiones, сохранившимися въ греческой и латинской эпиграфикѣ (см. наше сочиненіе: Эпиграфическіе этюды, С.-Пб. 1873).

Совершенно естественно, что, съ одной стороны, при трудности чтенія надписи, и съ другой, при возможности нѣсколькихъ толкованій неизвѣстнаго, другіе изслѣдователи могутъ прійти къ другому чтенію и переводу, какъ это и случилось съ Бугге, который въ неоднократно цитованной брошюрѣ: Altitalische Studien читаетъ нашъ разговоръ слѣдующимъ образомъ:

Keri aren[tikai man] afum pai po[i] heriam suvam leg[inom suvam es] aka [ratos aflokid] | 2 osurs inim malaks nistros pakiu kluvatiud valaimas p[uklu] ant kadum damia[ntid suvam] | 3 leginom aflokad idik tifei manafum vibiiiai prebai ampo[l]olom da[da]d keru ar[entikai] | 4 valaimas puklom inim olas leginei svai neip dadid lamatir akrid eiseis donte[is...] | 5 inim kaispatar i[nim] krustatar svai neip avt svai tiiom idik fifikus post eis[oi...] | 6 pon kahad pod'n[ene] ruom neip potiiad ponom kahad avt svai pid perfa[htum id ni] | 7 potiiad nip ho[n]trois nip suprois aisusis potiians pidum potiians ofteis ad[akium] | 8 valaimas pukloi pon far kahad nip potiiad edum nip menyum limo pi[dum eisunk?] | 9 pai homuns bivovs karanter soluh Pakis kluvatiis valaim(a)s puk(1o) toromiad l[ovfrom]— | 10 vibiiiai akviiiai svai poh aflakus pakim klu-

vaiitom valaimas puklo supr[os...] | 11 inim tuvai leginei inim sakrim svai poh aflakus hontros teras hontros a... | 12 valaimas puklo avt keriare[ikai] avt olas leginei—as trutas tus.

Какъ видно съ перваго раза, Бугге прочелъ больше, чѣмъ Бюхелеръ, но не потому, чтобы лучше его разобралъ надпись, а потому, что отнесся къ своей задачѣ съ большею смѣлостью. Она сказывается и въ его переводѣ: Cereri ultrici mandavimus, quae qui ad regnum suum ad cohortem suam execratos adigit | , 2 osores et malevolos nostros, Paquio Cluatio Optimaе purgamento ante cadere demeante, ad suam | 3 cohortem adigat, id tibi mandavimus Viblae spoliatae ministrum reddat. Cereri ultrici | 4 Optimaе purgamentum et illius cohorti, si necreddit, mancipator. raptim eius devoti [cinis?] | 5 et caespitibus et glebis tegitor, si nec, aut si te (?) id decreveris (?) post e[i.....] | 6 cum incohat, quod virilitate carens non possit, unquam incohat, aut si quid perfe [ctum it, ne] | 7 possit, nec inferis nec superis sacrificia possint, quidquam possint grati odoris facere | 8 Optimaе purgamento, cum far parat, nec possit edere nec minuere famem qu[od]quam eorum] | 9 quae homines vivi pascuntur. omnino Paquius Cluatius Optimaе purgamentum torqueatur [iberum] | 10 Viblae Aquiaе, sive adegeris Paquium Cluatius Optimaе purgamentum ad super[os...] | 11 et tuae cohorti et sacrum, sive adegeris ad inferos terrae ad inferos a.... | 12 Optimaе purgamentum aut Cereri ultrici aut illius cohorti,—ac quartaе.

Уже при поверхностномъ сличеніи обоихъ чтеній и переводовъ видно, что они разнятся, и притомъ значительно: тамъ, гдѣ Бюхелеръ не считъ возможнымъ идти далѣе въ своихъ восстановленіяхъ и предположеніяхъ, Бугге не затруднился и представилъ объясненія остроумныя, но въ большинствѣ случаевъ лишенныя твердой почвы. Мы не можемъ входить въ подробный разборъ чтенія и интерпретаціи того и другаго филолога, не можемъ рѣшить, при ихъ разногласіи, въ пользу того или другаго: non nostrum... tantas componere lites. Ограничимся сообщеніемъ того немногаго, что можетъ быть признано, если не положительно вѣрнымъ, то весьма вѣроятнымъ въ этомъ памятникѣ, выдающемся въ ряду другихъ темнотою и неопредѣленностью своего содержанія.

О томъ, что рассматриваемая надпись есть наговоръ (defixio devotio, ἐκφθεγή), можно заключать по ея внѣшности и обстоятельству находки. Слѣдовательно, въ ней прежде всего должно искать того, что свойственно всѣмъ, дошедшимъ до насъ наговорамъ, и именно: обозначеніе лица, противъ котораго направлено заклинаніе, ука-

заніе повода, его вызвавшего, и описаніе того зла, которое на это лицо накликается; къ этому должно быть присоединено и имя того божества, подѣ вредоносное вліяніе котораго оно ставится. Сверхъ сего, можно искать и обозначеніе лица, составляющаго наговоръ. Что же изъ указанныхъ признаковъ можно найти въ рассматриваемомъ памятникѣ?—Изъ собственныхъ именъ лицъ въ немъ встрѣчаются два, стоящія не вмѣстѣ, а порознь, и слѣдовательно, обозначающія: одно—лицо наговаривающее, другое—лицо, на которое направленъ наговоръ. Одно имя встрѣчается три раза: 2. Pakiu kluvatiud, 9 Pakis kbuvatiis, 10 Pakim kluvatiium, другое два: 3 Vibiiai, 10 Vibiiai Akviiiai. Изъ того обстоятельства, что первое имя встрѣчается чаще и притомъ въ различныхъ падежахъ (Abl. Nomin. и Acc.), можно уже а priori заключить, что Paquius Cluatius есть лицо, которому желаетъ зло Vibia Aquia. Это подтверждается и контекстомъ, въ которомъ стоятъ означенныя имена: такъ въ строкахъ 9-й читается: suluh Pakis kluvatiis valaims puk turumiad... Vibiiai Akviiiai svai puh aflakus Pakim Kluvatiium valaimas puklui supr... inim tuvai leginei inim sakrim svai puh aflakus huntru steras huntru sa... valaimais puklu avt Keri aretikai avt ulas leginei.... Въ этомъ отрывкѣ съ достаточною твердостью можно опредѣлить значеніе слѣдующихъ словъ: suluh Abl., оламенѣвшій въ нарѣчіе; слово сродно по корню съ salavs, ѱлос=totus, и значить: denique, ad summam, omnino. Слово: turumiad можетъ быть положительно опредѣлено, какъ глагольная форма (3 pers. cop. praes. activ.; сл. herfiad, potiad), къ которой Pakis kluvatiis будетъ субъектомъ; значеніе слова неясно; можно съ вѣроятностью лишь думать о томъ, что оно относилось къ обозначенію вредоноснаго дѣйствія, накликаемаго на Клуатія (tabescat—Büch. torqueatur—Bug.). Слѣдующія слова: svai puh = sive, уже извѣстныя изъ tabula Bantina, указываютъ на раздѣлительныя предложенія, что подтверждается и строкою 11-ю, гдѣ они повторяются. Раздѣленіе имѣетъ характеръ противоположенія, что явствуетъ изъ словъ: supr... и huntru, противопоставляемыхъ въ строкахъ 7-й: nip huntruis nip surpruis. Первое бесспорно стоитъ въ связи съ super, supra, ѱпэр, второе — съ hutra, hondra, hondomu игувинскихъ таблицъ, словами, имѣющими отношеніе къ подземнымъ божествамъ и жертвоприношеніямъ по умершимъ (Breal, 159 и др.). Упомянутыя понятія supra и infra, superi и inferi въ посвященіе человѣка богамъ преисподней естественно и попятно. Сверхъ этихъ словъ, въ противопоставляемыхъ предложеніяхъ повторяется слово aflakus, управляющее въ первомъ винительномъ: Pakim kluvatiium.

Въ 3-й строкѣ, сверхъ того, стоитъ слово *aflukad*, относящееся, очевидно, къ тому же самому началу. Значеніе ихъ неясно: можно довольно опредѣленно сказать, что это глаголь, и притомъ глаголь переходящій, но смыслъ его не довольно ясенъ: Бюхелеръ понимаетъ его какъ *deferre*, Бугге, какъ *adigere*.

Что касается повода, вызвавшаго наговоръ, то опредѣленнаго сказать о немъ нельзя; можно лишь догадываться, что имъ не былъ какой-нибудь проступокъ, оскорбившій любовь Вибіи (каковой мотивъ встрѣчается въ очень многихъ изъ дошедшихъ до насъ наговоровъ), но нѣчто болѣе прозаическое, въ родѣ воровства или не отданнаго долга. Къ этому поводу относятся слова въ строкѣ 4-й: *svai neip dadit lamatir*, которыя Бюхелеръ понялъ совершенно вѣрно: *si nec reddit veneat*. Такимъ образомъ, мы будемъ имѣть поводъ наговора, подобный встрѣчающемуся въ одной британской надписи (C. I. L. VII, 140), гдѣ читаемъ: *Devo Nodenti Silulanus anilum perdedit demediam partem donavit Nodenti inter quibus nomen Seneciani nollis petmittas sanitatem donec perferat usque templum Nodentis* (сл. C. I. L. II, 462, Эпиграф. этюды, стр. 295).

Описаніе тѣхъ бѣдъ, которыя накликаются на Паквія, весьма подробно: одно изъ нихъ *lamatir*, мы уже видѣли выше; кромѣ нашего памятника, это слово въ той же формѣ попадаетъ и на *tabula Bantina* (строка 21), гдѣ къ нему совершенно подходитъ значеніе *venum detur tanquam praedia* (Bücheler у Bruns fontes, p. 47). Это же значеніе подтверждается и нашимъ памятникомъ, въ которомъ *lamatir* совершенно соответствуетъ угрозѣ, неоднократно повторяющейся на наговорахъ, найденныхъ въ Книдскомъ храмѣ Димитри: *παρά Δάμτρι πεπρυσμένος* (Эпиграф. эт., стр. 29 и др.). Какъ этотъ послѣдній оборотъ слѣдуетъ понимать въ переносномъ смыслѣ про лицо, передаваемое, подобно проданному рабу, во власть карающаго божества (срав. Эпигр. эт., стр. 64), такъ въ этомъ же переносномъ значеніи можно принимать и оское *lamatir*. Слѣдующія за симъ въ строкѣ 5-й и сл. угрозы въ большей своей части представляются не совсѣмъ понятными, вслѣдствіе чего толкуются различно; такъ, напримѣръ, слова: *iim kaispatar i(nim) krustatar* Бюхелеръ переводитъ: *et caedatur et cruentetur*, а Бугге—*et caespitibus et glebis tegitor*. Болѣе понятна угроза въ стр. 8 *pun far kahad nip putijad edum nip menyum limu pi—pai humuns bivus karanter=cum far capit, ne possit edere nec minuere famem—quae homines vivi pascutur*. Бюхелеръ (Osk. Bleit., p. 44) приводитъ много примѣровъ подобныхъ пожеланій изъ греческой и латинской литера-

туры. Наконецъ Паквію Клуацію желаетъ Вибіа, чтобъ онъ *turgumiad*, что Вухелеръ переводить черезъ *tabescat*.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать о божествѣ, во власть котораго передается девовируемое лицо. Это божество упоминается неоднократно; полнѣе всего оно читается въ 3-й и 4-й строкахъ: *Keri ar(entikai inim) valaimas ruklum inim ulas leginei*. Если вѣрно вставляемое Вухелеромъ *inim*, то въ этой фразѣ мы имѣемъ обозначеніе трехъ силъ, которымъ передается Паквій; изъ нихъ съ вѣроятностью можетъ быть опредѣлена лишь первая: *Keri agentikai=Cereri ultrici*. Съ именемъ этого божества, въ формѣ *Kerri*, мы уже встрѣчались при разборѣ *tabula Agnopensis*. Эта Церера, *Αημήτηρ*, фигурирующая на Кипдскихъ паговорахъ, не есть однако божество только благодѣющее, но и божество хтоническое, слѣдовательно, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, вредоносное. Посему, эту послѣднюю силу слѣдуетъ видѣть въ эпитетѣ *agentikai*, который придается на нашемъ памятникѣ слову *Keri*. Эпитетъ этотъ очень остроумно объясненъ Вухелеромъ при помощи одной глоссы Исихія: *Ἀρτύσιον Ἐριώσα Μαχάδωσα*. Такимъ образомъ, этотъ эпитетъ опредѣляетъ Цереру, какъ божество мстящее, наказующее челоуѣка за совершенное имъ преступленіе.—Что касается двухъ другихъ силъ, которымъ передается Паквій, то ихъ значеніе угадать весьма трудно, и объясненія какъ Вухелера (=et *dis manibus et sepulcri potestati*) такъ и Бугте (=optinae purgamentum et illius cohorti) представляются мало правдоподобными.

Время, къ которому относится интересующій насъ памятникъ, опредѣлить съ точностью довольно трудно, такъ какъ, съ одной стороны, въ немъ нѣтъ указаній на какую-нибудь опредѣленную дату, и съ другой—италійская палеографія еще такъ не разработана, что не можетъ дать какихъ-либо указаній на время написанія. Тѣмъ не менѣе, основываясь на нѣкоторыхъ наблюденіяхъ, преимущественно грамматическихъ, Вухелеръ счелъ возможнымъ отнести названный памятникъ къ первой половинѣ втораго столѣтія до Р. Хр.

Заканчиваемъ нашъ рефератъ выраженіемъ благодарности какъ автору разсмотрѣнныхъ трудовъ за его прекрасный вкладъ въ сокровищницу науки, такъ и тѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, которыя дали возможность латинскому труду г. Цвѣтаева явиться въ столь изящномъ и роскошномъ видѣ.

И. Немиловскій.